

КЛАССИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дороти Ли СЕЙЕРС

Чей труп?

*Лорд Питер Уимзи
ведет расследование*

А М Ф О Р А

MILTON PUBLIC LIBRARY

Copley Square

К Л А С С И Ч Е С К И Й Д Е Т Е К Т И В

ДОРОТИ ЛИ СЕЙЕРС

Чей труп?

роман о лорде Питере Уинзи

Санкт-Петербург

АМФОРА

2000

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
С 28

ЧЕЙ ТРУП

Dorothy L. Sayers
WHOSE BODY?

Перевод с английского М. М. Ланиной

*GL
RUS*

Сейерс Д. Л.
С 28 Чей труп?: Роман / Пер. с англ. М. Ланиной. — СПб.: Амфора, 2000. — 302 с.

ISBN 5-8301-0126-2

ISBN 5-8301-0126-2

© М. Ланина, перевод, 1993.
© «Амфора», оформление серии, 2000.

— Черт возьми! — воскликнул лорд Питер Уимзи на площади Пикадилли. — Эй, любезный!

Шофер такси, который лавировал в это время между велосипедистом и двумя автобусами — 19-м и 38-м, пытаюсь свернуть на Риджент-стрит, был явно раздражен этим возгласом и откликнулся с большой неохотой.

— Я забыл каталог, — извиняющимся тоном произнес лорд Питер. — Совершенно несвойственная мне небрежность. Не возражаете, если мы вернемся обратно?

— В клуб «Савил», сэр?

— Нет... Пикадилли, сто десять... сразу за ним... спасибо.

— Мне показалось, что вы спешите, — обиженно заметил шофер.

— Я понимаю, что это не самое удобное место, чтобы развернуться, — ответил лорд Питер скорее на невысказанные мысли шофера, чем на слова. Его удлинненное добродушное лицо приняло такое выражение, словно оно только что

вылупилось из цилиндра, как сырная личинка из горгонцольского сыра.

Двигаясь рывками под суровым оком полицейского и со звуками, напоминающими зубовой скрежет, такси начало медленно разворачиваться.

Квартал безупречно новых и дорогих квартир, одну из которых занимал лорд Питер, располагался прямо напротив Грин-парка, на месте, где в течение многих лет высился остов бессмысленного коммерческого предприятия. Не успел лорд Питер войти, как из библиотеки послышался громкий и хорошо поставленный мужской голос, свойственный людям, часто говорящим по телефону.

— По-моему, его милость как раз изволили вернуться. Если ваша светлость любезно согласится подождать...

— В чем дело, Бантер?

— Милорд, это звонит ее светлость из Денвера. Не успел я сказать, что ваша милость изволили уехать на аукцион, как услышал, что вы открываете дверь.

— Спасибо, — откликнулся лорд Питер, — а ты тем временем найди мой каталог. Наверное, я оставил его в спальне или на письменном столе.

Со светской неторопливостью он расположился у телефона, словно собираясь поболтать с зашедшим в гости приятелем.

— Алло, мама, — это ты?

— А, милый, вот ты где, — зазвучал голос вдовствующей герцогини. — Я так боялась, что упущу тебя.

— Ну, в каком-то смысле это и произошло. Я уже отправился на аукцион в Броклбери купить пару книг, но пришлось вернуться за каталогом. А в чем дело?

— Такая странная вещь, — промолвила герцогиня, — я подумала, что надо тебе о ней рассказать. Ты ведь знаешь маленького мистера Типпса?

— Типпса? — переспросил лорд Питер. — Типпс? А, да, это маленький архитектор, который ремонтирует крышу церкви. Да. Ну и что с ним?

— Миссис Трогмортон была чрезвычайно... была очень взволнована.

— Прости, мама, я не расслышал. Миссис кто?

— Трогмортон... Трогмортон... жена викария.

— А, Трогмортон. Да?

— Мистер Типпс позвонил им сегодня утром. Понимаешь, он должен был приехать сегодня.

— Да?

— Он позвонил предупредить их, что не сможет приехать. Он был так расстроен, бедняжка. Он обнаружил в своей ванне труп.

— Прости, мама, я не расслышал. Обнаружил что? Где?

— Труп, милый, в своей ванне.

— Что? Нет-нет, мы еще не закончили. Пожалуйста, не разъединяйте. Алло! Алло! Это ты, мама? Алло... мама!.. Ах да... прости... Девушка собиралась нас разъединить. Что за труп?

— Мертвый мужчина, милый, совершенно обнаженный, но в пенсне. Миссис Трогмортон даже покраснела, когда рассказывала мне об этом. По-моему, в наших сельских приходах люди становятся несколько ограниченными.

— Да, звучит довольно неожиданно. Кто-то из знакомых мистера Типпса?

— Нет, милый, не думаю, хотя, конечно, он не сообщил ей все подробности. Миссис Трогмортон сказала, что он был в полном отчаянии. Он такой респектабельный человек, а теперь полиция в его доме и все прочее, — разумеется, он был очень взволнован.

— Бедняга Типпс. В какую неприятную историю он попал! Он живет в Баттерси, не так ли?

— Да, милый. Квартал Королевы Каролины, напротив парка. Такой большой дом сразу за углом после госпиталя. Я подумала: может, ты заглянешь туда и узнаешь, не можем ли мы чем-нибудь быть ему полезны. Он всегда ка-

зался мне милым и приятным человеком.

— О да, — усмехнулся лорд Питер.

Герцогиня постоянно оказывала ему неоценимую помощь в его пристрастии к криминальным расследованиям, хотя никогда не упоминала об этом увлечении и даже более того — делала вид, что пребывает в полнейшем неведении о нем.

— А когда это произошло, мама?

— Кажется, мистер Типпс обнаружил его сегодня рано утром и, конечно, сначала не собирался ставить об этом в известность Трогмортонов. Миссис Трогмортон зашла ко мне перед самым ленчем и была так назойлива, что пришлось пригласить ее к столу. К счастью, я была одна. Когда надоедают мне — это еще полбеды, но я не выношу, когда приходится страдать моим гостям.

— Бедная мамочка! Огромное тебе спасибо, что позвонила. Пожалуй, на аукцион я пошлю Бантера, а сам сразу же отправлюсь в Баттерси и постараюсь успокоить нашего беднягу. Пока.

— До свидания, милый!

— Бантер!

— Да, милорд.

— Ее светлость только что сказала мне, что один почтенный архитектор, проживающий в Баттерси, обнаружил сегодня в своей ванной труп.

— Неужели, милорд? Как странно.

— Чрезвычайно, Бантер. Ты удивительно точно выразил это. Боюсь, что этому лаконизму меня не научил даже Итонский колледж. Нашел каталог?

— Вот он, милорд.

— Спасибо. Я сейчас же отправляюсь в Баттерси и прошу тебя съездить на аукцион вместо меня. Не теряй времени — я бы не хотел упустить ни Folio Dante¹, ни De Voragine, понимаешь? «Золотая Легенда» — Винкен де Верде, тысяча четыреста девяносто третий год, — понял? И особенно постарайся достать кэкстонское² собрание «Четырех сыновей Амона» — это уникальное издание тысяча четыреста восемьдесят девятого года. Видишь, я тут пометил и поставил свою сумму против каждого названия. Постарайся. К обеду я вернусь.

— Очень хорошо, милорд.

¹ Имеется в виду первое флорентийское издание 1481 года, осуществленное Никколо ди Лоренцо. Коллекция изданий Данте, собранная лордом Питером, заслуживает внимания. Кроме известного 8-томника 1502 года, она включает неапольское издание 1477 года — «edizione rarissima» согласно Коломбу. Появление этого издания покрыто тайной, что дало основание мистеру Паркеру полагать, что настоящий владелец попросту выкрал его откуда-то. Впрочем, лорд Питер настаивал, «что приобрел его в небольшом горном местечке» во время своего путешествия по Италии.

² К э к с т о н — первый английский издатель.

— Возьми мое такси и попроси водителя поторопиться. Может, тебя он послушает — ко мне он, кажется, не очень благоволит. Боюсь, что я, — задумчиво начал лорд Питер, вглядываясь в собственное отражение в каминном зеркале, — боюсь только, что я еще больше напугаю и без того перепуганного Типпса, если появлюсь у него в цилиндре и сюртуке. Или нет? Ставлю десять против одного, что он не обратит внимания на мои брюки и примет меня за владельца похоронного бюро. Я думаю, серый костюм, изящный, но не слишком торжественный, и шляпа в тон больше подойдут моему второму «я». Любитель книжных раритетов исчезает — звучит новая тема на фаготе — появляется Шерлок Холмс в образе прогуливающегося джентльмена. Бантер отправился. Бесценный человек — никогда не вступает в пререкания, даже если ему поручаешь что-нибудь выходящее за рамки его прямых обязанностей. Надеюсь, он не упустит «Четырех сыновей Амона». Впрочем, есть еще одно издание — в Ватикане¹. Так что, кто знает, может, мне

¹ Результат рассеянности лорда Питера. Книга находится во владении графа Спенсера. Экземпляр Броклбери неполон: в нем отсутствуют последние пять сигнатур. Хотя в некотором роде экземпляр уникален, так как содержит выходные данные.

еще удастся его достать — римско-католическая церковь может разориться или Швейцария оккупирует Италию, — а вот сомнительные трупы в окрестных ваннах появляются, по-моему, не каждый день, а уж в пенсне — так и вовсе раз в жизни. Боже! Какая непростительная ошибка — иметь два хобби одновременно!

Он прошел по коридору в свою спальню и принялся переодеваться со скоростью, которую с трудом можно было ожидать от человека с его манерами. Он выбрал темно-зеленый галстук, гармонирующий с носками, аккуратно повязал его идеальным узлом, заменил коричневые ботинки на черные, опустил в нагрудный карман монокль и, наконец, взял изысканную ротанговую прогулочную трость с тяжелым серебряным набалдашником.

— Ну вот, кажется, все, — пробормотал он про себя. — Оставить или взять... но ты ведь можешь пригодиться... никогда не знаешь заранее. — И лорд Питер добавил к своей экипировке плоский серебряный коробок, взглянул на часы и, обнаружив, что они уже показывают без четверти три, сбегал по лестнице, поймал такси и отправился к Баттерси-парк.

Мистер Альфред Типпс был маленьким нервным человечком, чьи льняные волосы уже начали сдавать в неравной схватке с судьбой. Его единственной отличительной приметой был большой синяк над левой бровью, который придавал ему несколько распутный вид, совершенно не соответствовавший общему впечатлению от его внешности. Не успев поздороваться, он тут же, на одном дыхании, начал объяснять свое происхождение, бормоча что-то о том, как в темноте налетел на дверь в столовой. Он был чуть ли не до слез тронут чуткостью лорда Питера и тем, что тот удостоил его своим посещением.

— Ваша милость так великодушны, — повторял он уже в десятый раз, быстро моргая редкими короткими ресничками. — Я так вам признателен, так глубоко признателен, и мама, правда, она глуха, и я не хотел бы причинять вам беспокойства, заставляя объясняться с ней. Сегодня такой тяжелый день, — добавил он, — в доме полицейские и весь этот ужас. Для меня и для мамы это так непривычно, мы всегда жили очень замкнуто. Это такая беда для человека с размеренным образом жизни, милорд, и, честно говоря, я даже рад, что мама ничего не понимает, она была бы невероятно потрясена, если бы ей довелось узнать об

этом. Сначала она расстроилась, но потом, вероятно, сама придумала какое-то объяснение всему происходящему, и я уверен, что это к лучшему.

Пожилая дама вязала, сидя у камина, и лишь мрачно кивнула в ответ на взгляд своего сына.

— Сколько раз я тебе говорила, Альфред, что ты должен пожаловаться хозяину на эту ванну, — внезапно проговорила она резким высоким голосом, свойственным всем глухим, — ну, надеюсь, теперь он обратит на нее внимание; я уверена, ты бы справился с этим и без участия полиции, но ведь ты всегда поднимаешь такой шум из-за малейшего пустяка.

— Ну вот, — извиняющимся тоном произнес мистер Типпс, — видите. Она понимает, что мы заперли ванную и не входим туда. Для меня это было страшное потрясение, сэр... милорд, меня до сих пор трясет. Такого со мной никогда не случилось... за всю мою жизнь такого не было. Утром я был в таком состоянии... я даже не смог бы сказать — на ногах я стою или на голове, действительно не смог бы, а у меня еще слабое сердце, — как я выбрался из ванной и вызвал полицию?! Меня потрясло это, сэр, действительно потрясло — я не притронулся ни к завтраку, ни к ленчу,

а еще эти звонки — надо было предупредить клиентов, и все эти интервьюеры — в общем, я уже не понимаю, на каком я свете.

— Могу себе представить, как это неприятно, — с сочувствием произнес лорд Питер, — да еще когда такое случается перед завтраком. Терпеть не могу, когда неприятности случаются перед завтраком. Пользуются моментом и обрушиваются на абсолютно беззащитного человека, не правда ли?

— Совершенно верно, совершенно верно, — с готовностью подхватил мистер Типпс. — Уверяю вас, милорд, когда я увидел этот ужас в своей ванной... к тому же еще и голого, не считая пенсне, меня, прошу прощения, чуть не вытошнило. Я не очень-то здоровый человек, сэра, и у меня иногда случаются по утрам головокружения, а уж тут мне пришлось... пришлось послать прислугу за стаканчиком бренди, иначе я вообще не знаю, что бы со мной было. Вообще-то обычно я совершенно безразличен к спиртному, но тут у меня было такое состояние. К счастью, я взял за правило всегда держать в доме бренди — на случай крайней необходимости, понимаете?

— Очень разумно, — бодро откликнулся лорд Питер. — Вы очень предусмо-

трительный человек, мистер Типпс. Иногда глоток спиртного делает просто чудеса, и чем реже вы им пользуетесь, тем полезнее оно оказывается. Надеюсь, ваша прислуга — разумная женщина? Так неудобно, когда женщины падают в обморок или визжат на весь дом.

— О, Глэдис — очень хорошая девушка, — произнес мистер Типпс, — очень разумная. Конечно, она тоже была потрясена, но это и понятно. Я сам был потрясен. Было бы, наверное, странно ожидать безразличия от молодой женщины, когда в доме происходят такие вещи. Но она энергична и в критической ситуации незаменима. Я считаю, что мне страшно повезло — найти в наше время такую хорошую, честную девушку. Конечно, иногда она бывает небрежна и забывает о разных мелочах, но в этом ведь нет ничего предосудительного. Она действительно была очень расстроена тем, что накануне забыла закрыть окно в ванной. Я сначала страшно рассердился, учитывая, к чему это привело, но по сравнению с тем, что случается в наши дни, это мелочь. Вы же знаете, милорд, девушкам свойственна забывчивость, и она действительно была так расстроена, что я даже не стал ее отчитывать. «В следующий раз, когда вы оставите окно открытым на ночь, придут грабите-

ли» — единственное, что я ей сказал. «Сегодня нам подпихнули труп — что само по себе не очень-то приятно, — сказал я, — а в следующий раз это могут быть грабители, и нас всех перережут в собственных постелях» — вот так я сказал. Но полицейский инспектор, инспектор Сагг — так его зовут, из Скотленд-Ярда, был очень резок с бедной девочкой. Он совершенно перепугал ее, внушил, что в чем-то ее подозревает. Хотя какое отношение бедняжка может иметь к этому трупу, не могу себе представить. Я так и сказал инспектору. Но он был груб и со мной, милорд, — мне совершенно не понравились его манеры. «Если вы имеете что-то определенное против Глэдис или меня, инспектор, — сказал я ему, — предъявите нам обвинение, но я не слыхал, чтобы полиция получала жалованье за грубость, особенно по отношению к джентльмену, в его собственном доме, действительно», — закончил мистер Типпс, покрываясь краской. — Он чуть не вывел меня из себя, милорд, а я обычно очень уравновешенный человек.

— Сагг это может, — заметил лорд Питер. — Я его знаю. Он грубит, когда не знает, что сказать. Должны же быть у вас или у девушки какие-то основания для того, чтобы собирать трупы. Интересно,

кто это захочет взвалить на себя покойника? Люди обычно пытаются избавиться от них. Кстати, его уже увезли?

— Нет, он все еще в ванне, — откликнулся мистер Типпс. — Инспектор Сагг распорядился ничего не трогать до прихода его людей. Я ожидаю их с минуты на минуту. Но если ваша милость хочет взглянуть...

— Благодарю вас, — произнес лорд Питер. — Я бы, конечно, взглянул, если это не причинит вам беспокойства.

— Нет-нет, — ответил мистер Типпс.

Пока они шли по коридору к ванной, лорд Питер отметил про себя, во-первых, то, что, несмотря на всю непривлекательность ситуации, Типпс получал определенное удовлетворение от той значительности, которую приобрел он и его квартира благодаря этой истории, и, второе, что инспектор Сагг запретил Типпсу показывать ванную кому бы то ни было. Второе предположение было основано на поведении мистера Типпса, который по дороге зашел за ключом в свою спальню, сказав, что у полиции есть другой, а сам он взял за правило иметь по два ключа от каждой двери, на всякий случай.

Ванная комната не представляла собой ничего особенного. Она была длинной и узкой, окно располагалось непо-

средственнно над ванной. Стекла были матовыми; рама — достаточно широкой, чтобы сквозь нее могли протащить тело. Лорд Питер поспешно подошел к окну, открыл его и выглянул наружу.

Квартира находилась на последнем этаже и располагалась почти посередине здания. Окно ванной выходило на задний двор, где помещались разнообразные мелкие постройки, угольные ямы, гаражи и тому подобное. За двором виднелись деревья и следующий, параллельный этому, квартал. Справа возвышалось громоздкое здание госпиталя Святого Луки с прилегающим к нему садом, который соединял госпиталь с резиденцией знаменитого хирурга сэра Джулиана Фрика, возглавлявшего хирургическое отделение огромного нового госпиталя. Кроме того, он был известен на Гарли-стрит как выдающийся невропатолог с на редкость оригинальными взглядами.

Все эти сведения были сообщены лорду Питеру мистером Типпсом с мельчайшими подробностями. Вероятно, он полагал, что близость столь знаменитого сооружения отбрасывает отблеск своей славы на весь квартал Королевы Каролины.

— Сэр Джулиан сам заходил сюда утром в связи с этим ужасным происшеств-

вием, — сообщил Типпс. — Инспектор Сагг предположил, что труп мог быть принесен ради шутки кем-нибудь из студентов — у них всегда есть покойники в прозекторской. Поэтому инспектор Сагг отправился утром повидать сэра Джулиана и выяснить, не исчезло ли у них чье-нибудь тело. Он был очень великодушен, сэр Джулиан, действительно очень предупредителен, хотя и был занят, когда за ним зашли в прозекторскую. Он проверил регистрационные книги, куда заносятся все поступающие к ним покойники, а потом любезно согласился зайти сюда, чтобы взглянуть на это, — он указал на ванну. — Но он сказал, что вряд ли сможет быть чем-нибудь нам полезен, так как из госпиталя не исчезали никакие трупы и этот не соответствует ни одному из имеющихся у них описаний покойников.

— Надеюсь, не только покойников, но и пациентов, — небрежно заметил лорд Питер.

Это страшное подозрение заставило мистера Типпса побледнеть.

— По-моему, инспектор Сагг не заинтересовался этим, — взволнованно произнес он. — Господи, какой ужас, милорд, я даже не подумал об этом.

— Ну, я думаю, если бы у них исчез пациент, они бы это уже обнаружили, —

заметил лорд Питер. — Ну давайте посмотрим.

Он вставил монокль и добавил:

— Я вижу, к вам тут задувает сажу. Какая досада, не правда ли? Я тоже страдаю от этого — портит все мои книги. Не беспокойтесь, если вам не хочется смотреть на это.

Он взял из дрожащей руки мистера Типпса край простыни, которой была накрыта ванна, и откинул ее в сторону.

Тело, лежащее в ванне, принадлежало высокому полному мужчине лет пятидесяти. Густые темные курчавые волосы были аккуратно подстрижены, расчесаны на пробор и надушены фиалкой, запах которой отчетливо ощущался в спертom воздухе ванной. На чисто выбритом мясистом лице с грубыми резкими чертами выделялись темные глаза, длинный нос, спускавшийся к тяжелому подбородку, и полные чувственные губы. Отвалившаяся нижняя челюсть обнажала покрытые табачной желтизной зубы. Пенсне в золотой оправе, надетое на нос мертвеца, словно насмехалось над смертью, придавая всему вид какого-то странного гротеска; тонкая золотая цепочка покоилась на обнаженной груди. Вытянутые ноги лежали ровно, руки были прижаты к телу, пальцы естественно согнуты. Лорд Питер поднял его руку и,

слегка нахмурившись, принялся ее рассматривать.

— А ваш гость настоящий денди, а? — пробормотал он. — Пармская фиалка, маникюр. — Он снова наклонился и запустил руку мертвецу под голову. Пенсне, бессмысленно восседавшее на носу, соскользнуло и со звоном упало в ванну — этот звук оказался последней каплей, переполнившей нервное напряжение мистера Типпса.

— Простите меня, — пробормотал он, — но, кажется, я сейчас потеряю сознание, действительно упаду в обморок.

Как только мистер Типпс удалился, лорд Питер быстро и аккуратно приподнял тело, перевернул его и, склонив голову набок, принялся изучать его, пользуясь своим моноклем с видом покойного Джозефа Чемберлена, рассматривающего редкую орхидею. Затем он подложил под голову покойника свою руку, извлек из кармана серебряный коробок и засунул его в открытый рот мертвеца. Наконец он со стуком опустил тело, поднял таинственное пенсне и, осмотрев его, водрузил себе на нос. «Так-так», — произнес лорд Питер, снимая пенсне и возвращая его на нос мертвеца. Поправив тело, чтобы не вызвать раздражения инспектора Сагга, он вернулся к окну. Высунув наружу свою трость, с которой, несмотр-

ря на некоторую нелепость, он ни на секунду не расставался, лорд Питер принялся ощупывать прилегающую к окну стену. Ничего не обнаружив, он слез с подоконника, закрыл окно и присоединился к мистеру Типпсу, ожидавшему его в коридоре.

Мистер Типпс, растроганный сочувственным интересом, который проявлял младший сын герцога, настолько осмелел, что, вернувшись в гостиную, предложил ему чашку чаю. Лорд Питер, стоявший у окна и созерцавший вид Баттерси-парка, уже было согласился, как вдруг в конце улицы Принца Уэльского появилась карета скорой помощи. Она напомнила ему о важной встрече и, воскликнув: «Клянусь Юпитером!» — он поспешно начал собираться.

— Мама просила передать вам сердечный привет и прочее, — произнес он, второпях пожимая руку мистеру Типпсу, — она надеется в скором времени увидеть вас в Денвере. До свидания, миссис Типпс! — любезно прокричал он в ухо пожилой леди. — Нет-нет, любезный сэр, ради Бога не утруждайте себя — я спущусь сам.

Но он опоздал. Не успел он выйти из дома, как с противоположной стороны подъехала машина, и из нее вышел инспектор Сагг с двумя констеблями. Про-

вожая подозрительным взглядом удаляющуюся спину лорда Питера, инспектор что-то сказал полицейскому.

— Старина Сагг, — нежно промурлыкал лорд Питер, — ах ты моя старая пташка. Как ты меня ненавидишь!

2

— Великолепно, Бантер, — промолвил лорд Питер, с облегчением опускаясь в роскошное кресло. — Я бы сам лучше не сделал. У меня слюнки текут, когда я думаю о Данте. А ты еще сэкономил мне шестьдесят фунтов — потрясающе. На что же мы их истратим, Бантер? Все наши — только подумай, можем пустить их на что угодно! Ибо, как справедливо замечено Гарольдом Скимполом, шестьдесят сэкономленных фунтов означают шестьдесят приобретенных, и я намерен все их истратить. Ты сэкономил их, Бантер, и они по праву принадлежат тебе. Ну так что нам надо? Что-нибудь по твоему ведомству? Может быть, ты хочешь что-нибудь купить в квартиру?

— Ну, милорд, если ваша милость так добры... — Бантер выдержал паузу, необходимую для того, чтобы налить в стакан бренди.

— Ах ты старый лицемер, ну говори же, Бантер. Не тяни, ты же не меню объявляешь на обеде — ты льешь бренди. Да, голос у тебя Иакова, но руки — руки Исава. Что тебе нужно для твоей драгоценной кладовки?

— Есть, милорд, такая вещь — двойной анастигмат с дополнительным набором линз, — произнес Бантер чуть ли не с религиозным трепетом. — Если понадобится установить подлог или рассмотреть отпечатки пальцев, я мог бы увеличивать их прямо на пластине. И боковые линзы тоже могли бы пригодиться. Это все равно что камера с окулярами, обращенными внутрь, милорд. Вот взгляните — он у меня с собой.

Он достал из кармана каталог и с трепетом представил его взору своего хозяина.

Лорд Питер принялся внимательно изучать описание — уголки его губ слегка приподнялись в слабой улыбке.

— Ну, для меня это все равно что китайский язык, — промолвил он, — и потом, пятьдесят фунтов — смехотворная цена за какие-то стекляшки. Мне показалось, Бантер, ты сказал, что какая-то старая грязная книжица на мертвом языке стоила на аукционе семьсот пятьдесят фунтов, да?

— Прошу прощения, милорд, что осмелился высказать свое мнение.

— Да, Бантер, я плачу тебе двести фунтов в год за то, что ты держишь свои мысли при себе. Скажи мне, Бантер, может, ты думаешь, что в наши демократичные времена это несправедливо?

— Нет, милорд.

— Значит, не думаешь. Может, ты вкратце объяснишь мне, почему ты не считаешь это несправедливым?

— Вкратце, милорд, ваша милость получает свой доход за то, что посещает обеды леди Уорвингтон и иногда делает передышку в проявлении несомненных способностей вашей милости в области остроумия.

Лорд Питер задумался.

— Ты так думаешь, Бантер? Положение обязывает, впрочем, не без вознаграждения. Осмелюсь сказать, ты прав. Но в таком случае тебе лучше, чем мне, так как мне приходится вести себя с леди Уорвингтон так, словно у меня нет ни единого пенса. Бантер, а если я тебя уволю прямо сейчас, тогда ты мне скажешь, что ты обо мне думаешь?

— Нет, милорд.

— Мой милый Бантер, ты имеешь полное право это сделать, особенно если я осмелюсь так поступить, выпив замечательный кофе, который ты варишь не-

сравненно. Твой кофе просто дьявольски хорош, Бантер, и я даже не хочу знать, как ты его готовишь, потому что уверен — без колдовства здесь не обходится, а я не хочу вечно гореть в геенне огненной. Покупай свои косоглазые линзы.

— Спасибо, милорд.

— Ты закончил в столовой?

— Не совсем, милорд.

— Ну, как закончишь, возвращайся. Мне надо тебе много чего рассказать.

Резко прозвенел дверной звонок.

— Вот те на! А это еще кто? Если ничего интересного, то меня нет дома.

— Хорошо, милорд.

Библиотека лорда Питера представляла собой одно из самых восхитительных холостяцких жилищ в Лондоне. Она была выдержана в черных и бледно-желтых тонах. Шкафы были уставлены рядами редких изданий, кресла и честерфилдская софа манили, обещая объятия гурий. В углу стоял черный кабинетный рояль, огонь лизал поленья в большом старомодном камине, над которым высились севрские вазы с красными и золотыми хризантемами. Но для молодого человека, взору которого предстало это великолепие после промозглого ноябрьского тумана, эта комната была привычной и близкой, как

прирученный рай средневековой живописи.

— Мистер Паркер, милорд.

Лорд Питер поднялся с искренним радением.

— Мой дорогой, как я рад вас видеть. Какой отвратительный промозглый вечер, не правда ли? Бантер, еще этого великолепного кофе, бокал и сигары. Я надеюсь, Паркер, вы прибыли с преступлениями — сегодня на меньшее, чем поджог или убийство, я не согласен. «В такую ночь, как эта...» — мы тут пируем с Бантером. Мне достался Данте — уникальное кэкстонское издание на аукционе сэра Ральфа Броклбери. Бантер, совершивший эту сделку, собирается приобрести линзы, которые творят чудеса, и

У нас есть труп из ванной,
Да, у нас есть труп из ванной:
Для дешевого успеха
Устраним мы все помехи,
Потому что плавал в ванне труп.

На меньшее я не согласен, Паркер. В настоящий момент покойник полностью принадлежит мне, но я готов взять вас в пай. Собственность фирмы. Ну как, присоединитесь? Но тогда вам действительно придется что-нибудь вложить в нашу копилку. Может, у вас тоже есть труп? Пожалуйста, давайте, и у вас будет труп! Какой угодно.

Пусть мертвец сойдется с трупом,
Обратись к нему с вопросом:
«Кто тебя, мой друг, пристукал?» —
И оставим Сагга с носом.

Вот так-то. Мой подмигивает стеклянным глазом вашему, а ваш прочитывает в его взгляде всю подноготную.

— Я уже знаю, — промолвил Паркер, — что вы заезжали в квартал Королевы Каролины. Я тоже был там — встретил Сагга, и он сообщил мне, что видел вас. Должен сказать, что он был очень сердит. «Незаконное вмешательство» — так он это назвал.

— Я так и знал, — откликнулся лорд Питер. — Мне нравится дразнить старину Сагга, он всегда так невежливо себя ведет. Но, как я прочитал в «Стар», на этот раз он превзошел себя, арестовав мисс Глэдис, как ее там. Дивный Сагг! Но что вы там делали?

— Сказать по правде, — произнес Паркер, — я заехал посмотреть, не является ли случайно незнакомец из ванной мистера Типпса сэром Рувимом Леви. Но это был не он.

— Сэр Рувим Леви? Подождите минутку — я что-то слышал об этом... А, вспомнил! «Таинственное исчезновение знаменитого финансиста». А в чем там дело? Я прочел не слишком внимательно.

— Ну, история довольно странная, хотя, осмелюсь заметить, уверен, что ничего особенного — наверняка приятель исчез из каких-то соображений, известных ему одному. Он исчез сегодня утром, и никто бы не обратил на это внимания, если бы он не должен был сегодня участвовать в чрезвычайно важной финансовой встрече и заключить сделку на сумму в несколько миллионов. Я не в курсе всех подробностей, впрочем, мне известно, что у него были недоброжелатели, заинтересованные в том, чтобы сделка не состоялась. Поэтому, как только я услышал об этом парне в ванной, я сразу отправился взглянуть на него. Конечно, вероятность была очень мала, но в нашей профессии случаются вещи совершенно неожиданные. Самое смешное, что старина Сагг вбил себе в голову, что его покойник и есть Леви, и послал леди Леви срочную телеграмму, чтобы она приехала и опознала его. На самом же деле человек из ванной не имеет никакого отношения к сэру Рувиму Леви. Однако вот что странно — он действительно очень похож на сэра Рувима, только без бороды, и, так как сейчас леди Леви с семьей за границей, кто-нибудь вполне может признать, что это он, и тогда Сагг выстроит великолепную версию, подобную Вавилонской

башне, которой также будет суждено рухнуть.

— Сагг — потрясающий осел, — заметил лорд Питер. — Он ведет себя как детектив из плохого романа. Что касается меня, я ничего не знаю о Леви, но я видел труп и должен сказать, что эта версия абсолютно абсурдна. Как бренди?

— Прекрасно, Уимзи, — чувствуешь себя как в раю. Но я бы хотел услышать ваш рассказ.

— Вы не возражаете, если при этом будет присутствовать Бантер? Бантер. Незаменимый человек — кудесник с фотоаппаратом. Странное дело — он всегда на месте, когда мне нужны ботинки или я хочу принять ванну. Откуда у него в руках оказывается то, что мне как раз надо? — не иначе как он достает из рукава. Бантер!

— Да, милорд.

— Хватит болтаться без дела — налей себе чего-нибудь подходящего и присоединяйся к нашей веселой компании.

— С удовольствием, милорд.

— У мистера Паркера есть новая шутка: Исчезнувший Финансист. Никакого обмана. Ну же, presto, вперед! Где же он? Может, кто-нибудь из публики любезно согласится подняться на сцену и осмотреть шкаф? Благодарю вас, сэр! Ловкость рук и обман зрения.

— Боюсь, что это не слишком похоже на мою историю, — промолвил Паркер. — В моем случае все очень просто — поэтому-то и не знаешь, за что уцепиться. Вчера вечером сэр Рувим Леви обедал с тремя друзьями в «Ритце». После обеда друзья отправились в театр. Он отказался идти с ними, сославшись на деловое свидание. Мне еще не удалось установить, с кем он должен был встретиться, но, как бы там ни было, он вернулся к себе домой — на Парк-лейн, 9А, — в двенадцать часов.

— Кто его видел?

— Кухарка видела его у порога и слышала, как он открывал дверь. Он поднялся наверх, оставив внизу на вешалке пальто и зонтик, — вы же помните, какой проливной дождь был вчера? Затем он разделся и лег в постель. На следующее утро его там не было. Вот и все, — кратко закончил Паркер, махнув рукой.

— Нет, не все, нет, не все. Папочка, пожалуйста, ты еще не рассказал и половины, — принялся канючить лорд Питер.

— Но это действительно все. Когда камердинер поднялся к сэру Леви утром, его уже не было. Кровать была смята. Там же находилась его пижама и вся одежда. Единственная странность заключалась в том, что все вещи были

довольно небрежно раскиданы по оттоманке, стоящей в ногах кровати, вместо того чтобы лежать аккуратно сложенными на стуле, что входило в привычку сэра Рувима. Вероятно, он был очень возбужден или внезапно почувствовал себя плохо. Вся чистая одежда на месте — не исчезло ничего: ни костюма, ни туфель. Туфли, которые он надевал накануне, как всегда, стояли в его гардеробной. Он вымылся, почистил зубы, совершил весь необходимый туалет. Горничная, убиравшая коридор в половине седьмого, готова поклясться, что с этого времени в дом никто не входил и не выходил. Таким образом, остается предположить, что респектабельный еврей-финансист среднего возраста либо сошел с ума между двенадцатью и шестью утра и тихо покинул свой дом ноябрьской ночью в чем мать родила, либо был похищен и живьем унесен нечистой силой, оставившей лишь кучу помятой одежды.

— Парадная дверь была закрыта на засов?

— Только вы можете сразу задать такой вопрос — мне потребовался час, чтобы дойти до него. Нет, вопреки обыкновению, дверь была закрыта лишь на один йельский замок. Но, с другой стороны, в этот день несколько горничных полу-

чили выходной, чтобы сходить в театр, поэтому вполне возможно, что сэр Рувим оставил дверь открытой, не зная, вернулись ли они. Такое прежде случилось.

— И это действительно все?

— Действительно. За исключением одной очень незначительной детали.

— Я так люблю незначительные детали, — произнес лорд Питер с нескрываемым детским восторгом. — Сколько человек уже было повешено благодаря именно незначительным деталям! Ну так что же это?

— Сэр Рувим и леди Леви, являющие собой самую преданную пару, всегда спали в одной комнате. В настоящий момент леди Леви находится в Ментоне, чтобы поправить здоровье. В ее отсутствие сэр Рувим, как обычно, спит на двуспальной кровати и неизменно на одном и том же месте — с краю. В прошлую ночь он положил подушку на подушку и лег посередине или, по крайней мере, гораздо ближе к стене, чем обычно. Горничная, которая оказалась на редкость внимательной девушкой, заметила это, когда пришла застилать постель, и, движимая поистине восхитительным инстинктом сыщика, отказалась притрагиваться к постели или к чему бы то ни было, хотя за полицией послали гораздо позже.

— Был ли в доме кто-нибудь еще, за исключением сэра Рувима и прислуги?

— Нет, леди Леви с дочерью и своей горничной отсутствуют. В доме были лишь камердинер, кухарка, горничная, уборщица и посудомойка. Полагаю, часа два они потратили на шушуканье и сплетни. Я приехал туда около десяти.

— И что вы делали с тех пор?

— Пытался выяснить, с кем вчера собирался встретиться сэр Рувим, так как, за исключением кухарки, это, должно быть, последний человек, который видел его перед исчезновением. Возможно, все вообще обстоит очень просто, но в настоящий момент, черт побери, я не могу придумать ни одного подходящего объяснения. Провалилось оно к дьяволу, человек является домой, ложится в постель, а посреди ночи встает и исчезает.

— Может, он переоделся с целью маскировки?

— Я уже подумал об этом — вообще это единственное возможное объяснение. Но все равно это очень странно, Уимзи. Серьезный человек из Сити накануне важной деловой сделки, не говоря никому ни слова, исчезает посреди ночи, переодевшись до неузнаваемости, оставив дома часы, кошелек, чековую книжку и — самое важное и невероятное — свои

очки, без которых он не может сделать ни шагу, так как страшно близорук. Он...

— Вот это важно, — перебил его Уимзи. — А вы убеждены, что он не захватил другие?

— Его камердинер клянется, что у него было всего две пары, одна из которых была обнаружена на туалетном столике, а другая в ящике на своем обычном месте.

Лорд Питер присвистнул.

— Сдаюсь, Паркер. Даже если бы он отправился кончать жизнь самоубийством, он должен был бы прихватить их с собой.

— Естественно, иначе счета с жизнью были бы сведены при первой же попытке перейти дорогу. Впрочем, я не отрицал такую возможность. Я просмотрел список всех сегодняшних уличных происшествий и могу поклясться, что ни один из пострадавших даже отдаленно не напоминает сэра Рувима. А кроме всего прочего, он захватил с собой ключ от входной двери, что указывает на его намерение вернуться.

— Вы виделись с людьми, с которыми он обедал?

— Двоих из них я нашел в клубе. Они говорят, что сэр Рувим был в прекрасном расположении духа, сообщил о своем намерении присоединиться к леди Леви —

возможно, к Рождеству, с большим удовлетворением отзывался о предстоящей утренней сделке, к которой, кстати, один из них — человек по имени Андерсон — тоже имеет отношение.

— Стало быть, как бы там ни было, до девяти вечера он не выражал никакого намерения исчезать.

— Абсолютно, ну разве что он был непревзойденным актером. То, что переменило его намерения, должно было произойти или на таинственном свидании после обеда, или пока он находился в постели между двенадцатью и половиной шестого утра.

— Ну, Бантер, — произнес лорд Питер, — что ты думаешь по этому поводу?

— Не по моему ведомству, милорд. Единственно, довольно странно, что, несмотря на волнение или плохое самочувствие, помешавшее джентльмену, как всегда, аккуратно сложить свои вещи, он тем не менее почистил зубы и выставил за дверь свою обувь. А ведь это мелочи, о которых частенько забывают, милорд.

— Если ты метишь в мой огород, Бантер, — заметил лорд Питер, — то я могу сказать только одно: мне это представляется недостойным. Это наши домашние проблемы, Паркер. Не хочу показаться навязчивым, но мне бы очень хотелось

взглянуть на эту комнату завтра. Дело не в том, что я вам не доверяю, дорогой, просто я сгораю от нетерпения сам на нее взглянуть. Не говори мне «нет», лучше выпей еще бренди, но только не говори «нет», не отказывай мне!

— Конечно, поезжайте и посмотрите — наверняка вы обнаружите массу мелочей, которые я пропустил, — спокойно ответил Паркер, не преминув воспользоваться предложением гостеприимного хозяина.

— Паркер, вы честь и слава Скотленд-Ярда. Когда я смотрю на вас, Сагг кажется мне мифом, небылицей, миражем, рожденным в полночный час больным воображением. Сагг столь совершенен в своих несовершенствах, что кажется просто невозможным. Кстати, а что он сделал с трупом?

— Сагг говорит, — отчетливо произнес Паркер, — что человек скончался в результате сильного удара, нанесенного по основанию черепа. Так ему сказал врач. Он говорит, что смерть наступила сутки или двое тому назад. Это ему также сказал врач. Он говорит, что тело принадлежит обеспеченному еврею лет пятидесяти. Это ему мог сказать кто угодно. Он говорит, что смешно считать, будто оно попало в ванну через окно и никто ничего об этом не

знал. Он считает, что человек сам вошел в дом через парадную дверь и был умерщвлен кем-то в доме. Сагг арестовал девушку, так как она не смогла постоять за себя, хотя совершенно очевидно, что ей было бы не под силу свалить высокого и крепкого семита даже ударом кочерги. Он бы и Типпса арестовал, только весь вчерашний, да и позавчерашний день Типпс провел в Манчестере и вернулся лишь вчера поздно вечером. Кстати, Сагг и в самом деле хотел его арестовать, пока я ему не напомнил, что смерть наступила сутки, а то и двое назад, а бедняга Типпс мог его прикончить не раньше половины одиннадцатого вчера вечером. Впрочем, он наверняка арестует Типпса завтра как соучастника. Не удивлюсь, если с пожилой леди он поступит так же.

— Ну, я очень рад, что у нашего малыша есть алиби, — промолвил лорд Питер. — Впрочем, если основываться только на окраске кожных покровов тела, *rigor mortis*¹ и прочих показателях такого рода, нужно быть готовым к встрече с каким-нибудь упрямым прокурором, который не обратит никакого внимания на медицинские свидетельства. Помните защиту Импи Биггза в деле чайного мага-

¹ Маска смерти (*лат.*).

зинчика в Челси? Шесть медицинских светил противоречат под присягой один другому, а старина Импи упражняется в красноречии, перечисляя патологические случаи до тех пор, пока у присяжных глаза на лоб не полезли. «Готовы ли вы присягнуть, доктор, как бишь вас там, что появление *rigor mortis* безошибочно указывает на час наступления смерти?» Доктор весь напрягается и сообщает: «Насколько мне известно, в большинстве случаев...» — «Доктор, но у нас здесь судебное разбирательство, а не парламентские прения, — напоминает ему Биггз, — и мы не можем не учитывать особых случаев. Закон, доктор, как вас там, уважает права меньшинства как здравствующего, так и почившего». Какой-то болван смеется, но старина Биггз выпячивает грудь и продолжает с пафосом: «Джентльмены, я не вижу причин для смеха. Мой клиент — честный и достойный джентльмен — обвиняется в убийстве, в убийстве, джентльмены. И дело обвинения доказать его вину, если им удастся это сделать, чтобы у нас не оставалось ни малейших сомнений. И поэтому, доктор как вас там, я спрашиваю вас снова, можете ли вы со спокойным сердцем поклясться, без малейшей тени сомнений, даже без малейшего намека на сомнение, что эта несчастная женщина умерла не раньше

и не позже, чем в четверг вечером? Допустимая вероятность? Но мы не иезуиты, джентльмены, мы честные англичане. И нельзя ожидать от суда присяжных, состоящего из урожденных британцев, чтобы он осудил человека на основании допустимой вероятности». Шквал аплодисментов.

— Все равно подзащитный Биггза был виновен, — заметил Паркер.

— Конечно. Тем не менее он был оправдан, а посему ваши заявления есть клевета. — Уимзи подошел к книжному шкафу и взял с полки том «Судебной медицины». — «Rigor mortis может быть установлен лишь приблизительно, так как на его появление оказывают влияние слишком многие факторы». Осторожен, скотина. «Однако, как правило, затвердение начинается с шеи и нижней челюсти через пять-шесть часов после наступления смерти... — м-м-м — ...и в основном завершается по истечении тридцати шести часов. Однако при определенных условиях оно может возникать гораздо раньше, или же, напротив, его появление может существенно оттягиваться». Не правда ли, очень полезные сведения, Паркер? «Состояние Брауна Секварда... через три с половиной минуты после наступления смерти... В некоторых случаях не ранее чем через шестнадцать часов после на-

ступления смерти... налицествуя в течение последующего двадцати одного дня». О Господи! «Влияющие факторы: возраст, состояние мышечной ткани, заболевания, вызывающие лихорадку, а также высокая температура окружающей среды»... и так далее и так далее до мельчайших подробностей. — Лорд Питер записал книгу обратно. — Впрочем, вернемся к фактам. Какие выводы вы сделали на основании осмотра тела?

— Очень незначительные, — произнес детектив. — Откровенно говоря, я в некотором замешательстве. Я бы сказал, что это состоятельный человек, но обязанный своим достатком только самому себе. Думаю, что состояние пришло к нему не так уж давно.

— Значит, вы тоже обратили внимание на мозоли на его руках — я был уверен, что вы не пропустите это.

— Обе ноги страшно стерты — он носил слишком тесную обувь.

— И довольно долго, чтобы заработать такие волдыри, — заметил лорд Питер. — Вам не показалось это странным для такого состоятельного человека?

— Не знаю. Волдыри приблизительно двух-трехдневной давности. Он мог застять вечером в пригороде — допустим, последний поезд ушел, такси нет — и идти домой пешком.

— Возможно.

— На спине и на одной ноге я заметил маленькие красные точки, происхождение которых мне непонятно.

— Да, я тоже обратил на них внимание.

— И что вы думаете?

— Я скажу чуть позже. Продолжайте.

— У него сильная дальность зрения, довольно странная для человека в расцвете лет; стекла пенсне скорее подошли бы старику. Между прочим, потрясающей красоты цепочка с плоскими звеньями, украшенными гравировкой. Мне пришло в голову, что за нее можно зацепиться.

— Я только что поместил о ней объявление в «Таймс», — произнес лорд Питер. — Ну, дальше.

— Он довольно долго носил это пенсне — оно дважды было в починке.

— Великолепно, Паркер, великолепно. Вы понимаете важность этого наблюдения?

— Не особенно. Что вы имеете в виду?

— Неважно. Продолжайте.

— Вероятно, это был угрюмый, неуравновешенный человек: ногти обстрижены до мяса — создается впечатление, что он постоянно грыз их. Он довольно много курил, не пользуясь при этом мундштуком. Был чрезвычайно внимателен к своей внешности.

— А ванную вы осмотрели? Мне не удалось это сделать.

— Мне тоже удалось выяснить не слишком много. Сагг и компания, не говоря уже о малыше Типпсе и горничной, затоптали все что можно. Но я заметил какое-то странное пятно прямо над изголовьем ванны, как будто там стояло что-то мокрое. Хотя отпечатком это можно назвать с трудом. Всю прошлую ночь лил дождь.

— Да, а вы заметили странные следы на саже, которой покрыт подоконник?

— Да, — ответил Уимзи, — я изучил их довольно внимательно, но никаких выводов сделать не могу, за исключением того, что на подоконнике что-то стояло. — Он вынул свой монокль и протянул его Паркеру.

— Клянусь, потрясающее увеличительное стекло.

— Да, и к тому же страшно полезное, если надо что-то тщательно рассмотреть и не выглядеть при этом полным болваном, — заметил Уимзи. — Единственно, его нельзя носить постоянно — неизбежно начинаешь вызывать сожаление у окружающих: «Господи! Это какое же должно быть слабое зрение!» Тем не менее очень полезная вещь.

— Мы с Саггом осмотрели землю за домом, — продолжил Паркер, — но там нет ни единого следа.

— Это интересно. А на крыше вы не были?

— Нет.

— Значит, пойдём туда завтра. Водосточный желоб выше окна всего лишь на пару футов. Я измерял своей палкой — *vade mecum*¹ джентльмена-скаута, как я ее называю, — она вся размечена по дюймам. Временами на редкость полезный помощник. Внутри — клинок, в набалдашнике — компас. Изготовлена на заказ. Еще какие-нибудь наблюдения?

— Боюсь, что нет. Ну теперь давайте послушаем вашу версию, Уимзи.

— Но мне кажется, что в основном вы перечислили все детали. Пожалуй, осталась только пара небольших противоречий. Например, перед нами человек, который носит пенсне в дорогой золотой оправе, и носит его довольно долго, так что оно уже дважды побывало в починке. Однако зубы его не только желты, но и серьезно разрушены, словно он их никогда в жизни не чистил. Слева отсутствуют четыре коренных зуба, справа — три, передний зуб расколот пополам. Тем не менее этот человек действительно внимательно относился к своей внешнос-

¹ Путеводитель, карманная справочная книга, указатель (*лат.*).

ти, о чем свидетельствуют его волосы и руки. Что вы на это скажете?

— Ну, эти нувориши не слишком заботятся о своих зубах и панически боятся дантистов.

— Верно, но у одного из сломанных коренных зубов такой острый край, что на языке образовалась язва. А это очень болезненно. Не хотите же вы уверить меня в том, что человек, который в состоянии оплатить лечение зуба, станет терпеть такое?

— Ну, у людей бывают всякие странности. Я знал прислугу, которая скорее готова была умереть, чем переступить порог стоматологического кабинета. А как вам удалось это обнаружить, Уимзи?

— Заглянул внутрь — электрический фонарик, — сообщил лорд Питер. — Удобная безделушка. А выглядит как спичечный коробок... Осмелюсь с вами согласиться, я просто хотел обратить на это ваше внимание. Пункт два: джентльмен, чьи волосы пахнут пармской фиалкой, а ногти наманикюрены, никогда не мыл своих ушей. Битком набиты серой. Отвратительно.

— Сдаюсь, Уимзи, — я не обратил на это внимание. И все же — старые дурные привычки умирают очень медленно.

— Хорошо. Предположим. Пункт три: джентльмен с маникюром, бриллиантом и прочим страдает от вшей.

— Клянусь Богом, верно! Укусы вшей. Как я не догадался!

— Без сомнений, старина. Укусы слабые и старые, но тем не менее ошибки здесь быть не может.

— Да, теперь, после того как вы сказали. И все же и такое может случиться с кем угодно. Не далее как неделю назад я поймал преогромное насекомое этого же рода в лучшем отеле в Линкольне.

— Конечно, все это, взятое в отдельности, может случиться с кем угодно. Четвертый пункт: джентльмен, пользующийся пармской фиалкой и т.д. и т.п., моется карболовым мылом с сильным запахом — настолько сильным, что он сохраняется почти двадцать четыре часа.

— Он пользовался карболовым мылом, чтобы избавиться от вшей.

— Поистине, Паркер, у вас есть ответ на все. Пятый пункт: аккуратный джентльмен с наманикюренными, хоть и обкусанными пальцами имеет такие черные ногти на ногах, словно он не стриг их никогда в жизни.

— И опять же — привычка.

— Да-да, понимаю, но такие привычки! И наконец, шестое и последнее: этот джентльмен с полуджентльменскими привычками прибывает под ливнем в глухую ночь, и, вероятнее всего, через окно,

спустя сутки после наступления собственной смерти, и смиренно укладывается в ванну мистера Типпса, надев, не по сезону, лишь пенсне. Ни единый волосок на его голове не потревожен — волосы подстрижены совсем недавно, так что на спине джентльмена и по краям ванны можно видеть довольно много коротких волосков. Да и выбрит он чрезвычайно чисто, на щеке еще сохранилась полоска засохшего мыла...

— Уимзи!

— Подождите минутку — и во рту у него засохшее мыло!

Бантер поднялся и мгновенно очутился рядом с детективом, являя собой сплошное почтение.

— Еще немного бренди, сэр? — пробормотал он.

— Уимзи, — произнес Паркер, — от того, что вы говорите, у меня волосы встают дыбом.

Он опустошил свой бокал и уставился в него, словно недоумевая, как это он оказался пустым, потом поставил его, поднялся, подошел к книжному шкафу и, повернувшись к нему спиной, сказал:

— Послушайте, Уимзи, вы просто начитались детективов; вы говорите чушь.

— Вовсе нет, — флегматично промолвил лорд Питер. — Впрочем, это действи-

тельно отличный сюжет для детективного рассказа, не правда ли? Бантер, мы непременно его напишем, а ты проиллюстрируешь его фотографиями.

— Мыло во... Чушь! — сказал Паркер. — Наверняка это было что-то другое, что вызвало обесцвечивание...

— Нет, — заметил лорд Питер, — во рту были и волосы. Жесткие. У него была борода.

Он достал из кармана часы и вынул пару длинных жестких волосков, заложенных между внешней и внутренней крышками.

Паркер покрутил волоски в руках, поднес их к свету, достал увеличительное стекло, после чего, отдав их бесстрастному Бантеру, произнес:

— Вы что, Уимзи, хотите убедить меня, что этот человек, — он издал резкий смешок, — сначала, открыв рот, сбрил свою бороду, а потом с полным ртом волос куда-то отправился и дал себя прикончить? Вы сошли с ума.

— Ничего подобного я вам не говорил, — заметил Уимзи. — Вы, полицейские, все одинаковы — больше одной мысли у вас в голове не помещается. Хотел бы я знать, каким образом вам вообще удалось стать полицейским. Его побрили уже после того, как он умер. Миленько, не правда ли? На редкость приятная ра-

ботка для парикмахера, а? Садитесь, старина, и прекратите топтаться по комнате как осел. Во время войны случилось и похуже. Это всего лишь бульварная дешевка. Но должен вам сказать, Паркер, что нам противостоит настоящий преступник — истинный художник, злодей с воображением. Это убийство — высокохудожественное, совершенное произведение в своем роде. Мне нравится, Паркер.

3

Лорд Питер доиграл сонату Скарлатти и замер, задумчиво глядя на свои руки. Пальцы у него были длинные и сильные, с широкими плоскими суставами и квадратными ногтями. Пока он играл, строгий взгляд его серых глаз смягчился, зато, словно по контрасту, ужесточилась линия большого мягкого рта. Никогда в жизни он не претендовал на красоту, его внешность портил длинный узкий подбородок и широкий покатый лоб, который подчеркивали зачесанные назад гладкие волосы цвета пакли. Лейбористские газеты, чуть сглаживая линию подбородка, зачастую избирали его предметом своих ка-

рикатур как типичного представителя аристократии.

— Замечательный инструмент, — произнес Паркер.

— Да, неплохой, — откликнулся лорд Питер, — но для Скарлатти нужен клавесин. Рояль — слишком современный инструмент, все эти обертоны и вибрация, — совершенно непригоден для нас с вами, Паркер. Вы пришли к каким-нибудь выводам?

— Человек в ванне, — медленно произнес Паркер, — не был преуспевающим джентльменом, заботящимся о своей наружности. Он был рабочим человеком, вернее, безработным, совсем недавно потерявшим работу. Он блуждал по городу в поисках работы, пока не встретился со смертью. Кто-то убил его, затем вымыл, надушил и побрил с целью маскировки, после чего, не оставив ни единого следа, подложил в ванну Типпса. Вывод: убийца — сильный человек, так как убил свою жертву одним-единственным ударом в шею; это хладнокровный человек с высоко развитым интеллектом, так как он проделал все это, не оставив следа; это утонченный и состоятельный человек, так как у него оказался под рукой весь набор туалета для джентльмена; кроме того, это человек со странным, я бы сказал — извращенным воображением, что

является из двух жутких деталей — положить тело в ванну и украсить его пенсне!

— Да, он художник своего дела, — заметил Уимзи. — Кстати, ваше недоумение по поводу пенсне теперь разрешилось. Очевидно, что пенсне никогда не принадлежало убитому.

— Это добавляет еще одну загадку. Нельзя же предположить, что убийца оставил пенсне специально, чтобы дать ключ к установлению его личности.

— Вряд ли. Боюсь, что этот человек обладает тем, чего недостает большинству преступников, — чувством юмора.

— Да, мрачноватый юмор.

— Верно. Человек, который может позволить себе сохранить чувство юмора при таких обстоятельствах, должен быть страшным типом. Интересно, что он делал с телом с момента убийства до отправки его Типпсу? И еще несколько вопросов. Как ему удалось переправить его в ванну? И зачем это было нужно? Было ли тело принесено через дверь, как считает возлюбленный Сагг нашего сердца? Или пропихнуто в окно, как полагаем мы на основании не очень убедительных свидетельств, то есть разводов на подоконнике? Имел ли убийца соучастников? Могут ли к ним относиться малыш Типпс или девушка? Нельзя же отметить подо-

зрения только на том основании, что на них настаивает Сагг. Даже законченные идиоты иногда изрекают истину. А если нет, почему именно Типпс был выбран жертвой этой отвратительной шутки? Кто может иметь зуб на Типпса? Что за люди живут в соседних домах? Надо это выяснить. Может, Типпс играет по ночам на рояле у них над головой или компрометирует окружающих тем, что водит к себе сомнительных дам? А может, это какие-нибудь архитекторы-неудачники жаждут его крови? Черт побери, Паркер, ведь должен же быть какой-то мотив. Вы же понимаете, преступления без мотива не бывает.

— Сумасшедший... — неуверенно предположил Паркер.

— Однако чертовски последовательный в своем сумасшествии. Он не допустил ни одной ошибки — ни единой, за исключением того, что он забыл вынуть волосы изо рта трупа, если это можно назвать ошибкой. Но, как бы то ни было, это не Леви — тут вы правы. Да, старина, ни в вашем случае, ни в моем зацепиться почти не за что, а? Впрочем, и мотивов как-то не особенно заметно. К тому же нам не хватает двух комплектов одежды. Сэр Рувим улепетывает, прикрывшись разве что фиговым листком, и таинственный тип появляется в пенсне,

которое с точки зрения соблюдения приличий абсолютно бесполезно. Провались оно все к черту! Если бы только я мог найти вескую причину, чтобы официально вести это дело...

Зазвонил телефон. Молчаливый Бантер, о котором собеседники почти позабыли, отправился снять трубку.

— Это пожилая леди, милорд, — сообщил он. — По-моему, глухая — она меня абсолютно не слышит, но просит к телефону вашу милость.

Лорд Питер схватил трубку и прокричал «алло» с такой силой, которая могла бы раздробить эбонит. Несколько минут он слушал с недоверчивой улыбкой, которая постепенно расширялась, пока он весь не начал сиять от удовольствия. Потом он прокричал несколько раз: «Хорошо! Хорошо!» — и повесил трубку.

— Клянусь Юпитером, — в восторге провозгласил он, — лихая старушка! Это старая миссис Типпс. Глуха как пень. Никогда в жизни раньше не разговаривала по телефону. Но решилась. Чистый Наполеон. Несравненный Сагг сделал открытие и арестовал малыша Типпса. Старушка осталась одна в квартире. Последний крик Типпса: «Расскажи лорду Питеру Уимзи!» Бесстрашная крошка. Поединок с телефонной книгой. Затем переполох

на коммутаторе. Она ведь не дожидается ответа (так как все равно не в состоянии его услышать) и повторяет только одно: «Что ж, я не сделаю то, что могу?» Говорит, что в руках настоящего джентльмена она будет чувствовать себя в полной безопасности. О Паркер, Паркер! Я бы расцеловал ее, действительно, как говорит Типпс. Я напишу ей — нет, к черту, Паркер, едем! Бантер, бери с собой магний и эту свою адскую машину. Я принимаю вас в компаньоны — будем тянуть оба дела и работать вместе. Сегодня мы посмотрим мой труп, Паркер, а завтра я займусь поисками вашего беглого еврея. Я так счастлив, что сейчас взорвусь от переизбытка чувств. О Сагг, Сагг, какую сагу ты мне подарил! Бантер, мои туфли. Паркер, надеюсь, ваши на резиновой подошве? Нет? Так-так-так, так вы не можете идти. Мы одолжим вам пару. Перчатки? Здесь. Моя трость, фонарик, сажа, пинцет, нож, коробочки для пилюль — все на месте?

— Конечно, милорд.

— Ну, Бантер, что ты так обиженно смотришь? Я не хотел тебя обидеть. Я доверяю тебе, доверяю. Так, что у меня с деньгами? Годится. Я знавал человека, Паркер, который умудрился упустить всемирно известного отравителя лишь потому, что автомат подземки принимал

только пенсы. У кассы была очередь, а контролер отказался пропустить его, и пока они препирались по поводу пятифунтовой банкноты (это все, что он имел при себе), которую он был готов отдать за двухпенсовый билет до Бейкер-стрит, преступник сел на кольцевой маршрут и в следующий раз объявился уже в Константинополе под видом пожилого английского священника, путешествующего со своей племянницей. Все готовы? Вперед!

Они вышли, и Бантер педантично погасил свет.

Не успели они оказаться в мерцающем сумраке Пикадилли, как Уимзи остановился.

— Постойте, — воскликнул он, — мне кое-что пришло в голову! Если там Сагг, он устроит скандал. Надо его убрать.

Он побежал обратно, а Бантер и Паркер занялись поисками такси.

Инспектор Сагг и еще один подчиняющийся ему цербер дежурили у дома 59 квартала Королевы Каролины и не проявили никакого желания впускать неофициальных следователей. С Паркером, конечно, им было не так легко справиться, что же касается лорда Питера, то он натолкнулся на откровенное гру-

бое противодействие или на то, что лорд Биконсфилд называл совершенной инертностью. Напрасно лорд Питер ссылался на то, что миссис Типпс пригласила его от лица своего сына.

— Пригласила! — фыркнул Сагг. — Это ее пригласят, если она не будет осмотрительна. Не удивлюсь, если окажется, что она тоже замешана в этом деле. Только она так глуха, что от нее все равно не добьешься никакого толка.

— Послушайте, инспектор, — произнес лорд Питер, — ну зачем вам чинить нам эти глупые препятствия? Лучше попросту впустить меня в дом — вы же знаете, что все равно в конце концов я там окажусь. Можно подумать, я отнимаю у вас хлеб. Разве мне кто-нибудь заплатил за то, что я нашел для вас изумруды лорда Аттенбери?

— Мой долг не впускать сюда посторонних, — угрюмо сообщил Сагг, — и я намерен его выполнять.

— Ничего не имею против вашего долга, — простодушно сказал лорд Питер, устраиваясь на ступеньках и всем своим видом показывая, что он намерен подробно обсудить интересующий его вопрос. — Более того, я уверен, что осторожность — прекрасное качество, если только ею не злоупотреблять. Золотая середина, Сагг, как говорил Аристотель,

спасет вас от превращения в позолоченного болвана. Никогда не приходилось им оказываться, Сагг? Мне приходилось, Сагг...

— Я не собираюсь тут с вами разговаривать, — промолвил уже порядком утомленный Сагг, — и так все плохо... Эй! Черт бы побрал этот телефон. Которн, пойдите посмотрите, в чем там дело, если эта мегера впустит вас. Закрылась и ревет — прямо хоть бросай все и беги.

Констебль вернулся.

— Это из Скотленд-Ярда, сэр, — произнес он, виновато откашлявшись, — шеф просил передать, чтобы лорду Питеру Уимзи были предоставлены все возможности, сэр. Хм! — Он безучастно стал в стороне с остекленевшим взглядом.

— Пять тузов! — жизнерадостно воскликнул лорд Питер. — Ваш шеф — закадычный мамин друг. Бесполезно, Сагг, можете не брыкаться. У вас сегодня аншлаг, но у меня есть входной билет.

И он прошествовал в дом со всей компанией.

Труп убрали несколько часов тому назад. После того как ванная и вся квартира были осмотрены невооруженным глазом и зафиксированы на пленку вездесущим Бантером, стало очевидным, что самую большую сложность в доме

представляла старая миссис Типпс. Ее сын и горничная были арестованы, и теперь выяснилось, что, кроме нескольких деловых знакомых Типпса, адресов которых пожилая леди не знала, друзей у них в городе не было. Что касается соседей, то ближайшую квартиру занимала семья из семи человек, в настоящий момент уехавшая на зиму за границу. Третий этаж занимали пожилой полковник со свирепыми наклонностями — он проживал один со слугой-индийцем — и респектабельное семейство, которое было доведено до крайней степени раздражения всем происходившим у них над головой. Муж, когда к нему обратился лорд Питер, еще проявил некоторую человеческую слабость, но вовремя вышедшая миссис Эпплдор в теплом халате вывела его из затруднительного положения, в которое он по неосторожности чуть не попал.

— Прошу прощения, — заявила она, — боюсь, мы ничем не сможем помочь. Это очень неприятное дело, мистер... боюсь, я не расслышала ваше имя, а мы всегда придерживались того мнения, что с полицией связываться не надо. Конечно, если Типпсы невиновны, а я уверена, я надеюсь, что так оно и есть, мне их очень жаль, но должна сказать, что обстоятельства слишком подозри-

тельны — Теофил тоже так считает, и мне бы не хотелось, чтобы о нас говорили как о пособниках убийц. Ведь могут подумать, что мы были соучастниками. Конечно, вы еще молоды, мистер...

— Дорогая, это лорд Питер Уимзи, — спокойно заметил Теофил.

На нее это не произвело никакого впечатления.

и

— Ах да, — произнесла она, — кажется, вы дальний родственник моего покойного кузена епископа Керисбрукского. Бедняга! Он постоянно становился жертвой всяких мошенников, так и умер, не научившись распознавать их. Похоже, вы унаследовали от него это качество, лорд Питер.

— Сомневаюсь, — ответил лорд Питер. — Насколько мне известно, мы всего лишь свойственники, хотя знание своих родственников делает честь любому. А вас, дорогая леди, я поздравляю с тем, что вы пошли в другую ветвь семьи. Надеюсь, вы простите мне мое ночное вторжение, тем более что, как вы справедливо заметили, это семейная привычка. Я же, со своей стороны, чрезвычайно признателен вам за доставленное удовольствие лицезреть вас в этом наряде, который вам так потрясающе к лицу. Не беспокойтесь, мистер Эпплдор. Полагаю, лучшее, что я могу

сделать, это отвезти пожилую леди к моей матери и убрать ее прочь с ваших глаз, а то, не дай Бог, в один прекрасный день христианские чувства возобладают в вас, а уж в деле разрушения семейного покоя с ними ничто не может сравниться. Спокойной ночи, сэр... спокойной ночи, дорогая леди... я просто шалею от того, что вы позволили мне заглянуть к вам.

— Ну! — произнесла миссис Эпплдор, захлопывая за ним дверь.

Я благодарен всем богам,
Своей улыбкой озарившим
Час появления моего... —

продекламировал лорд Питер, — которые научили меня быть чертовски грубым, когда надо. Старая хрычовка!

В два часа пополуночи лорд Питер Уимзи в сопровождении пожилой глухой дамы и доисторического чемодана въезжал на машине своего приятеля в Денверский замок — дом вдовствующей герцогини.

— Как я рада тебя видеть, дорогой, — безмятежно приветствовала его вдовствующая герцогиня.

Герцогиня была маленькой полной женщиной с совершенно седой головой

и изысканными руками. Внешне она настолько же отличалась от своего младшего сына, насколько походила на него своим характером; ее темные глаза жизнерадостно поблескивали, все ее манеры и движения были отмечены изящной решительностью. Она сидела, завернувшись в прелестную меховую пелерину, и наблюдала за лордом Питером, поглощавшим холодную говядину с сыром, словно его приезд в столь нелепом обществе и при таких невероятных обстоятельствах был самым обыкновенным делом. Впрочем, отчасти это действительно входило в привычки лорда Питера.

— Ты уложила нашу гостью? — спросил лорд Питер.

— Конечно, дорогой. Замечательная женщина, не правда ли? И какая смелая! Она сказала мне, что впервые ехала в легковом автомобиле. Она считает тебя очень симпатичным юношей, дорогой, — ты напоминаешь ей сына. Бедный мистер Типпс! Почему твой инспектор решил, что он может быть причастен к какому-либо убийству?

— Мой инспектор... нет-нет, больше не надо, спасибо, мама... вознамерился доказать, что пришелец из ванны Типпса является сэром Рувимом Леви, который таинственно исчез из своего дома про-

шлой ночью. Цепь его размышлений выглядит приблизительно так: на Парк-лейн нагишом исчез джентльмен среднего возраста; в Баттерси найден голый джентльмен среднего возраста. Следовательно, оба джентльмена являются одним и тем же лицом, что и требовалось доказать, значит, виноват во всем малыш Типпс, которого он и препроводил за решетку.

— Ты очень непоследователен, дорогой, — спокойно заметила герцогиня. — Даже если это одно и то же лицо, зачем нужно было арестовывать мистера Типпса?

— Саггу было необходимо кого-нибудь арестовать, — ответил лорд Питер, — а он обнаружил одну небольшую странную деталь, которая подтверждает его версию. Впрочем, мне тоже удалось кое-что увидеть собственными глазами, и это полностью противоречит его предположениям. Вчера около четверти десятого вечера по Баттерси-парк-роуд прогуливалась молодая дама с целями, известными только ей одной. Она обратила внимание на джентльмена в меховом пальто и цилиндре. Он не спеша шел под зонтиком, вчитываясь в названия улиц, и выглядел несколько неуверенно. Не будучи излишне скромной, она подошла к нему и поздоровалась. «Скажите,

пожалуйста, — произнес таинственный незнакомец, — выйду ли я так на улицу Принца Уэльского?» Она ответила, что выйдет, а потом в несколько шутливой манере поинтересовалась, чем он намерен заняться и всякое такое — правда, эту часть беседы она передала не слишком подробно — понимаешь, она ведь исповедовалась перед Саггом, а тот получает жалованье от благодарного отечества за чистоту и возвышенность взглядов, а? Как бы там ни было, ее собеседник сказал, что в данную минуту не может уделить ей внимание, так как спешит на встречу. «Мне надо повидаться с одним человеком, дорогуша» — так это звучало в ее изложении, после чего он направился по Александр-авеню к улице Принца Уэльского. Она в некотором изумлении осталась стоять на месте, глядя ему вслед, пока к ней не подошла приятельница, которая произнесла следующее: «Нечего тратить на него время. Это Леви. Я знала его, когда жила в Вест-Энде. Девушки называли его Неподкупным Стручком». Имя приятельницы не было упомянуто, учитывая обстоятельства, но девушка готова присягнуть, что сказала правду. Она забыла и думать об этой вечерней встрече, но утром молочник принес известие о шуме в квартале Королевы Каролины; и она, несмотр-

ря на то что вообще-то не любит полицию, отправилась на место происшествия и поинтересовалась, не было ли у мертвого джентльмена бороды и очков. Узнав, что есть пенсне, а бороды нет, она неосторожно заметила: «Ну, значит, это не он». — «Кто это “не он”?» — поинтересовался полицейский и взял ее за шиворот. Она все рассказала. Сагг, естественно, обрадовался и на основании этих показаний укатал Типпса за решетку.

— Боже мой, — произнесла герцогиня, — надеюсь, у бедняжки не будет неприятностей.

— Не думаю, — ответил лорд Питер. — Все достанется Типпсу. Кроме того, он допустил одну оплошность. Это я тоже узнал от Сагга, хотя он ни за что не хотел со мной делиться этой информацией. Похоже, что Типпс запутался относительно поезда, на котором вернулся из Манчестера. Сначала он сказал, что приехал домой в десять тридцать. Потом они нажали на Глэдис Хоррокс, которая призналась, что без четверти двенадцать дома его еще не было. Затем Типпс, когда его попросили объяснить это расхождение, начал путаться, ошибаться и сообщил, что опоздал на поезд. Сагг навел справки на вокзале и выяснил, что в десять часов Типпс оставил свой чемодан

в камере хранения. К Типпсу снова обращаются за объяснениями, он заикается еще больше и наконец выдавливая из себя, что гулял несколько часов, встретил друга, но не может сказать, кого именно, потом говорит, что не встречал друга, не может сказать, чем занимался все это время, не может объяснить, почему не вернулся за своим багажом, не может ответить, откуда синяк на лбу. В общем, фактически он ничего не может объяснить. Глэдис Хоррокс допрашивают снова. На этот раз она говорит, что Типпс вернулся в половине одиннадцатого. Потом признает, что не слышала, когда он вошел. Не может объяснить, почему не слышала. Не может объяснить, почему сначала сказала, что слышала. Затем начинает рыдать. Противоречит сама себе. Подозрения возрастают, и их забирают обоих.

— Дорогой, все, что ты рассказываешь, — произнесла герцогиня, — выглядит очень запутанно и не слишком прилично. А бедняжку мистера Типпса всегда так расстраивают недостойные поступки.

— Хотелось бы мне знать, чем он занимался, — задумчиво промолвил лорд Питер. — Конечно, я понимаю, что Типпс не совершал убийства. Кроме того, меня вполне убеждает, что этот тип мертв уже

пару дней, хотя нельзя слишком полагаться на медицинские свидетельства. Отличная задачка.

— Очень странная, дорогой. Но мне очень жаль бедного сэра Рувима. Надо написать пару строк леди Леви. Знаешь, дорогой, мы же с ней были хорошо знакомы в Гэмпшире, когда она была еще девочкой. Тогда ее звали Кристина Форд, и я помню, какие ужасные волнения предшествовали ее свадьбе с евреем. Естественно, это было еще до того, как он разбогател в результате своих нефтяных сделок в Америке. Родители хотели, чтобы она вышла замуж за Джулиана Фрика, который был вхож в их дом и теперь добился такой известности, но она влюбилась в мистера Леви и сбежала с ним. Знаешь, дорогой, он был очень красив, несколько экзотичен. Но тогда у него не было ни гроша за душой, а кроме того, Форды не одобряли его религию. Конечно, теперь мы все евреи, и я думаю, они бы так не возражали, если бы он претендовал на какие-нибудь другие генетические корни, как мистер Саймонс, с которым мы познакомились у миссис Порчестер и который уверял всех, будто унаследовал свой нос от Ля Беллы Симонетты, жившей в Италии периода Возрождения. Так глупо, дорогой, неужели ему кто-нибудь верит? Лично я уверена,

что среди евреев есть замечательные люди, и я совершенно не возражаю против их вероисповедания, хотя, по-моему, многое у них ужасно неудобно — например, запрет работать по субботам и обрезание, которое они совершают со своими бедными малышами, и все, что связано у них с новолунием, и такое смешное название мяса — словно на жаргоне, и так жаль, что им нельзя есть за завтраком бекон. Тем не менее брак был заключен, да это и к лучшему, ведь она так любила Рувима, хотя юный Фрик был ей очень предан, они до сих пор остались хорошими друзьями. Не то чтобы они были обручены, но у Фрика с ее отцом была какая-то договоренность. Ты ведь знаешь, Фрик так и не женился, живет один в большом доме рядом с кликой, хотя теперь он очень богат и известен. Я знаю, что на его свободу неоднократно покушались — леди Мейнверинг хотела, чтобы он женился на ее старшей девочке, хотя, я помню, в то время было много разговоров, что хирург — это не слишком подходящая фигура, — ты же понимаешь, дорогой, всегда есть основания для слухов.

— Судя по всему, леди Леви обладает каким-то даром очаровывать людей, — заметил Питер. — Вот и Неподкупный Стручок Леви.

— Это верно, дорогой; она была самой прелестной девушкой, и, говорят, ее дочь точно такая же. После того как Кристина Форд вышла замуж, я как-то потеряла ее из вида, ты же знаешь, твой отец никогда не имел дела с бизнесменами, но я слышала, все говорят, что они идеальная пара. Кажется, они даже вошли в поговорку: сэра Леви так же любят свои, как ненавидят чужие. Я не имею в виду иностранцев, ты понимаешь, это то же самое, что «святой для чужих, сатана для своих», только наоборот.

— Да, — произнес Питер, — осмелюсь сказать, парочка недоброжелателей у старины была.

— Десятки, дорогой. Сити — такое приятное место, не правда ли? Все Измаилы держатся друг за друга. Хотя, наверное, сэру Рувиму не понравилось бы, что его так называют, а? Кстати, что это означает? Еврей вне закона? Не настоящий еврей? Я всегда путаю этих персонажей Ветхого завета.

Лорд Питер рассмеялся и зевнул.

— Пожалуй, я посплю пару часов, — сказал он. — К восьми мне надо вернуться в город — Паркер придет к завтраку.

Герцогиня взглянула на часы, которые показывали без пяти минут три.

— Я пошлю тебе завтрак наверх в половине седьмого, дорогой, — произнесла она. — Надеюсь, там все в порядке. Я распорядилась положить грелку — эти полотняные простыни такие холодные; но если тебе не понравится, можешь ее убрать.

4

— Вот так, Паркер, — произнес лорд Питер, отодвигая свою кофейную чашку и раскуривая утреннюю трубку, — может, вам это и дает какой-нибудь толчок к размышлениям, мне с моей ванной это не дает ничего. Кстати, после моего отъезда вам удалось сделать что-нибудь еще?

— Нет, но сегодня утром я побывал на крыше.

— Черт побери, какой вы энергичный парень, Паркер! Мне представляется наше сотрудничество на редкость полезным. Гораздо легче делать чужую работу, чем свою. Получаешь истинное наслаждение от того, что вмешиваешься и путаешься под ногами у другого, да еще испытываешь чувство превосходства от того, что у соседа ничего не получается. В общем, услуга за услугу, а? Ну так что, удалось вам что-нибудь обнаружить?

— Не слишком много. Естественно, я разыскивал отпечатки ног, но дождь смыл все. Конечно, в любом детективном романе он прошел бы раньше, скажем, за час до преступления, и мы бы имели дивный комплект отпечатков, но искать следы в реальной жизни в ноябрьском Лондоне так же глупо, как на выступлениях Ниагары. Я прошелся по близлежащим крышам и пришел к замечательному выводу, что практически любой человек из любой квартиры мог это сделать. Все лестничные клетки имеют выход на крышу, а сама крыша достаточно плоская — по ней можно разгуливать так же спокойно, как по Шафтсбери-авеню. Впрочем, мне удалось найти доказательство, что тело попало в ванну именно таким путем.

— В чем оно выражается?

Паркер достал записную книжку и вынул из нее несколько лоскутков ткани.

— Один — с водостока прямо над окном ванной Типпса, другой — из расщелины каменного парапета чуть выше, остальные зацепились за металлическую подпорку трубы. Что вы на это скажете?

Лорд Питер взял лоскутки в руки и принялся внимательно рассматривать через увеличительное стекло.

— Интересно, — произнес он наконец, — чертовски интересно. Бантер, ты

уже проявил свои негативы? — поинтересовался он у своего молчаливого помощника, когда тот вошел с почтой.

— Да, милорд.

— Что-нибудь есть?

— Не знаю, милорд, можно ли это назвать чем-нибудь, — с сомнением промолвил Бантер. — Сейчас я принесу отпечатки.

— Будь так добр, — сказал Уимзи. — А вот и наше объявление в «Таймс» о золотой цепочке. Выглядит очень мило: «Пишите, звоните или заходите на Пикадилли, сто десять». Безопаснее, наверное, было бы дать номер почтового ящика, но я всегда придерживался мнения, что чем откровеннее ты с людьми, тем проще их обмануть; в современном мире все так отвыкли от открытого и бескорыстного отношения, а?

— Но не думаете же вы, что тот, кто водрузил эту цепочку на труп, явится сюда, выдав себя с головой?

— Конечно нет, болван, — заявил лорд Питер с непринужденной вежливостью истинного аристократа, — именно поэтому мне и нужно найти ювелира, который изначально продал эту цепочку. Понимаете? — Он указал абзац в газете. — Цепочка новая, практически не ношенная. О, спасибо, Бантер. Смотрите, Паркер, вот отпечатки пальцев, которые

вы видели вчера на подоконнике и на краю ванны. Я проглядел их, так что заслуга открытия полностью принадлежит вам. Падаю ниц и преклоняюсь. Меня зовут Ватсон. Так что можете не говорить мне то, что собирались, — я все признаю. Ну а теперь...

Все трое уставились на фотографии.

— Преступник, — печально заметил лорд Питер, — лазил по крышам под дождем и, вполне естественно, вымазался сажей. Устроив тело в ванне, он стер все следы, за исключением двух, которые предусмотрительно оставил для нас, чтобы мы знали, в каком направлении двигаться. На основании этого отпечатка на полу мы можем сделать вывод, что на ногах у него были ботинки на резиновой подошве. А этот восхитительный комплект отпечатков пальцев на краю ванны убеждает нас в том, что убийца обладает обычным количеством пальцев и на руках у него были резиновые перчатки. Вот он какой. Можете взять его, джентльмены.

Уимзи отложил снимки в сторону и вернулся к лоскуткам.

— И что вы думаете об этом, Паркер? — тихо присвистнув, внезапно спросил он.

— Я думаю, это обрывки какого-то грубого полотна — может, простыни или

какой-нибудь импровизированной веревки.

— Да, — промолвил лорд Питер, — да, так. А может, и не так, может, мы ошибаемся. Интересно. Как вы думаете, эти нитки достаточно длинные и крепки, чтобы повесить человека?

Его удлинённые глаза сузились и совсем скрылись за табачным дымом.

— Чем вы собираетесь заняться сегодня утром? — спросил Паркер.

— Ну, — промолвил лорд Питер, — по-моему, мне самое время поучаствовать в вашем деле. Давайте поедем на Парклейн и поглядим, что там натворил сэр Рувим Леви вчерашней ночью.

— А теперь, миссис Пемминг, если вы любезно предоставите мне одеяло, — произнес мистер Бантер, входя на кухню, — и позвольте занавесить нижнюю часть окна простыней, а здесь поставить ширму, во избежание появления каких-либо теней, мы приступим к работе, если вы понимаете, что я имею в виду.

Кухарка сэра Рувима Леви, оценив добротность костюма мистера Бантера и благородство его вида, поспешила предоставить необходимое. Ее посетитель тем временем водрузил на стол корзин-

ку, содержащую бутылку с водой, расческу с серебряной основой, пару ботинок, небольшой сверток линолеума и «Письма преуспевающего торговца своему сыну» в сафьяновом переплете. Затем мистер Бантер вынул из-под мышки зонтик и присовокупил его к этой коллекции. После чего, установив громоздкую фотокамеру в непосредственной близости от кухни, он застелил газетами чисто выскобленную поверхность стола, закатал рукава и натянул хирургические перчатки. Вошедший в этот момент камердинер сэра Рувима Леви отстранил кухонную прислугу, которая оккупировала места в первом ряду, и принялся критически рассматривать фотоаппарат. Мистер Бантер приветливо кивнул ему и откупорил маленькую бутылочку, содержащую серый порошок.

— Станный тип твой хозяин, — небрежно заметил камердинер.

— Да, своеобразный, — отвечал мистер Бантер. — А теперь, моя милочка, — добавил он просительно, обращаясь к посудомойке, — не будете ли вы так любезны насыпать на край бутылки этот порошок, а теперь на ботинок, вот сюда, сверху. Спасибо, мисс... как вас зовут? Прайс? Нет, ведь у вас кроме фамилии есть имя, не так ли? Мейбл? Это одно из моих самых любимых имен. Очень хоро-

шо — у вас твердая рука, мисс Мейбл. Видите? Это отпечатки пальцев: три там и два здесь, в обоих случаях смазаны. Нет, милочка, не трогайте, иначе вы все сотрете. Мы их положим здесь, а потом сфотографируем. Так, теперь расческа. Миссис Пемминг, будьте любезны, приподнимите ее аккуратно за щетинку.

— За щетинку, мистер Бантер?

— Да, будьте так добры, миссис Пемминг, и положите ее сюда. Теперь, мисс Мейбл, если вас не затруднит, продемонстрируйте еще раз свое мастерство. Нет, на этот раз нам понадобится сажа. Отлично. Я бы сам лучше не сделал. О, какие восхитительные отпечатки. Абсолютно чистые. Это наверняка заинтересует его милость. Так, теперь книжечка, нет, я сам возьму ее — я же в перчатках. Так, за края. Я опытный криминалист, миссис Пемминг, и сам никогда не оставляю отпечатков. Посыпьте порошком всю обложку, мисс Мейбл; теперь с этой стороны — вот так. Масса отпечатков. Все согласно плану. О, пожалуйста, мистер Грейвз, не трогайте — только я имею право трогать здесь что-либо.

— И часто вам приходится заниматься такими делами? — поинтересовался мистер Грейвз.

— Довольно-таки, — ответил мистер Бантер с тяжелым вздохом, который был предназначен для того, чтобы растопить сердце мистера Грейвза и вызвать его на откровенность. — Миссис Пемминг, если вы любезно согласитесь поддержать линолеум за этот край, я поддержу противоположный, а мисс Мейбл сможет тогда приняться за свою работу. Да, мистер Грейвз, это нелегкая жизнь — камердинер днем, сыщик ночью, завтрак то в половине седьмого, то в одиннадцать, и следствие сутки напролет. Просто удивительно, чего только не взбредет в голову этим бездельникам аристократам.

— Как ты только это выносишь, — произнес мистер Грейвз. — У нас тут нет ничего похожего. Надо сказать, мистер Бантер, что тихая, размеренная домашняя жизнь гораздо предпочтительнее. Трапезы в определенные часы, к обеду приглашаются честные респектабельные семейства — не какие-нибудь там размазанные женщины. А по вечерам вообще никакой работы — очень выгодно. Мне вообще-то не очень нравятся евреи, мистер Бантер, и я понимаю, вам есть чем гордиться, служа в титулованном семействе, но в наше время на это не очень-то обращают внимание. А кроме того, сэра Рувима Леви никто не назовет вульгар-

ным, хоть он и выходец из среднего класса. А уж миледи в любом случае относится к высшему обществу — ее девичья фамилия Форд, из гэмпширских Фордов. И оба они чрезвычайно деликатные люди.

— Полностью с вами согласен, мистер Грейвз — ни его милость, ни я никогда не симпатизировали ограниченным людям — о да, конечно же, это следы ног на линолеуме из-под умывальника. Я всегда говорил, хороший еврей может быть хорошим человеком. А что касается размеренного образа жизни и регулярных часов приема пищи, то остается только позавидовать. Значит, вкусы сэра Рувима непритязательны, да? Я имею в виду — по сравнению с его доходами.

— Да, очень непритязательны, — вступила в разговор кухарка, — когда леди и он обедали одни с мисс Рашель... ну, если бы они не приглашали к себе на обеды, я бы понапрасну тратила здесь время и полностью потеряла бы квалификацию, если вы понимаете, что я имею в виду, мистер Бантер.

Мистер Бантер добавил ручку от зонтика к своей коллекции и с помощью горничной принялся пришпиливать простыню к окну.

— Восхитительно, — заметил он. — Теперь, если можно, одеяло на стол и еще од-

но на вешалку для полотенец или что-нибудь такое, чтобы занавесить заднюю часть комнаты. Спасибо, вы очень любезны, миссис Пемминг... Как бы мне хотелось, чтобы его милость не нуждался в услугах камердинера по вечерам. Сколько раз мне приходилось бодрствовать до трех-четырех утра, а потом будить его на рассвете, чтобы нестись в другой конец города шерлокхолмствовать! А сколько грязи он умудряется собрать на обуви и одежде!

— Как это досадно, мистер Бантер, — с участием проговорила миссис Пемминг. — Я бы сказала, недостойно. Помому, вся эта полицейская работа — занятие, недостойное джентльмена, не говоря уж о титулованной особе.

— Да, все это только усложняет жизнь, — заметил мистер Бантер, с благородством отдавая на растерзание во имя дела собственные чувства и привычки своего хозяина, — ботинки швыряются в угол, одежда разбрасывается по всему полу, в общем, как говорят...

— Это зачастую случается с людьми, родившимися «в рубашке», — вмешался мистер Грейвз. — Что касается сэра Рувима, он никогда не забывал о старых добрых привычках. Вещи всегда аккуратно сложены, туфли выставлены в гардеробную, чтобы их было удобно взять утром, — всегда предусмотрителен.

— Тем не менее позавчера вечером он забыл это сделать.

— Только сложить одежду; туфли он выставил, как всегда. Сэр Рувим был так предупредителен по отношению к другим. Надеюсь, с ним ничего не случилось.

— О да, бедняжка, — подхватила кухарка. — А что касается слухов, будто он тайком отправился заниматься чем-то предосудительным, я никогда в жизни не поверю этому, мистер Бантер, даже если мне придется присягать на смертном одре.

— Да, — промолвил мистер Бантер, устанавливая дуговые лампы и подключая их к ближайшей розетке, — немногие из нас могут так отозваться о тех, кто нам платит.

— Пять футов десять, — произнес лорд Питер, — и ни дюймом больше. — С подозрением осматривая смятую постель, он вторично измерил ее своей тростью. Паркер занес эти сведения в свою записную книжку.

— И тем не менее, — произнес он, — если человек ростом в шесть футов¹ два дюйма² свернется калачиком, то может

¹ Ф у т — единица длины в системе английских мер, равная 0,3048 м.

² Д ю й м — дольная единица длины в системе английских мер, равная 0,0254 м.

оставить углубление длиной в пять футов десять дюймов.

— Паркер, в вас есть хоть капля шотландской крови? — мрачно поинтересовался его коллега.

— Мне, по крайней мере, об этом неизвестно, — ответил Паркер. — А в чем дело?

— В том, что вы самый осторожный, хладнокровный и неблагодарный скептик, каких я когда-либо знал, — ответил лорд Питер. — Я тут бьюсь из последних сил, чтобы привнести в ваше скучное и безрезультатное расследование хоть какую-то продуктивную деталь, а вы не проявляете ни малейшего намека на энтузиазм.

— Я просто не вижу смысла в скоропалительных выводах.

— Скоропалительных? А вы предпочитаете не приближаться к выводам даже на пушечный выстрел. Подозреваю, если вы поймаете кота, вымазанного сметаной, то заявите, что вполне допустимо, что кувшин был уже пуст, когда в него влез кот.

— Но ведь это действительно вполне допустимо, не правда ли?

— Черт бы вас побрал, — выругался лорд Питер. Вставив в глаз монокль, он склонился над подушкой.

— Ну вот, дайте-ка мне пинцет, — наконец произнес он, сдерживая дыха-

ние. — Да что ж вы дуете-то, как ураган? — Он распрямился, подцепив с наволочки что-то почти невидимое для глаза.

— Что это? — поинтересовался Паркер.

— Это — волос, — мрачно сообщил Уимзи, и взгляд его стал холодным. — Пойдем взглянем на шляпы Леви. Вы не против, чтобы позвать этого парня с кладбищенским¹ именем?

Войдя, мистер Грейвз застал лорда Питера Уимзи сидящим на корточках в гардеробной перед рядом перевернутых шляп.

— А, вот и вы! — приветливо воскликнул лорд. — Тут для вас, Грейвз, есть небольшая загадка — игра из трех шляп. Тут их девять, включая три цилиндра. Вы можете засвидетельствовать, что все они принадлежали сэру Рувиму Леви? Можете? Очень хорошо. Теперь я с трех попыток определяю цилиндр, который был на нем в ночь его исчезновения. Если я угадаю — я победил; если нет — выиграли вы. Понятно? Готовы? Начали. Кстати, я предполагаю, что вы знаете ответ.

— Я правильно понял вашу милость, вы спрашиваете, какая шляпа была на сэре Рувиме в понедельник вечером?

¹ В переводе Грейвз означает «могильный».

— Нет, вы ничего не поняли, — ответил лорд Питер. — Я прошу вас помолчать об этом, если вам известно, — я догадаюсь сам.

— Мне это известно, ваша милость, — укоризненно произнес Грейвз.

— Так, — начал лорд Питер, — поскольку сэр Рувим обедал в «Ритце», на нем был цилиндр. Их здесь три штуки. С трех раз мне предстоит выбрать нужный. Но это не слишком-то интересно. Пожалуй, я угадаю с первого же раза. Вот этот.

Он указал на цилиндр, который находился ближе к окну.

— Правильно, Грейвз? Я победил?

— Да, это он, милорд, — без воодушевления ответил мистер Грейвз.

— Спасибо, — сказал лорд Питер, — это все, что мне надо было знать. Пожалуйста, попросите сюда Бантера.

Мистер Бантер вошел с удрученным видом. Его обычно приглаженные волосы были взъерошены — он только что вылез из-под накидки фотокамеры.

— А, Бантер! — воскликнул лорд Питер. — Взгляни сюда...

— Я здесь, милорд, — ответил мистер Бантер с вежливым укором, — но, позволю заметить, мне следовало бы быть внизу. Эти юные особы могут там заляпать отпечатки, милорд.

— Боже милосердный! — воскликнул лорд Питер. — Я уже поссорился с мистером Паркером, расстроил бесценного Грейвза, а теперь отвлекаю тебя. Ну, что ты обнаружил, Бантер? И не будь так строг ко мне.

— Как правильно изволили догадаться, ваша милость, я еще не успел все сфотографировать, но не стану отрицать, что отпечатки представляют интерес. На книжечке с ночного столика, милорд, отчетливо видны отпечатки, принадлежавшие одному лицу, — их отличает маленький шрам на большом пальце правой руки. На расческе, милорд, также виден только один комплект отпечатков. А вот на зонтике, стакане и туфлях два разных варианта отпечатков: руки со шрамом на пальце, которая, вероятно, принадлежит сэру Рувиму, милорд, и, если мне будет позволено сказать, уже известной нам руки в резиновых перчатках. Я смогу сказать вам это, милорд, с большей уверенностью, когда будут сделаны фотографии и мы сможем их сравнить. Чрезвычайно обнадеживает в этом отношении линолеум из-под умывальника, милорд. Кроме отпечатков ног сэра Рувима, на которые указала ваша милость, там есть отпечаток обнаженной мужской ноги гораздо меньшего размера, милорд, я

бы сказал — немногим более десяти дюймов.

Лицо лорда Питера озарилось слабым светом чуть ли не религиозного чувства.

— Промашка, — выдохнул он, — небольшая промашка, но он допустил ее. Когда линолеум мыли в последний раз, Бантер?

— В понедельник утром, милорд. Этим занималась горничная. Пока это единственное, что она сказала, но очень кстати. Остальная прислуга... — Лицо его приняло презрительное выражение.

— Что я говорил, Паркер? Пять футов десять дюймов, и ни дюймом больше. Но взять расческу он не решился. Отлично. А цилиндр рискнул надеть. Не может же джентльмен вернуться домой поздно ночью под дождем без шляпы, правда, Паркер? Ну так какие выводы вы можете из этого сделать? На всех предметах, за исключением книги и гребенки, два варианта отпечатков пальцев, на линолеуме два типа отпечатков ног, в шляпе — два вида волос!

Он поднес цилиндр к свету и извлек пинцетом улику.

— Только подумайте, Паркер, — помнить о расческе и позабыть о шляпе, все время помнить об отпечатках пальцев и сделать один неосторожный шаг на линолеуме. Вот они — черный волос и ры-

жий из цилиндра. А для того чтобы окончательно убедиться, что мы на верном пути, вот еще один маленький рыжеватый волосок с подушки, с той самой подушки, Паркер, которая сдвинута с обычного места. Нет, я просто плакать готов от этого.

— Вы хотите сказать... — медленно произнес Паркер.

— Я хочу сказать, — продолжил лорд Питер, — что в позапрошлую ночь кухарка видела в дверях не сэра Рувима Леви. Я уверен, что это был другой человек, возможно, на пару дюймов ниже. Он явился сюда в одежде Леви и открыл дверь ключом, принадлежавшим Леви. О, он хитер и расчетлив, Паркер. Он надел не только ботинки Леви, но и всю его одежду вплоть до последней мелочи. Он ни разу не снял резиновые перчатки и сделал все возможное, чтобы убедить нас, что Леви в ту ночь ночевал дома. Он бросил вызов и победил. Он поднялся наверх, разделся, он даже вымылся и почистил зубы. Единственное, чего он не стал делать, это причесываться, из опасения, что может оставить на гребенке свои рыжие волосы. Он сообразил, как Леви обычно поступал с одеждой и обувью. Одна из его догадок была верна, другая, как мы уже знаем, ошибочна. Для того чтобы постель выглядела смя-

той, он надевает пижаму своей жертвы и ложится. Затем, через некоторое время, вероятно, в самый глухой час — между двумя и тремя ночи, он встает, надевает свою собственную одежду, которую принес в сумке, и бесшумно спускается вниз. Если кто-нибудь проснется — он погиб, но он хладнокровный человек, и он бросает вызов судьбе. Он знает, что люди обычно не просыпаются ни с того ни с сего. Так оно и происходит. Он открывает входную дверь, прислушивается, нет ли шагов случайного прохожего или полицейского. Удостоверяется, что все тихо, и выходит, бесшумно закрыв за собой дверь на ключ. Затем он проворно удаляется в своих резиновых ботинках, — он явно один из тех преступников, которые не мыслят себя без обуви на резиновой подошве. Через несколько минут он уже на углу Гайд-парка. После чего... — Лорд Питер выдержал паузу и добавил: — Он осуществил все это, выиграв все и ничего не потеряв. В любом случае, если сэр Рувим Леви не был похищен ради какого-то глупого розыгрыша, на рыжем человеке лежит вина за его убийство.

— Боже мой, — воскликнул Паркер, — по-моему, вы все слишком драматизируете!

Лорд Питер устало пригладил волосы.

— Мой милый друг, — промолвил он с чувством, — вы напоминаете мне стихок моей юности:

Жил-был старичок в Белодворье,
Плясать предложил он вороне,
Народ же сказал: «Он — тупица,
Поощряет он глупую птицу».
Увидевши в том беззаконье,
Прибили жильца Белодворья.

Вот так-то, Паркер. Бедный старый хрыч отправлен к праотцам, хоть он и мухи не обидел — в этом весь юмор. Знаете, Паркер, я вообще потерял интерес к этому делу.

— К которому — вашему или этому?

— К обоим. Послушайте, Паркер, давайте поедем спокойно домой, пообедаем и пойдем в «Колизей».

— Вы вполне можете это сделать, — ответил детектив, — только вы забыли, что для меня это дело — единственный источник дохода.

— А у меня нет даже и этого оправдания, — произнес лорд Питер. — Ну так каков следующий ход? Что бы вы предприняли в моем деле?

— Занялся бы рутинной работой, — ответил Паркер. — Подвергая сомнению каждый шаг Сагга, я бы начал собирать данные обо всех обитателях квартала Королевы Каролины. Я бы обыскал все их кладовки и лестничные клетки, я бы

втягивал их в разговоры, неожиданно употребляя слова «труп» или «пенсне», наблюдая, как они будут выпутываться.

— Да? — с усмешкой произнес лорд Питер. — Ну, раз мы обменялись нашими делами, то вы и займитесь этим. А я, пожалуй, отправлюсь отдохнуть.

Паркер скорчил гримасу.

— Ну, поскольку вы вряд ли когда-нибудь будете заниматься такими вещами, — произнес он, — придется это взять на себя. Вы никогда не станете профессионалом, Уимзи, пока не научитесь делать черновую работу. Как насчет того, чтобы поесть?

— Я приглашен, — величественно промолвил лорд Питер. — Забегу домой и переоденусь в клубе. Не могу предстать перед Фредди Арбатнотом в этом отрепье. Бантер!

— Да, милорд.

— Собирайся, если ты готов, и поедем — поможешь мне умыться в клубе.

— Милорд, у меня здесь работы еще на два часа. Приходится ставить выдержку не менее чем на полчаса — очень слабый ток.

— Вот видите, Паркер, как со мной обращается мой собственный камердинер. Ну что ж, придется и это снести.

И, насвистывая, он направился к лестнице.

А добросовестный Паркер, стелая, уселся за подробный просмотр бумаг сэра Рувима Леви, подкрепляясь время от времени бутербродами с ветчиной и минеральной водой.

Лорд Питер и достопочтенный Фредди Арбатнот вошли в ресторанный зал — вдвоем они выглядели словно реклама мужских костюмов.

— Не видел тебя сто лет, — проговорил достопочтенный Фредди. — Чем был занят?

— Так, валял дурака, — безмятежно ответил лорд Питер.

— Суп или бульон, сэр? — спросил официант у достопочтенного Фредди.

— Ты что будешь, Уимзи? — поинтересовался член тайного совета, возлагая тяжесть выбора на своего гостя. — Отрава и то, и другое.

— Ну тогда лучше бульон — меньше хлопот с ложкой, — сказал лорд Питер.

— Бульон, — повторил достопочтенный Фредди.

— Консоте по-польски, — подытожил официант. — Очень хорошо, сэр.

Разговор замер до тех пор, пока достопочтенный Фредди не обнаружил в филе палтуса кость и не послал за метрдотелем, чтобы тот объяснил причи-

ну ее появления. Наконец, когда эта проблема была решена, лорд Питер осмелился нарушить молчание.

— С прискорбием узнал о твоём отце, старина.

— Да, бедняга, — ответил достопочтенный Фредди, — похоже, он теперь недолго протянет. Что? Монраше тысяча девятьсот восьмого года? Здесь никогда нет приличного вина, — мрачно добавил он.

После этого предумышленного оскорбления благородного напитка снова наступила пауза, которую прервал лорд Питер:

— Что на бирже?

— Мерзко. — Достопочтенный Фредди пододвинул к себе рагу из дичи.

— Могу я чем-нибудь помочь? — заинтересовался лорд Питер.

— Нет, спасибо, — очень мило с твоей стороны, — со временем все уладится.

— Неплохое рагу, — заметил лорд Питер.

— Да, бывает хуже, — согласился его приятель.

— А что с этими аргентинцами? — спросил лорд Питер. — Официант, у меня в бокале кусок пробки.

— Пробка? — воскликнул достопочтенный Фредди с некоторым воодушевлением. — Ну это им так не пройдет.

Потрясающе, людям платят за то, что они выполняют свои обязанности, а они не могут вынуть пробку из бутылки. Что ты сказал? Аргентинцы? Пошли они к черту. Исчезновение старины Леви подкосило всю биржу.

— Неужели? — проговорил лорд Питер. — Как ты думаешь, что с ним могло случиться?

— А черт его знает, — промолвил достопочтенный Фредди, — наверное, кто-нибудь стукнул по башке.

— А может, он просто уехал? — предположил лорд Питер. — Другая жизнь. Эти люди из Сити бывают очень странными.

— О нет, — с легким воодушевлением заметил достопочтенный Фредди, — нет, Уимзи, исключено. Он — тихое домашнее животное, и дочь у него просто прелесть. Кроме того, он абсолютно честен: он может разорить тебя, но никогда не унижит. Старина Андерсон в полном отчаянии из-за всего происшедшего.

— Кто такой Андерсон?

— Один состоятельный парень. Должен был встретиться с Леви во вторник по поводу переброски своего имущества. Теперь боится, что об этом пронюхают железнодорожники и все пойдет прахом.

— А кто у нас занимается железными дорогами? — спросил лорд Питер.

— Один негодяй — янки Джон П. Миллиган. Говорит, что у него есть лицензия. Не знаю, правда ли — этим подлецам нельзя доверять.

— Разве Андерсон не может настоять на своем?

— Андерсон не Леви. У него нет столько шекелей. Кроме того, он один как перст. Всей информацией располагает Леви — он может организовать жесткий бойкот компании Миллигана, если захочет. На этом он и играет, понимаешь?

— Кажется, я где-то встречал этого Миллигана, — задумчиво проговорил лорд Питер. — Неповоротливый детина с черной бородой?

— Нет, ты ошибаешься, — возразил почтенный Фредди. — Миллиган не выше меня, хотя, может, с твоей точки зрения, пять футов десять — это высокий рост? К тому же он лыс.

Лорд Питер задумался над бокалом «Горгонцолы» и затем промолвил:

— Я не знал, что у Леви очаровательная дочка.

— О да, — заметил почтенный Фредди, приняв изысканно-отрешенный вид. — Я встречал ее с леди Леви в прошлом году за границей. Благодаря им я

и познакомился с самим Леви. Он был очень благороден. Ввел меня в это аргентинское дело.

— Деньги есть деньги, — заметил лорд Питер. — Зато леди Леви компенсирует все. Мама знала ее родителей.

— Да, леди Леви безупречна, да и ему самому нынче уже нечего стыдиться. Он сам всего добился, и без лишних амбиций. Все такой же. Каждое утро на девяносто шестом автобусе отправляется на службу. «Не могу привыкнуть к такси, мой мальчик, — говорит. — Когда я был молодым, я берег каждые полпенни — а от этой привычки очень тяжело избавиться». Впрочем, когда он выводит в свет свое семейство, то не скупится.

Рашель — так зовут дочку — всегда подсмеивается над мелочной экономией своего отца.

— Надеюсь, они известили леди Леви, — проговорил лорд Питер.

— Надеюсь, — откликнулся его собеседник. — Надо бы заглянуть к ней, выразить соболезнование, как ты думаешь? Не очень хорошо будет выглядеть, если мы никак неотреагируем. Хотя все это чертовски странно. Что ей сказать?

— Я думаю, в таких случаях слова не имеют значения, — пришел на помощь лорд Питер. — Я бы на твоём месте про-

сто поинтересовался у нее, чем ты можешь быть полезен.

— Спасибо, так я и сделаю. Что-нибудь типа: «Прошу вас рассчитывать на меня. Всегда к вашим услугам. Можете звонить мне в любое время дня и ночи». Как ты думаешь, это подойдет?

— Отлично, — ответил лорд Питер.

Когда мистеру Джону П. Миллигану, лондонскому совладельцу прославленной железнодорожной и паровой компании Миллигана, принесли карточку с лаконичной надписью:

*«Лорд Питер Уимзи
Клуб Мальборо»,*

он был занят диктовкой кодированных телеграмм своему секретарю в офисе на Ломбард-стрит.

Мистер Миллиган был раздражен тем, что его отвлекли, но, как большая часть представителей его нации, он испытывал слабость к британской аристократии. Он отложил на некоторое время намерение стереть с лица земли скромную, но подающую надежды фирму и распорядился пригласить посетителя.

— Добрый день, — радушно проговорил лорд Питер, входя легкой поход-

кой, — вы так великодушны, что позволили мне зайти и отвлечь вас от ваших дел. Я постараюсь не задержать вас, хотя не знаю, как мне приступить к делу. Знаете, мой брат никогда не позволяет мне представлять графство, — говорит, что я так непоследователен, что никто не может понять сути.

— Рад познакомиться с вами, лорд Уимзи, — проговорил мистер Миллиган. — Садитесь, пожалуйста, ваша светлость.

— Спасибо, — ответил лорд Питер, — но вы знаете, пэр не я, а мой брат Денвер. Меня зовут Питер. Я всегда считал это имя очень глупым и старомодным, но, в конце концов, его выбирали мои крестные, хотя, наверное, их тоже нельзя винить за это. У нас в семействе всегда был Питер, начиная с третьего герцога, который умудрился предать пять королей во время войны Алой и Белой розы, хотя, если задуматься, особенно гордиться тут нечем. Впрочем, судьбу надо принимать без жалоб.

Таким образом, мистер Миллиган, остроумно поставленный в невыгодное положение, всегда сопутствующее неведению, принялся маневрировать, чтобы захватить инициативу, и для начала предложил незваному гостю «Корону».

— Огромное спасибо, — проговорил лорд Питер, — впрочем, этим вы поощряете меня задержаться здесь на целый день. Честное слово, мистер Миллиган, если вы предлагаете своим посетителям такие удобные кресла и такие великолепные сигары, я не понимаю, почему они не остаются в вашем офисе навсегда. — И про себя добавил: «Черт возьми, хотел бы я снять с тебя эти остроносые ботинки. Как бы узнать размер твоей ноги? Голова как тыква — уже этого достаточно, чтобы вывести человека из себя».

— Так что же, лорд Питер, — промолвил тем временем мистер Миллиган, — чем я могу быть вам полезен?

— Я даже не знаю, — начал лорд Питер, — согласитесь ли вы. Страшно неловко просить вас об этом, но это все моя матушка. Она замечательная женщина, но не понимает, что значит отнимать время у такого занятого человека, как вы. Знаете, мистер Миллиган, мы здесь не понимаем, что такое работа.

— Я прошу вас, не утруждайте себя, — проговорил мистер Миллиган, — я почти за честь оказать услугу герцогине.

На мгновение он заколебался, является ли мать герцога герцогиней, но тут же вздохнул свободно, поскольку лорд Питер продолжил:

— Спасибо. Как это мило с вашей стороны! Ну так вот, дело в следующем. Моя матушка — чрезвычайно энергичная и самоотверженная женщина — задумала провести этой зимой в Денвере что-то вроде благотворительного базара с целью сбора средств для починки церковной крыши. Чрезвычайно печальная история, мистер Миллиган. Великолепное старинное здание — английские окна, ангел на крыше и всякое такое — разрушается на глазах. Дождь хлещет внутрь. У викария ревматизм из-за сквозняков, гуляющих вокруг алтаря, — можете себе представить? Они нашли человека, который начал ремонт, — маленький попрошайка по фамилии Типпс, живет со старой матерью в Баттерси — вульгарный тип, но, говорят, разбирается в крышах и всяком таком.

Тут лорд Питер принялся внимательно следить за своим собеседником, но, видя, что этот вздор вызвал у него лишь проявление вежливого интереса, смешанного с легким недоумением, решил оставить этот путь расследования и продолжил:

— Прошу прощения, боюсь, что я очень многословен. Так вот, моя матушка организует этот базар, и ей пришло в голову, что было бы чрезвычайно интересно провести на нем серию лекций —

ну, что-то типа бесед, понимаете? — с выдающимися бизнесменами разных национальностей. Ну, что-нибудь вроде «Как я этого добился», «Капля нефти от короля керосина», «Совесть торговца и какао» и тому подобное. Это, несомненно, вызовет у людей интерес. Там соберутся все мамины друзья, но у нас просто нет столько денег, то есть, я хочу сказать, того, что вы называете деньгами, — я полагаю, наших доходов едва хватит, чтобы оплатить ваши телефонные разговоры, а? Но нам бы ужасно хотелось побеседовать с людьми, которые умеют делать деньги. Это вызывает такой духовный подъем, понимаете? В общем, как бы там ни было, моя матушка будет необычайно польщена и благодарна, мистер Миллиган, если вы сможете приехать и выступить как представитель американской нации. Это не займет у вас более десяти минут — наши местные жители мало в чем разбираются, кроме охоты и стрельбы, а мамины друзья вообще не в состоянии внимательно слушать что бы то ни было больше десяти минут. Но мы действительно будем вам очень благодарны, если вы сможете провести с нами пару дней и поведать нам о всемогущем долларе.

— Ну конечно же, — воскликнул мистер Миллиган, — с большим удовольст-

вием, лорд Питер! Как хорошо, что герцогине пришло это в голову. Какое печальное зрелище представляют собой разрушающиеся шедевры архитектуры! Я приеду с большим удовольствием. И может, вы будете так добры, чтобы принять от меня небольшое пожертвование в фонд реставрации прямо сейчас.

Это неожиданное развитие событий заставило лорда Питера подскочить. Сначала при помощи остроумной лжи выкачать нужную информацию из гостеприимного джентльмена, подозреваемого в изощренно жестоком убийстве, а потом еще получить от него чек на крупную сумму — это было уже слишком. Лорд Питер медлил.

— Это очень мило с вашей стороны, — проговорил он. — Я уверен, все будут бесконечно благодарны. Но, знаете, вы лучше не давайте его мне. Я могу потерять его или истратить. Боюсь, на меня не очень-то можно полагаться. Лучше послать его преподобному Константину Торгмортону, священнику церкви Святого Иоанна пред Латинскими воротами герцога Денверского.

— Так я и сделаю, — сказал мистер Миллиган. — Скот, выпишите, пожалуйста, чек на тысячу фунтов, чтобы я не забыл.

Секретарь — молодой человек с пестрыми волосами, длинным подбородком и полным отсутствием бровей — безмолвно выполнил просьбу. Лорд Питер перевел взгляд с лысой головы мистера Миллигана на рыжеватые волосы секретаря и скрепя сердце предпринял еще одну попытку.

— Я бесконечно признателен вам, мистер Миллиган. Уверен, и моя матушка будет вам благодарна. Я сообщу вам о дате проведения базара — число пока не уточнялось, дело в том, что мне еще надо повидаться с другими бизнесменами. Я думал пригласить редактора какой-нибудь крупной газеты. Он бы представил достижения британского рекламного бизнеса. Мой приятель обещал свести меня с видным немецким финансистом — надеюсь, он не вызовет неприязни у нас в провинции, и еще я хотел найти кого-нибудь, чтобы познакомить со взглядами евреев. Я собирался обратиться к Леви, но он, к несчастью, куда-то исчез.

— Да, — промолвил мистер Миллиган, — чрезвычайно странная история, хотя, не скрою, лорд Питер, мне это на руку. Он держал в узде мой железнодорожный синдикат, хотя против него лично я ничего не имею, и, если он вернется, после того как я заключу предполагаю-

щуюся сделку, я буду только счастлив приветствовать его.

В воображении лорда Питера возникла картина — сэр Рувим, заключенный и взятый под стражу до завершения финансовых сделок. Это было на редкость правдоподобно и гораздо симпатичнее его предыдущего предположения. Кроме всего прочего, это полностью согласовывалось с общим впечатлением, которое произвел на него мистер Миллиган.

— Да, странное дельце, — проговорил лорд Питер, — но, наверное, у него были свои причины. Хотя лучше, конечно, не вникать в чужие дела, не правда ли? Представляете, мой друг полицейский, который занимается этим делом, сказал, что, перед тем как исчезнуть, старина покрасил свои волосы.

Боковым зрением лорд Питер отметил, что рыжеватый секретарь сложил пять цифр, записанных в колонку, и тут же, не задумываясь, записал результат.

— Покрасил волосы? — переспросил мистер Миллиган.

— Да, в рыжий цвет, — ответил лорд Питер. Секретарь поднял голову. — Самое странное, — продолжил Уимзи, — что нет никаких концов. Что-то в этом есть подозрительное, вам не кажется, а?

Секретарь потерял всякий интерес к разговору. Он подшил новый лист

к гроссбуху и перенес на него ряд чисел с предыдущей страницы.

— А может, и нет, — добавил, вставая, лорд Питер. — Мистер Миллиган, это было необычайно мило с вашей стороны потратить на меня столько времени, — моя матушка будет бесконечно благодарна. А относительно даты она вам напишет.

— Буду рад, — ответил мистер Миллиган. — Как хорошо, что мы с вами познакомились.

Мистер Скут безмолвно поднялся, чтобы открыть дверь, обнаруживая при этом длинные тощие ноги, до того скрытые под столом. На взгляд лорд Питер оценил его рост не менее чем в шесть футов четыре дюйма.

— Жаль, что голову Скута нельзя насадить на туловище Миллигана, — промолвил лорд Питер, ныряя в круговерть города. — Интересно, что скажет мама?

5

Мистер Паркер был холостяком и занимал одну из квартир в доме времен короля Георга под номером 12А по Грейт Ормонд-стрит. Квартира была неудобной, и платил он за нее фунт в неделю. Труды мистера Паркера во имя цивили-

зации вознаграждались не подношениями бриллиантовых колец от правящих сюзеренов и не щедрыми чеками от благодарных премьер-министров, а скромным, но вполне достаточным жалованьем, получаемым из карманов британских налогоплательщиков. После длинного и тяжелого дня безрезультатной работы он проснулся от запаха подгоревшей каши. Через настежь раскрытое в гигиенических целях окно спальни в комнату втекал сырой туман, и при виде своих зимних брюк, небрежно брошенных на стул предыдущим вечером, мистер Паркер задумался о жалкой абсурдности форм человеческого тела. Раздался телефонный звонок, он выбрался из-под одеяла и, зябко поеживаясь, направился в гостиную, где миссис Маннз, прибиравшая у него, чихая, накрывала на стол.

Звонил мистер Бантер.

— Его милость просил передать вам, сэр, что он был бы очень рад видеть вас к завтраку, если вы сочтете это удобным для себя.

Даже если бы запах почек и ветчины мог передаваться по телефонным проводам, вряд ли бы мистер Паркер испытал большой прилив аппетита.

— Передай его милости, что я буду у него через полчаса, — благодарно произнес он и подлетел к ванне, которая

располагалась на кухне, по дороге сообщив миссис Маннз, как раз собиравшейся ставить на огонь остывший чайник, что он не будет завтракать дома.

— Кашу можете взять домой, — злобно произнес он, с такой решимостью сдерживая с себя халат, что миссис Маннз едва успела выскочить.

19-й автобус доставил мистера Паркера на Пикадилли всего лишь на пятнадцать минут позже срока, продиктованного его оптимизмом. Мистер Бантер предложил ему великолепный завтрак, несравненный кофе и «Дейли Мейл» перед пляшущим огнем камина. Издалека раздавался голос, напевавший «et iterum venturus est» из си-минорной мессы Баха, свидетельствуя, что для хозяина дома раз в сутки чистота и благочестие соединяются воедино. Наконец лорд Питер, надушенный вербеной и еще влажный после принятого душа, бодро вошел в комнату, завернутый в халат с изображением павлинов неестественно ярких цветов.

— Доброе утро, старина, — промолвил он. — Отвратительный день, не правда ли? Как хорошо, что у вас хватило сил выйти на улицу. Я получил письмо и хотел, чтобы вы на него взглянули, но сил добраться до вас у меня не было. Мы с Бантером легли только под утро.

— Что за письмо? — спросил Паркер.

— Никогда не разговаривайте о делах во время еды, — укоризненно заметил лорд Питер, — возьмите этого оксфордского мармелада, а потом я покажу вам своего Данте — мне его привезли вчера вечером. Что мне нужно прочитать сегодня утром, Бантер?

— Готовится к распродаже коллекция лорда Эрита, милорд. Об этом есть колонка в «Морнинг пост». Я думаю, вашей светлости не мешало бы прочесть рецензию на новую книгу сэра Джулиана Фрика «Физиологическая основа сознания» в литературном приложении к «Таймс». В «Хронике», милорд, сообщение о ночной краже со взломом, а в «Геральд» очередные нападки на титулованные семейства — осмелюсь сказать, написано плохо, но не без скрытого сарказма, который ваша милость может оценить.

— Ладно, давай и это, и кражу, — снизошла их милость.

— Я просмотрел и другие газеты, — продолжил мистер Бантер, указывая на объемистую кипу, — и отметил то, что ваша милость может прочесть после завтрака.

— Умоляю, достаточно, — проговорил лорд Питер, — ты меня лишаешь всякого аппетита.

В течение некоторого времени, кроме хруста тостов и шелеста газет, ничего не было слышно.

— Видите, следствие отложено, — наконец проговорил Паркер.

— А что им остается делать, — откликнулся лорд Питер. — Леди Леви приехала вчера вечером, сегодня утром ее отвезут на опознание трупа, и она признает, что это не ее муж, во славу Сагга.

— И потраченного им времени, — коротко добавил Паркер.

Снова воцарилась тишина.

— Меня не очень вдохновила твоя кража, Бантер, — произнес лорд Питер. — Грамотно, но без вдохновения. Как мне не хватает вдохновения в преступниках! А где «Морнинг пост»?.. Надо послать за каталогом, Бантер, — после небольшой паузы продолжил лорд Питер. — Аполлоний Родосский¹ стоит того, чтобы на него взглянуть. Нет, к черту, я не стану продираться через эту рецензию, но, если хочешь, можешь занести книгу в список для нашей библиотеки.

¹ Имеется в виду флорентийское издание поэмы «Аргонавтика» древнегреческого поэта и грамматика Аполлония Родосского (ок. 295–215 до н. э.), вышедшее в 1496 году. Возбуждение, вызванное разгадкой тайны Баттерси, не помешало лорду Питеру приобрести это редкое издание перед своим отъездом на Корсику.

Его книга о преступности была довольно забавной, но у парня явно есть свои навязчивые идеи: считает, что Господь Бог есть не более чем результат секреторной функции печени. Прочитать об этом один раз ради разнообразия — еще куда ни шло, но возвращаться к этому снова?! Стоит лишь немного ограничить восприятие мира, и можно доказать все что угодно. К примеру, Сагг.

— Прошу прощения, — произнес Паркер, — я был невнимателен. Аргентинцы понемногу обретают стабильность.

— Миллиган, — промолвил лорд Питер.

— Этот забавный бум вокруг перуанской нефти пошел на спад. Кстати, он начался незадолго до исчезновения Леви. Интересно, имел ли он к нему какое-нибудь отношение? Не знаете?

— Я узнаю, — ответил лорд Питер. — А в чем там было дело?

— О, абсолютнодохлое предприятие. Вдруг на прошлой неделе оно воспряло духом. Я обратил на это внимание, потому что несколько лет тому назад моя мать купила пару сотен акций. Она ни разу не получила по ним дивидендов. Теперь курс снова падает.

Уимзи отодвинул тарелку и раскурил трубку.

— Ну, теперь можно и делом заняться, — проговорил он. — Как вчера поработали?

— Плохо, — ответил Паркер. — Я обошел сверху донизу все квартиры сначала в собственном обличье, потом переодевшись: я был газовщиком и сборщиком потерявшихся собак. Абсолютно безрезультатно, если не считать горничную, проживающую на последнем этаже дома по Баттерси-бридж-роуд, которая сказала, что слышала как-то ночью грохот на крыше. Когда я спросил ее, в какую ночь, она затруднилась ответить. Я спросил ее, не в понедельник ли это было, и она сказала: «Вполне возможно». Тогда я спросил, может, это было в субботу, когда дул сильный ветер и у меня снесло колпак дымовой трубы? Она растерялась и сказала, что не знает. Когда я спросил, уверена ли она, что шум доносился с крыши, а не из соседней квартиры, она сказала, что знает лишь то, что утром они обнаружили, что у них упала картина. Очень сговорчивая девушка. Я повидал ваших друзей — мистера и миссис Эпплдор, которые приняли меня чрезвычайно холодно, но никаких определенных претензий к Типпсу они не смогли предъявить, за исключением того, что однажды он явился к ним без приглашения, вооруженный памфлетом против виви-

секции. Индийский полковник с первого этажа вел себя очень шумно, но на редкость дружелюбно — предложил мне на ужин индийский карри и замечательное виски. Но он ведет отшельнический образ жизни и сообщил мне только, что не переносит миссис Эпплдор.

— А в доме Леви?

— Только дневник. Я принес его с собой. Вот он. Хотя из него мало что можно узнать. Записи типа: «К обеду Том и Анни», «День рождения моей дорогой жены: подарить золотое кольцо с опалом», «На чай забегал мистер Арбатнот; хочет жениться на Рашели, но я бы хотел более основательного мужа для своего сокровища». Впрочем, можно сделать вывод о том, кто бывал у них в доме. Судя по всему, он делал записи по вечерам. В понедельник записи нет.

— Дневник может оказаться полезным, — промолвил лорд Питер, перелистывая страницы. — Бедный старый хрыч. Между прочим, сейчас я уже меньше уверен, что его пристукнули.

И он пересказал мистеру Паркеру события вчерашнего дня.

— Арбатнот? — переспросил Паркер. — Тот самый Арбатнот, который упоминается в дневнике?

— Думаю, тот. Мне он был нужен, потому что, как я знаю, он любит крутить-

ся возле фондовой биржи. Что касается Миллигана, вид у него абсолютно невинный, но, я думаю, в делах он человек безжалостный, поэтому с уверенностью сказать нельзя. Еще там был рыжий секретарь — вычислительная машина с рыбьим лицом, не издающая ни звука. В любом случае у Миллигана была причина убрать Леви на несколько дней. И есть еще новый персонаж.

— Кто такой?

— Это письмо, о котором я вам говорил. Куда я его положил? Хорошая пергаментная бумага, адрес напечатан в нотариальной конторе Солсбери и соответствующая марка. Написано очень хорошим пером, вероятно, престарелым бизнесменом со старомодными привычками.

Паркер взял письмо и прочитал:

*Кримпшем и Уикс
Нотариальная контора
Милфорд-Хилл. Солсбери
17 ноября 1923.*

Сэр,

относительно вашего сегодняшнего объявления в «Таймс» — я склонен полагать, что упомянутое пенсне и цепочка могли быть потеряны мною на железнодорожном вокзале Виктория, когда я приезжал в Лондон в прошлый понедель-

ник. Я уезжал поездом 5.45 и заметил пропажу лишь по прибытии в Бальхам. Прилагаемые мною оптические характеристики стекол обеспечат правильность идентификации и послужат гарантией моих честных намерений. Если пенсне окажется моим, я буду чрезвычайно признателен вам, если вы любезно согласитесь препроводить его мне заказной почтой, так как цепочка преподнесена мне моей дочерью и посему дорога мне как память.

Заранее благодарю вас за вашу любезность и сожалею о том беспокойстве, которое вам причиняю.

Искренне ваш

Тос. Кримплшем.

Лорду Питеру Уимзи. Пикадилли, 110.

— Вот это да, — промолвил Паркер. — Настоящая неожиданность.

— Или какое-то невероятное недоразумение, — проговорил лорд Питер, — или мистер Кримплшем чрезвычайно хитрый и расчетливый негодяй. Хотя, конечно, возможно, это не то пенсне. На этот счет мы можем получить информацию незамедлительно. Надеюсь, пенсне в Скотленд-Ярде. Хорошо бы, чтобы вы позвонили им и попросили сейчас же послать их оптику для получения подробной характеристики стекол. Спроси-

те заодно, часто ли встречаются такие стекла.

— Сейчас, — ответил Паркер и снял с рычага трубку.

— А теперь, — продолжил его друг, когда поручение было выполнено, — давайте на минутку зайдём в библиотеку.

Лорд Питер разложил на столе серию снимков — одни из них уже были сухими, другие — влажными, третьи — вообще полупромытыми.

— Вот эти маленькие — оригиналы снимков, которые мы сделали, — произнес лорд Питер. — А вот это увеличения, выполненные абсолютно в том же масштабе. Вот отпечаток ноги на линолеуме — пока отложим его в сторону. Вот отпечатки пальцев — их можно разделить на пять групп. Я пометил номера на снимках — видите? — и составил список:

А. Отпечатки самого Леви на книге и расческе — вот и вот — их можно безошибочно отличить по шраму на большом пальце;

В. Мазки, сделанные рукой в перчатке. Их оставил человек, который ночевал в комнате Леви в понедельник. Они отчетливо видны на бутылки с водой и на ботинках поверх отпечатков Леви. На ботинках они очень отчетливы, даже удивительно для перчаток, — из этого я

делаю вывод, что перчатки были резиновые и незадолго до этого были смочены водой.

Еще интересная деталь. Как нам известно, вечером Леви попал под дождь, и эти темные пятна — разводы грязи. Можно заметить, что во всех случаях они расположены поверх отпечатков пальцев Леви. А теперь смотрите: на левом ботинке отпечаток большого пальца незнакомца расположен поверх грязи, вот здесь, у каблука. Очень оригинальное место, не правда ли? Словно Леви понадобилось снять ботинки, и снимал их с него кто-то другой. И снова отпечатки пальцев идут поверх грязи; правда, поверх них есть одно грязное пятно. Это заставляет меня думать, что незнакомец вернулся на Парк-лейн в ботинках Леви в кебе или в машине, но, так или иначе, какой-то участок пути он прошел пешком и по дороге попал в лужу и запачкал ботинки. Как вы думаете?

— Вполне возможно, — заметил Паркер. — Несколько замысловато, и эти мазки с трудом можно назвать отпечатками пальцев.

— Ну, я не слишком на них полагаюсь. Но это согласуется с нашими предыдущими догадками. Теперь перейдем к следующей группе:

С. Отпечатки, предусмотрительно оставленные моим преступником на краю ванны Типпса. Вы обратили на них внимание, а меня мало выпороть за то, что я их пропустил. Как видите, это левая рука — ладонь и пальцы, но не кончики подушечек. Похоже, он держался за край ванны, когда наклонялся вперед, чтобы что-то положить на дно, например пенсне. Он был в перчатках. Как видите, ни рубцов, ни зазубрин — я считаю, это резина, вы с этим тоже согласны. Так. Теперь посмотрим здесь.

Д и Е взяты с моей визитной карточки. Тут еще небольшая штучка в углу помечена F, но на нее можете не обращать внимания; на оригинале это липкое пятно оставлено большим пальцем юнца, который, перед тем как взять у меня карточку, выковыривал жвачку из зубов. Д и Е — отпечатки больших пальцев мистера Миллигана и его рыжего секретаря. Я точно не знаю, кому какой принадлежит, но я видел собственными глазами, как юнец с липкими руками передавал карточку секретарю, а когда я вошел в святилище, то застал Джона П. Миллигана стоящим с ней у окна. Так что это или тот, или другой, а в данный момент нам не так уж важно, какой отпечаток кому принадлежит. Перед уходом я прихватил карточку со стола.

Ну а теперь, Паркер, то, что задержало нас с Бантером до первых петухов. Я прикидывал так и сяк, пока у меня не началось головокружение, рассматривал со всех сторон, пока не ослеп, но так ничего и не смог понять. Вопрос первый: идентичны ли С и В? Вопрос второй: идентичны ли В и Е или D и Е? Полагаться особенно не на что, кроме размера и формы, да и отпечатки слишком слабые. Что вы думаете?

Паркер с сомнением покачал головой.

— Я думаю, Е может быть сразу исключено, — произнес он, — слишком характерный длинный и тонкий большой палец. Однако я считаю, что между мазком В на бутылки с водой и С на ванне есть определенное сходство. Также я не вижу оснований утверждать, что D не может быть В.

— Ваше непредвзятое мнение полностью совпадает с результатами моих измерений, — мы пришли к одним и тем же выводам, если, конечно, это называется выводами, — мрачно заметил лорд Питер.

— Кстати, — сказал Паркер, — какого черта мы должны соединять В и С? То, что мы оказались товарищами и занимаемся этими двумя делами, еще не является доказательством того, что они органически связаны друг с другом. Да и почему

они должны быть связаны? Единственный человек, который считает, что они связаны, это Сагг, но не будем же мы обращать на него внимание. Другое дело, если бы человек из ванны оказался Леви, но мы же точно знаем, что это не он. Смешно же думать, что один и тот же человек совершил два абсолютно разных преступления в одну и ту же ночь — одно в Баттерси, а другое на Парк-лейн.

— Я понимаю, — сказал Уимзи, — но мы не должны забывать, что Леви был в Баттерси в это время, и теперь мы знаем, что он не вернулся домой в двенадцать, как считалось раньше. Поэтому есть основания предполагать, что он так и остался в Баттерси.

— Верно. Но в Баттерси есть и другие места, кроме ванны Типпса. И в ванне Типпса Леви не был. Более того, можно с уверенностью утверждать, что это одно из немногих мест во Вселенной, где он определенно не был. Так какое же отношение ко всему этому имеет ванна Типпса?

— Не знаю, — сказал лорд Питер. — Ну, может, сегодня нам удастся за что-нибудь зацепиться.

Он откинулся на спинку кресла и некоторое время задумчиво пускал дым, просматривая газеты, которые отметил Бантер.

— Они упомянули о вашем появлении в этом деле, — проговорил он. — Слава Богу, что Сагг настолько меня ненавидит, что не уделил моей персоне никакого внимания. Скучнейший столбец с объявлениями о розыске, «Дорогой Пипси, скорее возвращайся к своей безутешной Попси», классический молодой человек, нуждающийся в материальной помощи, и классический совет не забывать своего Создателя во дни своей молодости. А вот и звонок! Надеюсь, это ответ на наш запрос из Скотленд-Ярда.

В послание из Скотленд-Ярда было вложено описание стекол, точно повторяющее присланное мистером Кримплшесом, кроме того, сообщалось, что стекла чрезвычайно редкие из-за особого качества линз и значительной разницы в диоптриях глаз.

— Ну что ж, неплохо, — сказал Паркер.

— Да, — откликнулся Уимзи. — Вариант номер три отбрасывается. Остается вариант номер один: случайность или недоразумение — и вариант номер два: гнусное преступление, невероятно продуманное и хладнокровное. Следуя методике, привитой мне в университете, выпускником которого я имею честь быть, теперь мы внимательно изучим разнообразные возможности, вытекаю-

щие из варианта номер два. Этот вариант в свою очередь может быть разделен на две и более гипотезы. Согласно первой гипотезе, преступник, которого мы можем обозначить через X, не является Кримплшем и лишь использует имя Кримплшема для прикрытия, действуя под его эгидой. Эта гипотеза может быть далее разделена на две альтернативы. Альтернатива А: Кримплшем — невинный и ничего не ведающий соучастник, а X находится у него на службе. X пишет письмо на официальном бланке Кримплшема, подписывается его именем и получает интересующий его предмет, то есть пенсне, отправленное по адресу Кримплшема. У него есть возможность перехватить посылку, прежде чем она попадет в руки Кримплшема. Следовательно, можно допустить, что X является уборщицей, курьером, клерком, секретарем или портье у Кримплшема. Тут открывается широкое поле деятельности. Прежде всего нужно выяснить у Кримплшема, посылал ли он письмо, и, если нет, узнать, кто имеет доступ к его корреспонденции. Альтернатива В: Кримплшем находится во власти или под влиянием X и был вынужден написать письмо в результате (а) взятки, (b) обмана или (с) угроз. В этом случае X может быть родственником, другом, кредито-

ром, а также шантажистом и убийцей, а Кримплшем — или продажной тварью, или отпетым дураком. В качестве эксперимента я бы предложил такую методику: предъявить факты Кримплшему и обрисовать ему самым устрашающим образом, что его ждет длительный срок тюремного заключения как соучастника по факту убийства. А теперь, джентльмены, полагая, что вы следили за развитием моей мысли, перейдем к рассмотрению второй гипотезы, к которой лично я склоняюсь больше и согласно которой Х и Кримплшем — одно и то же лицо.

В этом случае Кримплшем, являющийся, по словам английского классика, человеком выдающихся способностей и редкой прозорливости, совершенно справедливо предположил, что последний, кто может откликнуться на это объявление, — сам преступник. Поэтому он решается на хладнокровный блеф. Он выдумывает обстоятельства, при которых пенсне было очень легко потерять или украсть, и ссылается на них. В случае же предъявления улики он больше всех удивится, узнав, где они были найдены. Он представит свидетелей, которые подтвердят, что он выехал с Виктории поездом пять сорок пять и прибыл в Бальхам по расписанию, а ночь на вторник просидел за шахматами с одним

очень уважаемым джентльменом, хорошо известным в Бальхаме. В этом случае надо будет нажать на уважаемого джентльмена, и если окажется, что у него глухая экономка, опровергнуть алиби будет довольно сложно, так как только в детективных романах кондукторы в автобусах помнят в лицо всех пассажиров, проехавших за неделю из Бальхама в Лондон.

И наконец, джентльмены, я кратко обрисую слабую сторону всех этих гипотез, а именно: ни одна из них не объясняет, зачем интересующий нас предмет был столь странным образом оставлен на трупе.

Мистер Паркер слушал это академическое сообщение с похвальным вниманием.

— А может, Х — недоброжелатель Кримплшема, — предположил он, — намеренно бросающий на него тень подозрения?

— Может быть. В таком случае обнаружить Х будет довольно легко, так как он должен жить в непосредственной близости от Кримплшема и его пенсне, и сам Кримплшем из страха за свою жизнь может стать ценным союзником обвинения.

— А что по поводу первого варианта, случайность или недоразумение?

— Ну, тут нечего обсуждать, ведь какие-либо данные отсутствуют.

— Как бы там ни было, — сказал Паркер, — надо ехать в Солсбери.

— Само собой разумеется, — ответил лорд Питер.

— Очень хорошо. Кто поедет — вы, или я, или мы оба?

— Я, — ответил лорд Питер, — и по двум причинам. Во-первых, если (согласно варианту номер два гипотеза один, альтернатива А) Кримплшем окажется невинным орудием в чужих руках, разумно, чтобы собственность ему вернул тот, кто поместил объявление в газете. Во-вторых, если мы примем гипотезу два, нельзя пренебречь зловещей возможностью, что Кримплшем-Х расставляет аккуратную ловушку, желая избавиться от человека, который столь опрометчиво объявил в прессе о своей заинтересованности в решении тайны Баттерси.

— С моей точки зрения, это аргумент как раз в пользу того, чтобы мы ехали оба, — возразил Паркер.

— Ничего подобного, — ответил лорд Питер. — Зачем же отдавать Кримплшему-Х сразу двух людей в Лондоне, у которых только и есть какие-никакие улики и, да будет мне позволено сказать, мозги, чтобы связать его появление с трупом в Баттерси?

— Но если мы сообщим в Скотленд-Ярд, куда мы едем, а он отправит нас обоих на тот свет, — заметил мистер Паркер, — это станет существенным подтверждением вины Кримплшема. Как бы там ни было, даже если его и не повесят за убийство человека из ванны, его повесят за то, что он убьет нас.

— Но его можно будет повесить, даже если он прикончит меня одного, — протестующе заявил лорд Питер. — Зачем же попусту лишаться крепкого, здорового индивида, да к тому же еще в брачном возрасте, каковым являетесь вы? А кроме того, как же старина Леви? Неужели вы думаете, что его кто-нибудь найдет, если вас отправят на тот свет?

— Но ведь тогда можно будет припугнуть Кримплшема Скотленд-Ярдом.

— Послушайте, если дело дойдет до этого, я припугну его вами, что гораздо важнее, учитывая информацию, которой вы владеете. А кроме того, все это, может, и выведенного яйца не стоит, тогда вы только потеряете время, которое могло бы быть потрачено с пользой на ваше собственное дело. А у вас есть чем заняться.

— Все равно не понимаю, почему я не могу поехать! — Паркер неохотно умолк.

— Потому что, — произнес лорд Питер, — я приглашен престарелой миссис Типпс, которую я глубоко уважаю, вести это дело, и только из учтивости я позволяю вам совать в него нос.

Мистер Паркер застонал.

— Ну Бантера-то, по крайней мере, вы с собой возьмете?

— Из уважения к вашим чувствам, — промолвил лорд Питер, — я возьму с собой Бантера, хотя здесь он был бы гораздо полезнее: делал бы снимки или перетряхнул бы мой гардероб. Бантер, когда есть удобный поезд в Солсбери?

— Есть отличный поезд в десять пятьдесят, милорд.

— Будь любезен, организуй, пожалуйста, чтобы мы на него успели, — проговорил лорд Питер, сбрасывая халат и направляясь в спальню. — А вы, Паркер, если вам больше нечем заняться, свяжитесь с секретарем Леви и выясните у него, что это за история с перуанской нефтью.

Вместо легкого чтения в дорогу лорд Питер взял с собой дневник сэра Рувима Леви. Это был простодушный и, в свете последних событий, довольно патетический документ. Безжалостный боец фондовой биржи, одного кивка головы кото-

рого было достаточно, чтобы заставить плясать угрюмого «медведя» или принудить рассвирепевшего «быка» лизать руки, чье дыхание опустошало целые области, вымиравшие от голода, и сметало с лица земли финансовых воротил, в частной жизни оказался добродушным обывателем, испытывавшим чувство невинной гордости собой и своими домочадцами, доверчивым и благодушным. Его собственные незначительные расходы были аккуратно помечены в хронологическом порядке наряду с тратами на экстравагантные подарки, которые он делал своей жене и дочери. Упоминались и незначительные события домашней жизни, например: «Приходил человек чинить крышу в оранжерее» или «Приехал новый дворецкий (Симпсон), рекомендованный Голдбергами, надеюсь, он подойдет». Все посетители и развлечения были помечены в соответствующие дни — начиная с торжественных обедов у лорда Дьюсбери (министра иностранных дел) и у доктора Джабеза К. Ворта (полномочного представителя Соединенных Штатов), серии дипломатических обедов с известными финансистами и заканчивая интимными домашними вечерами, участники которых названы лишь по именам, а то и по прозвищам. Где-то в мае впервые упоминаются нервы леди Леви, и в после-

дующие месяцы эта тема всплывает время от времени. В сентябре записано: «Приходил Фрик. Он осмотрел мою милую жену и порекомендовал отдых и смену впечатлений. Она собирается поехать за границу с Рашелью». Имя прославленного невропатолога как участника обедов появлялось раз в месяц, и лорду Питеру пришло в голову, не поговорить ли с ним о Леви. «Люди бывают откровенны со своими врачами», — пробормотал он. «Господи! А если в тот вечер Леви попросту пошел к Фрику, тогда его появление в Баттерси становится понятным, не правда ли?» Он сделал для себя пометку «поговорить с сэром Джулианом» и двинулся дальше. 18 сентября леди Леви с дочерью отбыли на юг Франции. И тут внезапно за датой 5 октября лорд Питер обнаружил то, что искал: «Гольдберг, Скринер, Миллиган к обеду».

Вот доказательство того, что Миллиган бывал в доме. Конечно, это была формальная встреча — два дуэлянта пожимают друг другу руки перед схваткой. Скринер был известным коллекционером; лорд Питер представил себе послеобеденную экскурсию наверх, чтобы взглянуть на двух Коро в гостиной и портрет старшей дочери Леви, которая умерла в возрасте шестнадцати лет. Он был выполнен Августом Джоном и висел в спальне. Имя рыжего

секретаря нигде не упоминалось, разве что к нему относился инициал С., встретившийся в одной из записей. В течение всего сентября и октября частым гостем был Андерсон.

Лорд Питер покачал головой, закрыл дневник и обратился к размышлениям о тайне Баттерси. Если в деле Леви мотив преступления был достаточно ясен (если преступление вообще имело место), а трудность состояла в раскрытии способа его осуществления и выяснении местонахождения жертвы, то в другом случае основное затруднение для следствия представляло полное отсутствие мотивировки. Достаточно странным было и то, что, несмотря на публикацию подробностей во всех газетах и рассылку описания тела во все полицейские участки страны, никто до сих пор не откликнулся и не опознал таинственного посетителя ванной Типпса. Конечно, описание чисто выбритого подбородка, элегантно подстриженных волос и пенсне могло только ввести в заблуждение, но, с другой стороны, полиция точно определила количество отсутствующих коренных зубов, дала общее описание черт лица, комплекции и других данных, а также упомянула дату вероятного наступления смерти. Однако создавалось впечатление, что человек исчез из общества, не оставив не только

бреши, но даже какого-либо следа. Выяснение мотива для убийства человека без связей, без родственников и даже без одежды напоминало попытки мысленно представить четвертое измерение — восхитительное упражнение для воображения, но трудоемкое и неэффективное. Даже если грядущий день принесет некоторую ясность в вопросах прошлого и настоящего мистера Кримплшема, это еще надо будет связать с субъектом, судя по всему, без прошлого, чье настоящее укладывалось в узкое ложе ванны и полицейского морга.

— Бантер, — произнес лорд Питер, — прошу тебя на будущее, никогда не позволяй мне гнаться за двумя зайцами сразу. Это плохо сказывается на моем здоровье. Одному зайцу неоткуда бежать, а другому — некуда. Какая-то интеллектуальная белая горячка, Бантер. Когда эта история закончится, я стану осмотнительным и не буду обращать внимания на полицейские новости — перейду на щадящую диету из произведений позднего Чарлза Гарвиса.

Относительная близость от Милфорд-Хилла заставила лорда Питера принять второй завтрак в отеле «Министр», а не в «Белом олене» или каком-нибудь другом отеле, расположенном в более живо-

писном месте. Этот завтрак мало способствовал возбуждению интеллектуальной деятельности: как и во всех кафедральных городах, атмосфера затворничества пропитывала все закоулки Солсбери и вся пища казалась слегка приправленной запахом молитвенников. Уныло поглощая безвкусную бесцветную массу, известную под названием «сыр неидентифицированный» (в отличие от сыров, не стесняющихся собственных названий, таких как «Стилтон», «Камамбер», «Уэнслидейл» или «Горгонцولا»), лорд Питер поинтересовался у официанта местонахождением офиса Кримплшема.

Официант указал ему на противоположную сторону улицы, добавив:

— Здесь вам его любой покажет, сэр; мистера Кримплшема все знают.

— Видимо, он хороший адвокат? — поинтересовался лорд Питер.

— О да, сэр, — ответил официант, — вы можете смело довериться мистеру Кримплшему, сэр. Говорят, что он старомоден, но лично я предпочитаю, чтобы моими делами занимался мистер Кримплшем, а не кто-нибудь из этих молодых вертопрахов. Единственное, мистер Кримплшем скоро отойдет от дел, сэр, ведь ему уже почти восемьдесят, сэр, хотя дело может продолжить мистер Уикс, очень приятный, уравновешенный молодой человек.

— Мистер Кримплшем уже так стар? — спросил лорд Питер. — Боже мой! Но, похоже, он достаточно бодр для своего возраста. На прошлой неделе у моего друга были с ним дела в городе.

— Да, удивительно бодр, сэр, — согласился официант, — и если учесть его парализованную ногу, то просто потрясающе. Но, знаете, сэр, я часто думаю, что, после того как человек достигает определенного возраста, чем старше он становится, тем лучше выглядит. К женщинам это тоже относится в известной степени.

— Похоже, что так, — произнес лорд Питер, представляя себе восьмидесятилетнего джентльмена с парализованной ногой волочащим труп по крыше дома в Баттерси темной ночью. — «Он силен, сэр, силен, старина наш Джон, и как дьявол хитер...» — пробормотал он рассеянно.

— Да, сэр? — переспросил официант. — Я так не думаю.

— Прошу прощения, — спохватился лорд Питер, — это я цитировал стишок. Очень глупо. Взял в привычку еще с детства и никак не могу отучиться.

— Ну что вы, — произнес официант, кладя в карман щедрые чаевые. — Большое спасибо, сэр. Вы легко найдете дом. Не доходя Пенни-Фартинг-стрит, через два квартала, сэр, по правую руку.

— Боюсь, что все это исключает Кримплшема, — промолвил лорд Питер. — Как жаль, я уже вообразил его таким злодеем. Хотя еще не все потеряно, Бантер: он может быть мозговым центром, пользующимся чужими руками, — этаким старый паук, скрывающийся в центре дрожащей паутины.

— Да, милорд, — ответил Бантер. И они оба направились к нотариальной конторе.

— Вот она, на противоположной стороне, — продолжил лорд Питер. — Я думаю, Бантер, ты отправишься в этот магазинчик и купишь спортивную газету, а если я не появлюсь из логова этого злодея, скажем, через сорок пять минут, можешь предпринять любые шаги, которые сочтешь нужными.

Мистер Бантер свернул в магазин, а лорд Питер пересек улицу и решительно позвонил в колокольчик.

— Правды, чистой правды, и ничего, кроме правды, требую я, — пробормотал он и, как только клерк открыл дверь, не дрогнув вручил ему свою карточку.

Его тут же провели в кабинет, выглядевший очень по-домашнему, меблированный, вероятно, еще в эпоху первых лет правления королевы Виктории и сохранившийся с тех пор без изменений. Не успел он войти, как навстречу ему вскочил

худой, чуть ли не прозрачный пожилой джентльмен.

— Мой дорогой сэръ, — воскликнул адвокат, — чрезвычайно любезно, что вы решились приехать сами! Мне очень неловко, что я доставил вам столько хлопот. Надеюсь, вы просто проезжали мимо и мое пенсне не слишком обременило вас. Умоляю, садитесь, лорд Питер. — Он с благодарностью воззрился на молодого человека поверх пенсне — вероятно, копии того, что украшало ныне дело, хранящееся в Скотленд-Ярде.

Лорд Питер сел. Адвокат последовал его примеру. Лорд Питер взял стеклянное пресс-папье, лежавшее на столе, и задумчиво взвесил его на руке, машинально отметив про себя, какой дивный набор отпечатков пальцев он оставил на нем. Затем аккуратно поставил пресс-папье поверх кипы писем.

— Совершенно верно, — ответил лорд Питер. — Я здесь по делам. Счастливы быть вам полезны. Потерять пенсне — очень неприятная вещь, мистер Кримплшем.

— Да, — подхватил адвокат, — поверьте, я чувствовал себя как без рук. У меня есть еще эта пара, но оно плохо сидит на моем носу, кроме того, мне очень дорога цепочка. Я был чрезвычайно расстроен, когда приехал в Бальхам и обнаружил пропажу. Я пробовал наве-

сти справки, но безрезультатно. Я боялся, что оно украдено. На вокзале была такая толпа. И вагон был битком набит всю дорогу до Бальхама. Вы нашли пенсне в поезде?

— Нет, — ответил лорд Питер, — я нашел его в довольно неожиданном месте. Скажите, пожалуйста, могли бы вы узнать кого-либо из ваших спутников в тот день?

Адвокат изумленно посмотрел на него.

— Конечно нет. А в чем дело?

— Возможно, человек, у которого оно оказалось, взял его ради шутки, — промолвил лорд Питер.

Адвокат принял озадаченный вид.

— Этот человек утверждает, что он мой знакомый? — поинтересовался он. — Я практически никого не знаю в Лондоне, за исключением моего друга доктора Филпотса, но сомневаюсь, чтобы он сыграл со мной такую злую шутку. Он прекрасно знал, как я огорчен потерей. Я ездил на собрание пайщиков банка Медликотт, но лично ни с кем из пайщиков я не знаком. Не думаю, что кто-нибудь из присутствовавших мог позволить себе такую вольность. Как бы там ни было, — добавил он, — пенсне нашлось, и я не буду допытываться об источнике его появления. Я чрезвычайно признателен вам за ваши хлопоты.

Лорд Питер заколебался.

— Прошу простить мое любопытство, — произнес он, — но я должен задать вам еще один вопрос. Звучит довольно мелодраматично, но факт остается фактом. Есть ли у вас недоброжелатели — я имею в виду кого-нибудь, кому была бы выгодна... м-м-м... ваша болезнь или позор?

Мистер Кримплшем застыл с выражением удивления и негодования.

— Могу ли я узнать, что вы имеете в виду, задавая этот странный вопрос? — холодно спросил он.

— Видите ли, дело в том, что мы столкнулись с довольно странными обстоятельствами, — ответил лорд Питер. — Если вы припоминаете, мое объявление было адресовано ювелиру, продавшему цепочку.

— Да, меня это удивило, — откликнулся мистер Кримплшем, — но теперь я начинаю подозревать, что ваше объявление каким-то образом связано с вашим поведением.

— Так оно и есть, — сказал лорд Питер. — Более того, я вообще не ожидал, что на объявление откликнется хозяин пенсне. Мистер Кримплшем, вы, наверное, читали в газетах о таинственном случае на Баттерси-парк. Ваше пенсне как раз и является тем самым, которое было найдено на трупе, а теперь находится в распоряжении поли-

ции, в чем вы можете убедиться. — Он положил на стол перед Кримплшем характеристику стекол и официальный ответ, полученный из Скотленд-Ярда.

— Боже мой! — воскликнул адвокат. Он взглянул на бумаги, после чего уставился на лорда Питера. — Так вы имеете отношение к полиции? — поинтересовался он.

— Не официальное, — ответил лорд Питер. — Я занимаюсь частным расследованием дела в интересах одной из сторон.

Мистер Кримплшем поднялся.

— Любезнейший, — произнес он, — это совершенно бессовестная провокация, а шантаж является подсудным оскорблением, поэтому я рекомендую вам немедленно покинуть мой кабинет, пока вы себя окончательно не скомпрометировали. — И он позвонил в колокольчик.

— У меня были опасения, что вы воспримете это именно так, — промолвил лорд Питер. — Да, похоже, все-таки этим делом должен был заниматься мой приятель Паркер. — Он положил на стол карточку Паркера и добавил: — Если вы захотите повидаться со мной еще раз, мистер Кримплшем, то до завтрашнего утра вы сможете найти меня в отеле «Министр».

Мистер Кримплшем не стал затруднять себя ответом, поручив вошедшему клерку «проводить этого человека».

В дверях лорд Питер столкнулся с высоким молодым человеком, который изумленно посмотрел на него с видом старого знакомого. Однако черты его лица не вызвали у лорда Питера никаких воспоминаний, и, зайдя за Бантером в газетную лавку, он раздосадованно направился в гостиницу звонить Паркеру.

Между тем в нотариальной конторе размышления негодующего мистера Кримплшема были прерваны приходом его младшего партнера.

— Послушайте, — промолвил последний, — неужели кто-то наконец действительно совершил у нас преступление? Что привело столь прославленного криминалиста к нашим скромным дверям?

— Я чуть не стал жертвой вульгарного шантажа, — откликнулся адвокат, — какая-то личность, выдающая себя за лорда Питера Уимзи...

— Но это и был лорд Питер Уимзи, — возразил мистер Уикс, — ошибки быть не может. Я видел его, когда он давал свидетельские показания по делу изумрудов Аттенбери. Он большой дока в этих делах и дружит с главой Скотленд-Ярда.

— Боже мой! — воскликнул мистер Кримплшем.

Судьба распорядилась так, что в этот день мистеру Кримплшему пришлось потерпеть еще одну неудачу. Когда в сопровождении мистера Уикса он прибыл в отель «Министр», портье сообщил ему, что лорд Питер Уимзи вышел, упомянув что-то о своем намерении посетить вечернюю службу. «Но он остановился здесь, сэр, — добавил он, — если вы хотите оставить ему записку».

Мистер Уикс счел, что было бы неплохо оставить записку. Впрочем, выяснилось, что мистер Бантер сидит на телефоне в ожидании заказанного разговора. Но не успел мистер Уикс обратиться к нему, как раздался звонок, и мистер Бантер, вежливо извинившись, снял трубку.

— Алло? Это мистер Паркер? О, спасибо! Коммутатор! Коммутатор! Простите, не могли бы вы соединить меня со Скотленд-Ярдом? Прошу прощения, джентльмены, что заставляю вас ждать... Коммутатор! Хорошо... Скотленд-Ярд? Алло! Это Скотленд-Ярд? Нет ли там мистера Паркера? Могу я поговорить с ним? Минуточку, джентльмены. Алло, это вы, мистер Паркер? Лорд Питер был бы вам очень признателен, если бы вы смогли приехать в Солсбери, сэр. О нет, сэр, он абсолютно здоров — просто вышел послушать вечернюю, сэр, — нет, я думаю, завтра утром вполне годится, сэр, спасибо, сэр.

На самом деле мистеру Паркеру совсем не хотелось уезжать из Лондона. Около полудня он должен был повидаться с леди Леви; но его планы были расстроены сообщением, что предполагавшееся дознание по делу таинственного посетителя ванной Типпса было назначено именно на этот день, так как поиски инспектора Сагга не увенчались успехом. Присяжные и свидетели были вызваны в суд к трем часам. Мистер Паркер вообще мог пропустить это событие, если бы утром не столкнулся в Скотленд-Ярде с Саггом и не вырвал бы из него эту информацию, как больной зуб, с которым владелец не желает расставаться. Инспектор Сагг считал, что мистер Паркер лезет не в свое дело, кроме того, тот был в приятельских отношениях с лордом Питером Уимзи, который совал свой нос повсюду, так что инспектор Сагг вообще не находил слов. Однако спрошенный впрямую, он не мог отрицать, что допрос назначен на сегодня, и также не мог воспрепятствовать мистеру Паркеру насладиться его неотъемлемым правом британского гражданина присутствовать там. Таким образом, незадолго до трех мистер Паркер был на месте и забавлялся, наблюдая за усилиями опоздавших

правдами и неправдами расположиться поближе. Пунктуально прибывший прокурор, с педантичными манерами и не страдающий от излишнего воображения, раздраженно взглянул на собравшихся и распорядился открыть окна. Поток промозглого тумана хлынул на головы несчастных, сидевших у окна. Это вызвало некоторое движение и возгласы неодобрения, которые были резко прерваны прокурором. Он заявил, что, учитывая вспышку инфлюэнцы, непроветриваемая комната превращается в смертельную ловушку, а если кто-нибудь возражает против открытых окон, то может беспрепятственно покинуть зал, если же порядок не установится, то он вообще распорядится очистить помещение. Затем после обычных прелиминариев он принял мятную таблетку, вызвал четырнадцать добрых и законопослушных граждан и привел их к присяге, дабы они усердно допрашивали, чтобы составить верное представление обо всем, касающемся смерти джентльмена в пенсне, и вынести справедливое решение относительно свидетелей, и да поможет им Бог. После того как одна из присяжных — пожилая дама в очках, содержавшая кондитерскую, — предприняла попытку вернуться к своей работе и попытка эта была решительно пресечена прокуро-

ром, присяжные удалились осматривать тело. Мистер Паркер снова принялся глазеть по сторонам, пока не заметил несчастного мистера Типпса и его горничную Глэдис, которых провели в соседнюю комнату, оставив под охраной полиции. Вскоре за ними в проходе появилась сухопарая пожилая дама в шляпе и накидке. Ее сопровождала вдовствующая герцогиня Денверская: на ней было изумительное меховое пальто и завораживающей формы шляпка для автомобильных прогулок. Взгляд ее живых темных глаз скользил по толпе. Заметив мистера Паркера, который неоднократно бывал в ее доме, она кивнула ему и обратилась к полицейскому. Через некоторое время, словно по мановению волшебной палочки, толпа расступилась, пропуская представителей прессы, и мистера Паркера вынесло в первые ряды, как раз к тому месту, которое занимала герцогиня. Она любезно поздоровалась с ним и спросила: «А что случилось с бедным Питером?» Паркер принялся объяснять, чем вызвал негодующий взгляд прокурора. Но тут к прокурору кто-то подошел и зашептал что-то на ухо, тот закашлялся и взял еще одну мятную таблетку.

— Мы приехали на автомобиле, — промолвила герцогиня, — это так утомительно, такие плохие дороги. К ленчу ко мне

собирались гости — пришлось отказать им, не могла же я отпустить пожилую леди сюда одну? Кстати, с нашим фондом реставрации церкви случилась такая странная вещь — викарий... О Господи, они возвращаются; ну я вам потом расскажу. Смотрите, та женщина выглядит совершенно потрясенной, а эта девушка в твидовом костюме делает вид, что ей каждый день доводится видеть обнаженных мужчин, то есть, я хотела сказать, обнаженные трупы. Какой отвратительный человек этот прокурор, не правда ли? Он смотрит на меня как на врага — как вы думаете, он не выставит меня из зала? Или, может, обвинит меня в чем-нибудь?

Первая часть заседания не представляла для мистера Паркера большого интереса. Несчастный мистер Типпс, к тому же еще и простудившийся в тюрьме, изложил хриплым голосом, как он обнаружил труп в ванной, отправившись туда мыться в восемь утра. Он был так потрясен, что опустился прямо на пол и был вынужден послать горничную за бренди. Ранее он никогда не видел умершего и не имеет представления, как он попал к нему в дом.

Да, накануне он был в Манчестере. Вернулся в десять часов вечера. Багаж сдал в камеру хранения. В этом месте мистер Типпс страшно покраснел и в смятении посмотрел на судебных заседателей.

— С этого момента, мистер Типпс, — отрывисто проговорил прокурор, — нам нужно знать все, что вы делали, в подробностях. Вы должны осознать важность этого. Вы согласились давать свидетельские показания, а коли так, будьте абсолютно точны — это для вашей же пользы.

— Да, — слабо промолвил мистер Типпс.

— Вы предупредили свидетеля? — спросил прокурор, резко повернувшись к инспектору Саггу.

Инспектор ответил, что мистер Типпс предупрежден, что все его показания могут быть использованы против него на суде. Мистер Типпс стал пепельно-серого цвета и проговорил bleющим голосом, что он не хотел... не хотел делать ничего противозаконного.

Это сообщение произвело легкую сенсацию, и прокурор принял еще более кислый вид, чем до этого.

— У мистера Типпса есть доверенное лицо? — раздраженно осведомился он. — Нет? Разве ему не объяснили, что у него может быть... что у него должно быть доверенное лицо? Нет? Как же так, инспектор? Мистер Типпс, разве вы не знаете, что имеете законное право на адвоката?

Мистер Типпс вцепился в спинку стула, чтобы не упасть, и еле слышно проговорил «нет».

— Невероятно, — произнес прокурор, — чтобы так называемые образованные люди не имели ни малейшего представления о судопроизводстве в своей собственной стране. В итоге мы оказались в чрезвычайно неловком положении. Вероятно, инспектор, я не смогу позволить арестованному — мистеру Типпсу — давать свидетельские показания. Это очень деликатная ситуация.

Пот выступил на лбу миссис Типпс.

— Спаси нас от наших друзей, — прошептала герцогиня Паркеру. — Если бы этот пожиратель таблеток открыто призвал присяжных вынести обвинение в преднамеренном убийстве против этого бедняги, он не добился бы лучшего результата. А какие тупые лица у этих заседателей, очень характерные для так называемого среднего слоя общества, как у овец... телячьи головы, я имею в виду вареные.

— Прокурор не может позволить Типпсу обвинить самого себя, — проговорил Паркер.

— Чушь! — воскликнула герцогиня. — Как он может себя обвинить, если он никогда в жизни ничего подобного не делал? Вы, мужчины, совершенно ни о чем не способны думать, кроме своей бюрократии.

Тем временем мистер Типпс вытер лоб платком и, собрав все свое мужество, поднялся, изо всех сил стараясь сохранить достоинство. Он был похож на загнанного белого кролика.

— Лучше я скажу вам, — произнес он, — хотя для человека в моем положении это действительно очень неприятно. Но я действительно даже на секунду не мог себе представить, что из-за этого выйдет такое ужасное преступление. Поверьте, джентльмены, мне очень тяжело. Да. Но лучше уж я скажу вам правду, хотя боюсь, это поставит меня... я расскажу.

— Вы осознаете серьезность подобного заявления, мистер Типпс? — переспросил прокурор.

— Вполне, — ответил мистер Типпс. — Все правильно... Можно... можно мне глоток воды?

— Не спешите, — ответил прокурор, бросая нетерпеливый взгляд на свои часы и тем самым лишая свой ответ какой бы то ни было убедительности.

— Спасибо, сэр, — произнес мистер Типпс. — Так вот, я действительно приехал в десять часов. Но со мной в одном вагоне ехал человек. Он сел в Лейсестере. Сначала я его не узнал, а потом оказалось, что это мой старый школьный приятель.

— Как звали этого джентльмена? — осведомился прокурор, занося карандаш.

Мистер Типпс словно усох на глазах.

— Боюсь, я не смогу сказать вам это, — произнес он. — Понимаете... дело в том, вы поймете... это доставит ему неприятности, а я не могу позволить... нет, я не могу этого сделать, даже если от этого будет зависеть моя жизнь. Нет! — добавил он, когда зловещий смысл последней фразы наконец дошел до него. — Точно, я не могу этого сделать.

— Ну-ну, — промолвил прокурор.

Герцогиня снова наклонилась к Паркеру.

— Я начинаю просто восхищаться этим человеком, — произнесла она.

Мистер Типпс продолжил:

— Когда мы приехали, я собирался идти домой, но мой друг сказал «нет». Мы так давно не виделись, и нужно... нужно отметить это дело — так он сказал. Боюсь, что я проявил здесь слабость и дал ему уговорить себя пойти в одно из его излюбленных местечек. Я намеренно употребил это слово, — произнес мистер Типпс, — уверяю вас, сэр, если бы я заранее знал, куда мы идем, ноги бы моей там не было.

Я сдал свой чемодан в камеру хранения, потому что он не хотел, чтобы мы были обременены вещами. Мы взяли так-

си и доехали до угла Оксфорд-стрит и Тоттенхем-роуд. Потом мы немного прошлись и свернули в узкую улочку (не помню, как она называется), где виднелась открытая дверь, из которой лился свет. За стойкой стоял мужчина, у которого мой приятель купил несколько билетов. Я расслышал, как человек за стойкой спросил его: «Ваш друг...» — что-то такое, имея в виду меня, и мой приятель ответил: «О да, он здесь бывал раньше, не правда ли, Альф?» (Меня так звали в школе.) Но я уверяю вас, сэр, — тут Типпс стал чрезвычайно серьезен, — я никогда там не бывал и ничто на свете не заставит меня пойти туда еще раз.

Потом мы спустились вниз, где были всякие напитки. Мой приятель выпил несколько бокалов и меня заставил выпить один или два, хотя я обычно воздерживаюсь от употребления алкоголя. Он принялся беседовать с другими мужчинами и девушками, которые были там, — я тогда еще подумал, что публика очень вульгарная, хотя некоторые молодые леди были очень красивы. Одна из них села на колени к моему другу, назвала его старым тихоней и сказала, чтобы он был смелее. Тогда мы пошли в другую комнату, где целая толпа народа танцевала все эти современные танцы. Мой друг пошел танцевать, а я сел на диван. Одна из мо-

лодых дам подошла ко мне и пригласила меня танцевать, но я сказал «нет». Тогда она сказала, чтобы я купил ей выпить. «Тогда, милашка, ты ставишь нам выпивку», — сказала она, а я спросил: «Разве еще не поздно?» — а она сказала, что это не имеет значения. Я заказал выпить — джин и горькое пиво, — я не хотел, но молодая леди рассчитывала на меня, и если бы я отказал ей, это было бы не по-джентльменски. Все произошло как-то само собой — она обняла меня за шею и поцеловала, словно в благодарность за напитки; это действительно тронуло меня до глубины души, — слегка двусмысленно, но необыкновенно выразительно добавил мистер Типпс.

Тут кто-то сзади издал ободряющий возглас, шумно причмокнув губами.

— Выдворите человека, произведшего этот непристойный звук! — негодуя воскликнул прокурор. — Продолжайте, пожалуйста, мистер Типпс.

— Ну, где-то около половины первого, как я полагаю, ситуация стала не очень приятной, и я, не желая оставаться далее, стал разыскивать своего приятеля, чтобы попрощаться. Потом я увидел его с одной из молодых дам — они развлекались вовсю, если вы меня понимаете, — приятель стаскивал бретельки с ее плеч, а она смеялась, ну и всякое такое, — по-

спешно закончил мистер Типпс. — Тогда я решил, что лучше просто тихо улизнуть. Но в этот момент раздались крики, шум драки и, прежде чем я успел сообразить, что происходит, внутрь ворвалось полдюжины полицейских, свет погас, все закричали — началось что-то ужасное. Меня сбили с ног в толчее, и я сильно ударился головой о стул, там-то я и получил синяк, о котором меня спрашивали. Я ужасно испугался, что мне не удастся выбраться и все станет известно, а может, еще и моя фотография появится в газетах. Но в этот момент меня кто-то схватил — наверное, та молодая дама, которой я покупал джинс с пивом. Она сказала: «Сюда» — и потащила меня по коридору, к выходу на какие-то задние дворы. Я бежал изо всех сил, пока не добрался до Гудж-стрит — там я взял такси и доехал до дому. Потом я видел отчет об этой истории в газетах и понял, что моему другу тоже удалось убежать, поэтому я и не хотел делать его имя достоянием публики, я не хочу причинять ему неприятности. Но все это правда.

— Ну что ж, мистер Типпс, — произнес прокурор, — мы сможем проверить определенную часть вашего рассказа. Имя вашего друга...

— Нет, — решительно повторил Типпс, — ни при каких обстоятельствах.

— Хорошо, — сказал прокурор. — Тогда скажите нам, когда вы добрались до дому?

— Наверное, около половины второго. Хотя я был так расстроен...

— Да-да. Вы сразу легли?

— Да, я выпил стакан молока и съел бутерброд. Я решил, что это поможет мне успокоить желудок, — извиняющимся голосом добавил свидетель. — С непривычки к алкоголю, да еще так поздно, на пустой желудок, — можете себе представить.

— Да-да. И с вами никого не было?

— Никого.

— Так сколько времени заняло у вас укладывание в постель?

Мистер Типпс полагал, что около получаса.

— Перед тем как лечь, вы заходили в ванную?

— Нет.

— И ночью ничего не слышали?

— Нет. Я сразу уснул. Я был очень возбужден, поэтому принял небольшую дозу снотворного. Усталость, снотворное плюс молоко свалили меня с ног, и я проспал до утра, пока меня не разбудила Глэдис.

Последующие вопросы мало что прибавили. Да, он уверен, что окно в ванной было открыто, когда он вошел туда утром, и он отчитал горничную за это. Он

готов ответить на любые вопросы и будет только счастлив, если эта ужасная история будет исчерпана.

Глэдис Хоррокс подтвердила, что работает у мистера Типпса около трех месяцев. О ее характере могут рассказать предыдущие хозяева. В ее обязанности входило убирать квартиру по вечерам, после того как в десять часов она помогала лечь миссис Типпс. Да, она помнит, что сделала это и в тот вечер. Она заходила во все комнаты. Не может ли она вспомнить, закрывала ли она в тот вечер окно в ванной? Пожалуй, нет, она не может поручиться, но, когда мистер Типпс позвал ее утром, оно было открыто. В ванную до мистера Типпса она не заходила. Да, вообще-то и раньше случалось, что она не закрывала окно на ночь, если кто-нибудь вечером принимал ванну и оставлял жалюзи опущенными. В понедельник ванну принимала миссис Типпс. Она всегда принимала ванну по понедельникам. Возможно, она действительно не закрыла окно в тот вечер, но так сожалеет о своей забывчивости, что готова взять всю вину на себя.

Тут свидетельница разрыдалась, и, пока ей приносили воду, прокурор принял еще одну мятную таблетку.

Овладев собой, свидетельница подтвердила, что обошла все комнаты, перед

тем как лечь. Нет, труп не мог быть спрятан в квартире так, чтобы она его не заметила. Весь вечер она была на кухне, а там нет места не то что для трупа, но даже для того, чтобы приготовить приличный обед. Пожилая миссис Типпс сидела в гостиной. Да, она точно помнит, что заходила в столовую. Почему? Потому что она там оставляла молоко и бутерброды для мистера Типпса. Там никого не было — она может поклясться. Никого не было ни в ее собственной комнате, ни в коридоре. Заглядывала ли она в шкаф и кладовку? Ну нет, не заглядывала: она не привыкла рыться в чужих домах в поисках мертвецов. Значит, в шкафу или в кладовке мог спрятаться человек? Она полагает, что да.

В ответ на вопрос присяжной заседательницы — ну да, она гуляла с молодым человеком. Его зовут Уиллиамс, Билл Уиллиамс — ну да, Уильям Уиллиамс, если вы так настаиваете. Он стекольщик по профессии. Ну да, он иногда заходил в квартиру. Случалось ли когда-нибудь... — нет, никогда, если бы она знала, что тут могут задать такой вопрос честной девушке, она вообще отказалась бы давать показания. Они могут получить отзыв о ней и мистере Уиллиамсе у викария церкви Святой Марии. Последний раз мистер Уиллиамс заходил в квартиру две недели тому назад.

Нет, после этого они встречались с мистером Уиллиамсом. Ну да, в понедельник, в понедельник вечером. Ну что ж, правду так правду. Да, инспектор предупредил ее, но они ничего плохого не делали; лучше она потеряет место, чем будет повешена, хотя это стыд и позор, что девушка не может немного развлечься без того, чтобы в дом не подкинули мертвеца и она не попала бы в неприятности. После того как она уложила спать миссис Типпс, она пошла на вечер водопроводчиков и стекольщиков в «Черный овен». Мистер Уиллиамс встречал и провожал ее. Он может подтвердить, где она была и что в этом не было ничего дурного. Она вернулась около двух. Ключи от квартиры она незаметно вынула из ящика у миссис Типпс. Она хотела отпроситься на этот вечер, но не смогла, так как мистера Типпса не было дома. Она очень сожалеет, что так поступила, но она уже наказана за свой проступок. Придя домой, она не слышала ничего подозрительного и сразу легла. Лучше бы ее убили.

Нет, к мистеру и миссис Типпс гости приходили очень редко; они жили уединенно. Утром входная дверь была, как всегда, закрыта на запор. Ничего плохого от мистера Типпса она никогда не видела.

— Спасибо, мисс Хоррокс. Вызовите Джорджиану Типпс.

К тому же прокурор решил, что пора включить газовый свет.

Допрос миссис Типпс вызвал гораздо большее оживление, чем включение света, благодаря тому что являл собой превосходный образец игры в «испорченный телефон». После пятнадцати минут непрерывающегося напряжения не только голосовых связок, но и силы воли прокурор сдался и предоставил леди заключительное слово.

— Можете не пытаться запугивать меня, молодой человек, набивая себе желудок этими отвратительными таблетками, — с достоинством произнесла восьмидесятилетняя леди.

В этот момент в зале поднялся мужчина, который потребовал, чтобы ему была предоставлена возможность дать показания. Сообщив, что он — Уильям Уиллиамс, стекольщик, и, будучи приведен к присяге, он подтвердил сведения, сообщенные Глэдис Хоррокс относительно ее пребывания в «Черном овне» в интересующий всех вечер. Он полагал, что они вернулись раньше двух, но совершенно очевидно, что позднее часа тридцати. Он также сожалел, что убедил мисс Хоррокс пойти с ним без разрешения. Ни в первый свой приход, ни во второй ничего подо-

зрительного на улице Принца Уэльского он не заметил.

Инспектор Сагг сообщил, что был вызван во вторник в половине девятого утра. Поведение девушки показалось ему подозрительным, и он арестовал ее. Последующая информация заставила его предположить, что пострадавший был убит в ночь накануне, и он арестовал мистера Типпса. Следов проникновения в квартиру он не обнаружил. Кое-какие следы были видны на подоконнике в ванной, что указывает на проникновение в квартиру именно таким путем. Во дворе не обнаружено ни следов ног, ни вмятин от лестницы; двор асфальтирован. Он также осмотрел крышу, но и там ничего не обнаружил. С его точки зрения, труп был принесен в квартиру заблаговременно и спрятан кем-то, кто позже, ночью, влез через окно ванной при попустительстве девушки. Но в таком случае почему горничная не впустила его через дверь? Что ж, может, и через дверь. Удалось ли ему обнаружить в квартире место, где был спрятан труп? Он не нашел ничего такого, что исключало бы такую возможность. Что заставило его думать, что смерть наступила накануне ночью?

Здесь инспектор Сагг стал проявлять некоторое замешательство и попытался скрыть его за профессиональной непри-

ступностью. Однако после некоторого давления, оказанного на него, Саггу пришлось признать, что его подозрения ни к чему не привели.

Один из присяжных. Были ли оставлены преступником отпечатки пальцев?

Инспектор Сагг. Кое-какие отпечатки были найдены на ванне, но преступник был в перчатках.

Прокурор. Можете ли вы на этом основании сделать какие-нибудь выводы относительно опытности преступника?

Инспектор Сагг. Похоже на бывалую руку, сэр.

Присяжный. Насколько это согласуется с обвинением, выдвинутым против Альфреда Типпса, инспектор?

Инспектор молчит.

Прокурор. Учитывая сведения, которые только что стали нам известны, продолжаете ли вы настаивать на обвинении Альфреда Типпса и Глэдис Хоррокс?

Инспектор Сагг. Я считаю, что все это с самого начала чрезвычайно подозрительно. Рассказ Типпса не подтвержден фактами, а что касается этой горничной Хоррокс, откуда нам известно, что этот Уиллиамс тоже не замешан в деле?

Уильям Уиллиамс. Ну, это вы бросьте. Я могу привести сотню свидетелей...

П р о к у р о р. Замолчите, пожалуйста. Вы меня удивляете, инспектор, высказывая предположения в такой манере. Это в высшей степени неправильно. Кстати, не могли бы вы нам сообщить, проводились ли какие-нибудь облавы в ночных клубах в ночь на вторник?

И н с п е к т о р С а г г (*мрачно*). Кажется, да.

П р о к у р о р. Надеюсь, вы уточните это. Кажется, я припоминаю, будто встречал что-то об этом в газетах. Спасибо, инспектор, достаточно.

Вышло еще несколько свидетелей, которые охарактеризовали личности мистера Типпса и Глэдис Хоррокс, после чего прокурор заявил о своем намерении перейти к медицинскому освидетельствованию.

— Сэр Джулиан Фрик.

В зале произошло некоторое оживление, и прославленный специалист вышел для дачи показаний. Он был не только выдающимся ученым, но и обладал незаурядным телосложением: широкие плечи, прямая осанка, львиная голова. Когда судебный пристав поднес ему Библию, по обыкновению что-то просительно бормоча, он поцеловал ее с видом святого Павла, снисходительно потакающего предрассудкам коринфян.

— Он мне всегда казался таким красивым, — прошептала герцогиня мистеру

Паркеру, — это море волос, борода, блестящие глаза — они восхитительны, эти мужчины, когда преданы какой-то идее. Очень похож на Уильяма Морриса, хотя, я думаю, что социализм — это ошибка. Конечно, он может получиться с хорошими людьми в чистых полотняных рубашках при вечно хорошей погоде, но жизнь гораздо сложнее. Наука — другое дело. Если бы у меня были не в порядке нервы, я бы сходила к сэру Джулиану, просто чтобы посмотреть на него, — одного его взгляда достаточно, чтобы почувствовать себя лучше. Я думаю, за этим к нему и ходят, только у меня все в порядке — с нервами, я имею в виду. Вы со мной не согласны?

— Вы сэр Джулиан Фрик, — спросил прокурор, — проживающий в доме госпиталя Святого Луки на улице Принца Уэльского в Баттерси и осуществляющий общее руководство хирургическим отделением госпиталя Святого Луки?

Сэр Джулиан кратко подтвердил это определение собственной личности.

— Вы первым из медиков осматривали труп?

— Да.

— А затем вы проводили осмотр совместно с доктором Гримбольдом из Скотленд-Ярда?

— Да.

— Сошлись ли ваши мнения относительно причины смерти?

— В общем, да.

— Может быть, вы поделитесь своими впечатлениями с судом?

— Около девяти утра во вторник я был занят исследовательской работой в прозекторской госпиталя Святого Луки, там-то мне и сообщили, что меня хочет видеть инспектор Сагг. Он сказал, что в доме пятьдесят девять квартала Королевы Каролины при странных обстоятельствах был обнаружен труп мужчины. Он спросил у меня, не мог ли труп быть перенесен туда кем-либо из студентов шутки ради. Просмотрев документы, я заверил его, что из прозекторской никакие тела не исчезали.

— Кто отвечает за тела, находящиеся в прозекторской?

— Служитель прозекторской Уильям Уоттс.

— Уильям Уоттс присутствует? — спросил прокурор.

Уильям Уоттс присутствовал и готов был в случае необходимости дать показания.

— Я полагаю, сэр Джулиан, без вашего ведома никакой труп не может поступить в госпиталь?

— Конечно нет.

— Спасибо. Можете продолжать.

— Затем инспектор Сагг попросил меня прислать кого-нибудь из медиков осмотреть тело. И я сказал, что сделаю это сам.

— Почему?

— Признаюсь, из чисто человеческого любопытства, господин прокурор.

Из задних рядов раздался смех какого-то студента-медика.

— Придя в квартиру, я обнаружил, что труп лежит на спине в ванне. Я осмотрел его и пришел к выводу, что смерть наступила в результате перелома шеи, смещения четвертого и пятого шейных позвонков, поражений позвоночника, вызванных внутренним кровоизлиянием и частичным параличом мозга. Я определил, что смерть наступила не менее двенадцати часов тому назад, возможно более. Других следов какого-либо насилия я не обнаружил. Пострадавший был сильным, хорошо упитанным мужчиной лет пятидесяти — пятидесяти пяти.

— Как вы считаете, мог ли пострадавший сам нанести себе такую травму?

— Конечно нет. Это был хорошо рассчитанный сильный удар, нанесенный сзади тяжелым тупым предметом. Нанести его себе самостоятельно невозможно.

— Могла ли эта травма быть результатом несчастного случая?

— Возможно.

— Скажем, если пострадавший выглядывал из окна, а в это время на него резко опустилась рама?

— В этом случае наблюдались бы признаки удушения, кроме того, на шее был бы синяк.

— Но пострадавший мог умереть и если бы на него упал какой-нибудь тяжелый предмет?

— Мог.

— С вашей точки зрения, смерть была мгновенной?

— Трудно сказать. Такой удар может вызвать мгновенную смерть, но бывает, что пациенты с такими травмами живут еще некоторое время в полупарализованном состоянии. В данном случае я склонен полагать, что пострадавший протянул несколько часов после удара. Мое заключение основывается на состоянии мозга, выявленном при аутопсии. Должен сказать, однако, что по этому вопросу мы с доктором Гримбольдом не пришли к полному согласию.

— Было принято решение провести опознание пострадавшего. Можете ли вы его опознать?

— Конечно нет. Я никогда раньше его не видел. Это какая-то нелепость. Я впервые слышу об этом решении; если бы я знал об этом раньше, я бы знал, как поступить. Кроме того, хочу выразить свое

крайнее неодобрение, так как вы собираетесь подвергнуть бессмысленному испытанию даму, с которой я имею честь быть знакомым.

Прокурор. Я не виноват в этом, сэр Джулиан; я не имею к этому никакого отношения и полностью согласен, что с вами должны были проконсультироваться.

Репортеры деловито заводили ручки, в зале зашумели, спрашивая друг друга, что именно имелось в виду. Присяжные же приняли глубокомысленный вид, словно им было все известно.

— Теперь по поводу пенсне, обнаруженного на трупе, сэр Джулиан. Дает ли оно медику какую-нибудь дополнительную информацию?

— У него очень необычные линзы, более определенно мог бы сказать окулист, от себя я могу лишь добавить, что ожидал бы найти такое пенсне на более пожилом человеке, чем пострадавший.

— Исходя из внешних данных пострадавшего, можете ли вы как врач, неоднократно осматривавший человеческие тела, сказать что-нибудь о его привычках, образе жизни?

— Я бы сказал, что это человек, проживший жизнь в стесненных обстоятельствах и лишь недавно начавший преуспевать. Его зубы в очень плохом состоянии, руки привычны к физическому труду.

— Скажем, австралийский колонист, заработавший деньги?

— Да, что-нибудь в этом роде. Более определенно я не могу сказать.

— Конечно, конечно. Спасибо, сэр Джулиан.

Вызванный доктор Гримбольд подтвердил мнение своего прославленного коллеги во всех подробностях, за исключением того, что, с его точки зрения, смерть наступила несколько дней спустя после удара. С большой неуверенностью и, конечно же, с правом на ошибку он рискнул разойтись во мнении с сэром Джулианом Фриком. В любом случае трудно сказать с уверенностью, так как к тому моменту, когда доктор Гримбольд получил возможность осмотреть тело, с его точки зрения, пострадавший был мертв уже не менее 24 часов.

Инспектор Сагг был вызван снова. Может ли он рассказать суду, какие шаги были предприняты им для опознания пострадавшего?

Описание тела было опубликовано во всех газетах и разослано во все полицейские участки. Учитывая предположение, сделанное сэром Джулианом Фриком, были ли посланы запросы в порты? Да. С какими-нибудь результатами? Никаких результатов. И никто не приходил опознать тело? Приходило очень много людей, но все безрезультатно. Были ли предпри-

няты какие-нибудь попытки определить место изготовления пенсне? Инспектор Сагг просит, чтобы в интересах правосудия ему было позволено не отвечать на этот вопрос. Может ли суд видеть пенсне? Пенсне принесено.

Вызывается Уильям Уоттс, который подтверждает показания сэра Джулиана Фрика относительно объектов, находящихся в прозекторской. Он описывает процедуру их поступления. Обычно они поставляются из работных домов и бесплатных больниц. Все они находятся под его личным наблюдением. Студенты не могут получить ключи без его ведома. Есть ли ключи у сэра Джулиана Фрика или у других хирургов госпиталя? Нет, даже у сэра Джулиана их нет. И в ночь на вторник ключи были у него? Да. И, конечно уж, бессмысленно спрашивать, не исчезало ли у них тело? Да, совершенно бессмысленно.

Затем прокурор снова обратился к присяжным, строго напомнив им, что они здесь не для того, чтобы сплетничать и перешептываться, гадая, кем может быть пострадавший, а для того, чтобы высказать свое мнение относительно обстоятельств смерти. Он указал, что на основании медицинских данных им предстоит решить, вызвана ли смерть несчастным случаем, является ли самоубийством или это результат преднамеренного убийства. Если

выслушанные показания представляются им недостаточными, они могут вынести открытый вердикт. В любом случае их решение должно быть справедливым; если же они решат, что это убийство, все свидетельские показания будут снова рассмотрены членом городского магистрата. Затем он отпустил их с беззвучной мольбой поторопиться.

Дав показания, сэр Джулиан Фрик встретился глазами с герцогиней и теперь спешил поздороваться с ней.

— Сто лет вас не видела, — произнесла герцогиня. — Как ваши дела?

— Тружусь в поте лица, — ответил сэр Джулиан. — Только что выпустил книгу. На это тратишь очень много времени. Вы уже видели леди Леви?

— Нет. Бедняжка, — заметила герцогиня. — Я приехала только утром. Сейчас со мной живет миссис Типпс — одна из причуд Питера. Бедная Кристина! Надо будет забежать к ней повидаться. А вот мистер Паркер, — добавила она, — он расследует это дело.

— Да? — произнес сэр Джулиан и замолчал. — Знаете, я очень рад познакомиться с вами, — добавил он тихо. — А вы видели леди Леви?

— Да, видел сегодня утром.

— И она просила вас продолжить расследование?

— Да, — ответил Паркер, — она считает, что сэр Рувим мог попасть в руки какого-нибудь финансового соперника или каких-нибудь бандитов, удерживающих его с целью получения выкупа.

— Вы тоже так думаете? — спросил сэр Джулиан.

— Очень может быть, — коротко ответил Паркер.

Сэр Джулиан снова запнулся.

— Я бы хотел, чтобы вы зашли ко мне, когда это закончится, — наконец проговорил он.

— Судовольствием, — ответил Паркер.

В этот момент присяжные вернулись и заняли свои места. По залу пробежал легкий шум, и все замерло. Прокурор обратился к старшине присяжных и спросил его, пришли ли они к единому мнению.

— Да, господин прокурор, мы считаем, что пострадавший скончался от последствий удара, нанесенного по позвоночнику, что же касается того, каким образом была получена эта травма, мы полагаем, данных недостаточно.

Мистер Паркер и сэр Джулиан вышли вместе.

— До сегодняшнего утра, пока я не встретился с леди Леви, — произнес врач, — мне и в голову не приходило, что

это дело каким-то образом связывается с исчезновением сэра Рувима. Фантастическое предположение, которое могло родиться только в голове этого смешного инспектора. Если бы я имел хоть малейшее представление о том, что делается у него в голове, я бы рассеял его заблуждение и предотвратил бы все это.

— Я тоже пытался сделать это, — заметил Паркер, — как только меня назначили вести дело Леви...

— А могу я узнать, кто пригласил вас заниматься этим делом? — спросил сэр Джулиан.

— Ну, сначала прислуга, а потом дядя сэра Рувима письменно обратился ко мне с просьбой продолжить расследование.

— И теперь леди Леви подтвердила это?

— Естественно, — с некоторым недоумением ответил Паркер.

Некоторое время сэр Джулиан шел молча.

— Боюсь, что именно я первым подкинул эту идею Саггу, — с раскаянием произнес Паркер. — Когда исчез сэр Рувим, я начал с того, что проверил все уличные происшествия и самоубийства, случившиеся за день, и по заведенному порядку отправился взглянуть на труп в Баттерси-парк. Естественно, как только я взглянул на него, я понял, что это

смешно, но Сагг вцепился в эту идею, — и действительно, между портретами сэра Рувима, которые я видел, и их мертвецом есть очень большое сходство.

— Да, поразительное сходство, — сказал сэр Джулиан. — Верхняя часть лица довольно распространенного типа, но так как сэр Рувим носил густую бороду и сравнить очертания рта и подбородка довольно сложно, нет ничего удивительного, что эта мысль могла прийти в голову. Впрочем, от нее сразу же надо было отказаться. Мне только очень жаль, — добавил он, — что все это причинит боль леди Леви. Вы, наверное, знаете, мистер Паркер, что я старый друг Леви.

— Я это понял.

— Да. Будучи молодым человеком, я... Короче говоря, мистер Паркер, я когда-то собирался жениться на леди Леви. — (Мистер Паркер издал характерное сочувствующее мычание.) — И как вам известно, я так и не женился, — продолжил сэр Джулиан. — Мы остались хорошими друзьями. Я всегда делал все от меня зависящее, чтобы оградить ее от неприятностей.

— Поверьте мне, сэр Джулиан, — промолвил Паркер, — я очень сочувствую вам и леди Леви и сделал все, чтобы Сагг отказался от своего намерения. К несчастью, тот факт, что сэра Рувима видели в тот вечер в Баттерси...

— Ах да! — воскликнул сэр Джулиан. — Ну вот мы и дома. Может, вы зайдете на минутку, мистер Паркер, чай, виски с содовой или что-нибудь еще?

Паркер поспешно принял это приглашение, почувствовав, что он может узнать нечто новое.

Они вошли в квадратный, великолепно меблированный холл с камином, располагавшимся с той же стороны, что и дверь, и лестницей напротив. Дверь справа от них вела в столовую и была открыта. Сэр Джулиан позвонил в колокольчик, и в дальнем конце холла появился лакей.

— Что вы будете пить? — спросил доктор.

— После этого жуткого холода в суде, — ответил Паркер, — единственное, чего я хочу, это галлон¹ горячего чая, если вы как психиатр не будете возражать.

— Только в том случае, если вас устроит смесь с китайским, — ответил в том же тоне сэр Джулиан, — тогда у меня не будет никаких возражений. Чай в библиотеку, — добавил он, обращаясь к лакею и направляясь к лестнице.

— Я почти не пользуюсь комнатами на первом этаже, кроме столовой, — объяснил он, входя со своим гостем в неболь-

¹ Г а л л о н — единица объема в системе английских мер, равная 4,54609 дм³.

шую, но светлую библиотеку на втором этаже. — Отсюда дверь ведет в мою спальню, так что здесь удобнее. Я бываю в этом доме не так уж регулярно, но для научной работы он вполне годится. В основном этим я здесь и занимаюсь. Самая страшная вещь для теоретика, мистер Паркер, забросить практическую деятельность. Анатомирование — основа для любой теории и верной диагностики. Глаз и рука не должны терять навыков. Это место я ценю гораздо больше, чем Гарлестрит, и со временем думаю вовсе забросить свою консультативную деятельность и осесть здесь, чтобы в тишине и покое анатомировать тела и писать свои книги. На столько бессмысленных вещей приходится тратить время, мистер Паркер.

Мистер Паркер согласился с этим утверждением.

— Зачастую, — продолжил сэр Джулиан, — мне удастся заняться исследовательской работой лишь ночью, после целого рабочего дня, при искусственном свете, а он, каким бы ярким ни было освещение в прозекторской, гораздо утомительнее для глаз, чем дневной. А ведь именно эта работа требует величайшего внимания. Только вам, наверное, приходится работать при более сложных обстоятельствах.

— Да, случается, — ответил Паркер, — но обстоятельства — это в каком-

то смысле составляющая часть моей профессии.

— Совершенно верно, совершенно верно, — откликнулся сэр Джулиан. — Вы хотите сказать, что грабитель, к примеру, не станет демонстрировать вам методику своей работы при свете дня или оставлять идеальные отпечатки ног на влажном песке.

— Как правило, да, — ответил детектив, — но я думаю, многие заболевания развиваются так же незаметно, как работает грабитель.

— Конечно, конечно, — рассмеялся сэр Джулиан, — и я, так же как и вы, горжусь тем, что мне удастся пресечь их развитие на благо общества. Знаете, неврастеники становятся на редкость умными преступниками — у них дар к перевоплощению, и они замечательно заматают следы. Но если вы действительно исследователь, мистер Паркер, то, вскрывая труп, а желательно — живое тело, вы всегда сможете обнаружить следы — признаки распада или нарушения в тканях, оставленные безумием, болезнью, алкоголизмом или каким-нибудь другим пороком. Сложность заключается в том, чтобы определить их, наблюдая лишь внешние проявления — истерию, преступление, религиозность, страх, скромность, совестливость и так далее. Точно так же, как вы изучаете место

кражи или убийства в поисках следов преступника, я изучаю истерический приступ или взрыв набожности, чтобы определить то небольшое механическое нарушение, которым они вызваны.

— Вы считаете, что все эти вещи имеют физическую основу?

— Несомненно. Я в курсе, что сейчас входит в силу другая научная школа, мистер Паркер, но ее представители большей частью шарлатаны или заблуждающиеся. «Sie haben sich so weit drin eingeheimnisst»¹, что, подобно медиуму Сладжу, сами начинаете верить в собственные глупости. Мне бы хотелось заглянуть в их мозги, мистер Паркер, я бы показал вам крохотные нарушения и изменения клеток — короткие замыкания нервных окончаний и перебои в их функциях, которые и являются источником этих мыслей и этих книг. По крайней мере, — добавил он, мрачно глядя на своего гостя, — по крайней мере, даже если мне не удастся это сделать сегодня, я сделаю это завтра... через год... до своей смерти.

Некоторое время сэр Джулиан молча сидел, глядя на огонь, и красные отблески плясали по его рыжеватой бороде, высекая искры из его неотразимых глаз.

Паркер в тишине пил чай, наблюдая за ним. В целом, однако, его мало заинтере-

¹ «Вы всё превратили в такую тайну» (нем.).

совали причины нервных заболеваний, и мысленно он перенесся к лорду Питеру, сражавшемуся с коварным Кримплшем в Солсбери. Лорд Питер хотел, чтобы Паркер приехал: это означало или то, что Кримплшем упорствовал, или — обнаружены новые улики. Но Бантер сказал, что можно приехать завтра — это хорошо. В конце концов, дело Баттерси не имело отношения к делу Паркера; он и так потратил массу времени на это бессмысленное заседание, и уже пора было бы заняться своей основной работой. Надо повидаться с секретарем Леви и разобраться в этой истории с перуанской нефтью. Он взглянул на часы.

— Боюсь, вам придется меня извинить... — пробормотал он.

Сэр Джулиан, вздрогнув, вернулся к реальности.

— Работа зовет? — улыбнулся он. — Это я могу понять. Не буду вас задерживать. Однако я хотел вам кое-что сказать в связи с вашим нынешним расследованием... только я не знаю... мне не хотелось бы...

Паркер снова сел — ни на его лице, ни в манере поведения не осталось и намека на спешку.

— Я буду вам очень благодарен за любую помощь, которую вы мне сможете оказать, — проговорил он.

— Боюсь, это вам, скорее, помешает, — с коротким смешком произнес сэр Джулиан. — У вас исчезнет рабочая версия, а мне придется нарушить профессиональную тайну. Но, поскольку по воле случая часть правды уже обнаружена, пусть уж все станет известно.

Паркер издал ободряющий звук, который у мирян заменяет церковное доверительное «да, сын мой?».

— В понедельник вечером сэр Рувим Леви был у меня, — промолвил сэр Джулиан.

— Да? — безучастно переспросил мистер Паркер.

— У него появились причины для серьезных опасений относительно своего здоровья, — медленно начал сэр Джулиан, словно взвешивая, до какой степени он может довериться чужому человеку, не нанося ущерба своей профессиональной чести. — Он пришел ко мне, а не к своему врачу, так как был чрезвычайно обеспокоен тем, чтобы это не стало известно его жене. Как я вам уже говорил, мы с ним были довольно хорошо знакомы, а леди Леви консультировалась со мной летом по поводу своего нервного расстройства.

— Он заранее договаривался с вами? — спросил Паркер.

— Прошу прощения? — с отсутствующим видом переспросил сэр Джулиан.

— Он заранее договаривался о визите?

— О визите? О нет. Он появился совершенно неожиданно, вечером, после обеда, когда я его совсем не ждал. Я провёл его сюда, осмотрел, и он ушел от меня где-то около десяти.

— Могу ли я узнать результаты вашего осмотра?

— Зачем вам?

— Это может пролить свет... можно будет сделать предположение относительно его последующих поступков, — осторожно произнес Паркер. Казалось, что сообщение имело отдаленное отношение ко всему делу, и он прикидывал, было ли исчезновение сэра Рувима в тот же вечер чистым совпадением.

— Понимаю, — проговорил сэр Джулиан. — Ну что ж, я могу конфиденциально сообщить вам, что у него имелись основания для подозрений, впрочем, с абсолютной уверенностью ничего утверждать нельзя.

— Спасибо. Значит, сэр Рувим ушел от вас в десять часов?

— Да, около того. Я не упомянул об этом сразу, потому что сэр Рувим хотел сохранить в тайне свой визит ко мне, а так как никаких разговоров о несчастном случае на улице или чего-нибудь в этом роде не было, я счел, что он благополучно добрался до дому.

— Да-да, — сказал Паркер.

— Это ведь было бы... впрочем, это и есть нарушение профессиональной тайны, — продолжил сэр Джулиан, — и я вам рассказываю это только потому, что сэра Рувима случайно видели здесь, а я предпочитаю, чтобы вы узнали обо всем из личной беседы, а не рыскали бы здесь и не опрашивали тайком мою прислугу, мистер Паркер. Надеюсь, вы извините мне мою прямоту.

— Конечно, — ответил Паркер. — Я не стану защищать все прелести своей профессии, сэр Джулиан. Я вам очень признателен за то, что вы рассказали мне это. В противном случае мне бы пришлось тратить драгоценное время, занимаясь ложной версией.

— Надеюсь, я не должен в свою очередь просить вас не разглашать эту тайну, — произнес врач. — Разглашение нашего разговора только навредит сэру Рувиму, причинит боль его жене, а кроме того, выставит меня в невыгодном свете перед моими пациентами.

— Обещаю вам никому не говорить об этом, — произнес Паркер, — конечно, кроме, — добавил он поспешно, — своего коллеги.

— Вы работаете над этим делом с коллегой?

— Да.

— Что это за человек?

— Чрезвычайно сдержанный, сэр Джулиан.

— Полицейский офицер?

— Вы можете не волноваться, если ваша тайна попадет в анналы Скотленд-Ярда.

— Я чувствую, вы знаете, что такое осмотрительность, мистер Паркер.

— Просто в нашем деле тоже существует профессиональная этика, сэр Джулиан.

Вернувшись на Ормонд-стрит, мистер Паркер обнаружил дожидавшуюся его телеграмму, которая гласила: «Можете не приезжать. Все хорошо. Возвращаюсь завтра. Уимзи».

7

Проведя для полной уверенности дополнительные расследования в Бальхаме и по соседству с вокзалом Виктория, лорд Питер объявился в своей квартире незадолго до ленча. В дверях его приветствовал Бантер с телефонограммой в руках.

— Милорд, звонила леди Суоффхем, она надеется, что ваша милость не забыли, что сегодня вы приглашены к ней на ленч, — сообщил он, окинув лорда Питера взглядом суровой няни.

— Я забыл об этом, Бантер, и забыл специально. Надеюсь, ты сказал ей, что я

внезапно заболел летаргическим энцефалитом, — просьба: цветов не присылать.

— Леди Суоффхем сказала, милорд, что она очень рассчитывает на вас. Она вчера виделась с герцогиней Денверской...

— Если там будет моя невестка, я туда не поеду, и говорить не о чем, — заявил лорд Питер.

— Прошу прощения, милорд, вдовствующая герцогиня.

— А что она делает в городе?

— Вероятно, приехала на дознание, милорд.

— Ах да, мы же пропустили его, Бантер.

— Да, милорд. Ее милость будет на ленче у леди Суоффхем.

— Нет, Бантер, не могу. Действительно, не могу. Скажи, что я лежу в постели с коклюшным кашлем, и попроси маму, чтобы она приехала после ленча.

— Хорошо, милорд. У леди Суоффхем будут миссис Томми Фрейл, милорд, и мистер Миллиган...

— Мистер как?

— Мистер Джон Миллиган, милорд, а также...

— Боже мой, Бантер, что же ты раньше этого не сказал? Я еще успеваю приехать раньше его? Да. Меня нет. Если я схвачу такси, то смогу...

— Только не в этих брюках, милорд, — произнес мистер Бантер, почти-

тельно, но непреклонно преграждая ему дорогу.

— О, Бантер, — взмолилась его милость, — пожалуйста, пусти меня — в последний раз. Ты даже не представляешь, как это важно.

— Меня это не касается, милорд. Не важнее, чем для меня исполнение моих обязанностей.

— Эти брюки вполне годятся, Бантер.

— Только не для леди Суоффхем, милорд. Кроме того, ваша милость забыли, что в Солсбери на вас налетел человек с молочным бидоном.

И мистер Бантер указал укоряющим жестом на небольшое жирное пятно, видневшееся на светлой ткани.

— Господи, и зачем я только допустил, чтобы ты превратился в привилегированного семейного вассала, Бантер, — с мукой в голосе произнес лорд Питер, швыряя свою трость в подставку для зонтиков. — Ты даже не представляешь, какие непоправимые ошибки может совершить за это время мама.

Мистер Бантер мрачно улыбнулся и повел свою жертву прочь.

Когда, безупречно одетый, лорд Питер с большим опозданием появился в гостиной леди Суоффхем, вдовствующая герцогиня Денверская, расположившись на диване, была поглощена интимной бесе-

дой с мистером Джоном П. Миллиганом из Чикаго.

— Очень рад познакомиться с вами, герцогиня, — так начал финансист этот разговор, — и поблагодарить за ваше любезное приглашение. Поверьте, для меня это высокая честь, которую я глубоко ценю.

Герцогиня обворожительно улыбнулась ему, одновременно изо всех сил пытаясь понять, что он имеет в виду.

— Садитесь, мистер Миллиган, — проговорила она. — Я так люблю беседовать с большими бизнесменами — постойте-ка, вы ведь король железных дорог, как в той игре «Свои соседи», — помните, в нее играют при помощи карт, там что-то связано с пшеницей и овсом, а еще там были бык и медведь — или лошадь? — нет-нет, медведь, я очень хорошо помню, что от него всегда пытались отделаться, и он, бедняжка, становился таким мятым и рваным, что все сразу же знали, у кого он находится, и приходилось покупать новую колоду. Вы, как специалист, наверное, считаете эту игру глупой и ужасно шумной, но она была незаменима, чтобы растопить лед между чопорными, едва знакомыми друг с другом людьми. Мне так жаль, что в нее больше не играют.

Мистер Миллиган сел.

— Ну, я полагаю, — начал он, — что нам, бизнесменам, так же интересно

встречаться с британскими аристократами, как и британцам с американскими королями железных дорог, герцогиня. И наверное, разговаривая с вами, я допущу столько же ошибок, сколько и вы, если попытаетесь купить пшеницу в Чикаго. Представляете, я недавно встречался с вашим сыном — замечательный парень этот лорд Уимзи, и ему показалось, что я принимаю его за брата. Вот уж глупое положение!

Это был неожиданный поворот. Герцогиня стала осторожнее.

— Славный мальчик, — произнесла она. — Я рада вашему знакомству, мистер Миллиган. Я очень люблю обоих своих сыновей, хотя Джералд и не такой экстрагантный, но это как раз то, что надо для Палаты лордов, и к тому же он великолепный фермер. Питер редко бывает в Денвере, у него тысяча дел в городе, иногда действительно очень интересных.

— Я был очень благодарен лорду Питеру за приглашение, которое он мне передал от вашего имени, — продолжил мистер Миллиган, — и, конечно же, я с радостью приеду в любой день, когда вы пожелаете, боюсь только, что вы слишком преувеличиваете мои достоинства.

— Ну, все же, я думаю, — промолвила герцогиня, — со стороны виднее, мистер Миллиган. Хотя, конечно, я ничего не понимаю в бизнесе, — добавила она. — Для

современной жизни я уже немного устареела, единственное, на что я способна, это распознавать хороших людей с первого взгляда, во всем остальном я полагаюсь на своего сына.

Льстивый смысл этой тирады был настолько прозрачен, что мистер Миллиган замурлыкал чуть ли не вслух.

— Я думаю, герцогиня, в этом-то и сказывается преимущество истинной леди с прекрасной старомодной душой перед всеми этими современными болтунами — немногие могут позволить дурно вести себя в ее присутствии, но она все равно разглядит их истинную суть. «Ну, это никуда меня не продвинуло», — подумала герцогиня.

— Я должна поблагодарить вас от имени викария, — произнесла она вслух, — за щедрый чек, который он получил вчера для фонда реставрации церкви. Бедняжка, он был так удивлен и восхищен.

— Пустяки, — откликнулся мистер Миллиган, — у нас ведь нет таких красивых древних построек, как у вас, так что для нас большая честь, если удастся приложить руку и залить керосином какую-нибудь червоточину в вашей увядающей стране. Поэтому, как только ваш парень рассказал мне о Денверской церкви, я взял на себя смелость сразу пожертвовать деньги, не дожидаясь базара.

— Как мило с вашей стороны, — произнесла герцогиня. — Значит, вы приедете на базар? — продолжила она, с мольбой взглянув на него.

— Конечно, — ответил мистер Миллиган с большой готовностью. — Лорд Питер сказал, что вы дадите мне знать о точной дате его проведения, но мы всегда успеем договориться. Надеюсь, мне удастся воспользоваться вашим любезным приглашением и пожить у вас несколько дней, но, даже если у меня будут дела, я в любом случае приеду, чтобы уехать сразу же после выступления...

— Будем надеяться на лучшее, — промолвила герцогиня. — А по поводу числа надо подумать. Конечно, я не могу обещать...

— Нет-нет, — сердечно произнес мистер Миллиган. — Я прекрасно понимаю, как это сложно согласовать. Дело ведь не только во мне, ваш сын упомянул действительно больших, по европейским меркам, людей.

При мысли о возможности встретить в чьей-нибудь гостиной еще какое-нибудь европейское светило герцогиня побледнела, но она чувствовала себя уже достаточно уверенно и даже начала получать удовольствие от разговора.

— Я даже не могу выразить, как мы вам благодарны, — произнесла она, —

встреча с вами доставит нам истинное наслаждение. Скажите мне, о чем вы будете говорить в своем выступлении.

— Ну... — начал мистер Миллиган.

Но в это мгновение всех привлек новый голос, в котором слышались нотки раскаяния:

— Действительно, я ужасно виноват, надеюсь, вы простите меня, леди Суоффхем. Господи, да разве я мог позабыть о приглашении, полученном от вас? Дело в том, что мне надо было повидаться с одним человеком в Солсбери — клянусь вам, и от него было никак не вырваться. Припадаю к вашим ногам, леди Суоффхем. Хотите, я пойду в угол и там съем свой ленч.

Леди Суоффхем милостиво простила преступника.

— Ваша милая мама здесь, — произнесла она.

— Здравствуй, мама, — с некоторой неловкостью промолвил лорд Питер.

— Здравствуй, милый, — ответила герцогиня. — Как ты не вовремя! Мистер Миллиган как раз собирался произнести для меня увлекательную речь, которую он готовит для базара. Ты помешал нам.

За ленчем разговор, естественно, зашел о допросе в связи с делом в Баттерси, и герцогиня живо изобразила миссис Типпс, когда та отвечала на вопросы прокурора.

— «Слышали ли вы что-нибудь необычное в ту ночь?» — спрашивает прокурор, наклоняясь вперед и напрягая свои голосовые связки до такой степени, что становится красным. Уши торчат — ну прямо как у херувима в стихотворении Теннисона — или это был серафим? — ну, в общем, вы поняли, что я имею в виду, — одни глаза и маленькие крылышки на голове. Бедная старая миссис Типпс отвечает: «Конечно, как и все свои восемьдесят лет». В зале суда поднимается суматоха, пока не выясняется, что она поняла вопрос прокурора так: «Убираете ли вы по вечерам свет прочь?» Все смеются. Прокурор кричит: «Черт бы ее побрал!» Это она — непонятно каким образом — слышит и отвечает: «Как вы можете ругаться, молодой человек, сидя здесь, можно сказать, перед лицом самой судьбы? До чего дошли современные молодые люди!» А ему, как вам известно, шестьдесят, уж это точно, — закончила герцогиня.

По вполне естественной ассоциации миссис Томми Фрейл перешла к рассказу о человеке, который был повешен за то, что убил трех своих невест в ванне.

— Мне всегда казалось, что это очень изобретательно, — с чувством глядя на лорда Питера, произнесла она, — но, вы представляете, после того как он был разоблачен, Томми заставил меня застрахо-

ваться, и я так перепугалась, что перестала принимать ванну по утрам и стала делать это днем, когда он уходил в парламент.

— Милейшая леди, — укоризненно промолвил лорд Питер, — я отчетливо помню, что все эти невесты были на редкость некрасивы. Что касается идеи, то она оригинальна только при первом исполнении — ему не нужно было повторяться.

— В наше время в людях осталось так мало оригинальности, даже в убийцах, — промолвила леди Суоффхем. — Похоже на драматургию шекспировского времени, не правда ли? Вечно какая-нибудь девушка, переодетая мужчиной, и та заимствована у Боккаччо, Данте или кого-нибудь там еще. Честное слово, если бы я была шекспировским героем, стоило бы мне увидеть юного пажа с хорошенькими ножками, я бы тут же воскликнула: «Боже! Снова девица!»

— В этом-то все и дело, — откликнулся лорд Питер. — Видите ли, леди Суоффхем, если вы хотите совершить убийство, первое, что вы должны сделать, — предотвратить возможность появления ассоциативных связей у людей. Большинство ведь не связывает свои мысли — они катаются у них в голове, как сушеные груши по подносу, производя много шума, но без всякого результата. Однако стоит нанизать их на шнурок, и он может

оказаться достаточно крепким, чтобы вас на нем повесили.

— Боже мой, — воскликнула миссис Томми Фрейл, — какое счастье, что ни у кого из моих друзей вообще нет никаких мыслей!

— Поверьте, — нахмурился лорд Питер, стараясь удержать в равновесии кусок утки на своей вилке, — только в рассказах о Шерлоке Холмсе люди мыслят логически. В повседневной жизни, если вам кто-нибудь сообщает что-нибудь необычное, вы говорите: «Боже мой!» или «Как печально!» — и тут же забываете об этом, пока что-нибудь не случится и не заставит вас вспомнить об услышанном. Вот, например, леди Суоффхем, когда я пришел, то сказал вам, что был в Солсбери, и это истинная правда, но я не думаю, что это сообщение произвело на вас какое-нибудь впечатление. И даже если завтра вы прочтете в газетах о трагической смерти адвоката из Солсбери, не думаю, чтобы и это вас сильно задело. Но если спустя неделю я снова отправлюсь в Солсбери, а на следующий день там обнаружат убитым врача, вы можете подумать, что мои визиты служат дурным предзнаменованием для обитателей Солсбери. Если же еще через неделю я опять отправлюсь туда, а на следующий день вы узнаете, что епархия Солсбери внезапно осиротела, вы можете задуматься над тем,

что заставляет меня ездить туда, и почему я никогда раньше не упоминал о том, что у меня есть там друзья. Более того, у вас может возникнуть желание самой поехать в Солсбери и спрашивать людей, не случалось ли им встречать молодого человека в фиолетовых носках, ошивающегося вокруг дворца епископа.

— Пожалуй, я бы так и поступила, — промолвила леди Суоффхем.

— Так. А если вы обнаружите, что здешние адвокат и врач ездили по делам в Погглтон-он-Марш несколько лет тому назад, когда нынешний епископ был там викарием, и припомните, что вы как-то слышали о моем посещении этого города, то начнете просматривать приходские книги и выясните, что я в свое время под вымышленным именем был женат на вдове богатого фермера, которая внезапно умерла от перитонита, что было зарегистрировано врачом, после чего адвокат оформил завещание, по которому мне переходило все ее состояние. Вот тогда вы поймете, что у меня были достаточно веские причины избавиться от таких потенциальных шантажистов, как адвокат, врач и епископ. Но дело в том, что, если бы я не дал толчок вашему воображению, укокошив их всех в одном и том же месте, вы бы никогда не добрались до Погглтона-он-Марша и даже никогда не вспомнили бы, что я там бывал.

— Вы там действительно бывали, лорд Питер? — с тревогой спросила миссис Томми.

— По-моему, нет, — ответил лорд Питер, — это название не вызывает никаких ассоциаций в моей голове. Хотя, кто знает, может, когда-нибудь и вызовет.

— Но если вы расследуете преступление, — начала леди Суоффхем, — вы ведь, наверное, начинаете с обычных вещей — чем был занят человек, с кем встречался — надо же найти причину, не так ли?

— О да, — ответил лорд Питер, — но у большинства из нас найдутся десятки причин для убийства самых безобидных обывателей. У меня, например, есть множество знакомых, которых я с удовольствием отправил бы на тот свет. А у вас?

— Уйма, — согласилась леди Суоффхем. — Например, этот ужасный — нет, лучше я не буду говорить, а то потом вы как-нибудь вспомните...

— Я бы тоже не стал говорить на вашем месте, — дружелюбно согласился лорд Питер. — Никогда не знаешь заранее. Будет страшно неловко, если вдруг этот человек внезапно завтра умрет.

— Насколько я понимаю, сложность этого дела в Баттерси, — вступил мистер Миллиган, — заключается в том, что этот джентльмен из ванной ни у кого не вызывает никаких ассоциаций.

— Бедный инспектор Сагг, — подтвердила герцогиня. — Я ему так сочувствую. Стоять там и отвечать на все эти вопросы, когда тебе совершенно нечего сказать.

Лорд Питер занялся уткой, так как уже несколько отстал от остальных. Некоторое время спустя он услышал, как кто-то спросил герцогиню, видела ли она леди Леви.

— Она ужасно страдает, — продолжила интересовавшаяся дама по имени миссис Фримэнтл, — хотя она все еще надеется, что он вернется. Вы ведь знали его, мистер Миллиган, то есть, я хотела сказать, знаете его, потому что я тоже надеюсь, что он жив.

Миссис Фримэнтл была женой видного директора железной дороги и отличалась полным неведением в области финансовых дел. Ее постоянные ляпсусы в этом вопросе оживляли приемы, которые устраивали жены воротил из Сити.

— Да, я с ним как-то обедал, — добродушно ответил мистер Миллиган. — Впрочем, миссис Фримэнтл, мы оба сделали все возможное, чтобы разорить друг друга. Если бы мы были в Штатах, — добавил он, — скорее всего, я заподозрил бы самого себя в том, что упрятал сэра Рувима в надежное место. Но в вашей древней стране мы не можем заниматься бизнесом, пользуясь такими методами, нет, мэм.

— Как, наверное, интересно заниматься бизнесом в Америке! — заметил лорд Питер.

— Да, — ответил мистер Миллиган. — Думаю, мои братья сейчас неплохо проводят там время. Как только мне удастся закончить здесь их делишки, я снова присоединюсь к ним.

— Только не покидайте нас до моего базара, — заметила герцогиня.

Оставшуюся часть дня лорд Питер провел в бесплодных поисках мистера Паркера, которого в конечном итоге и обнаружил, совершенно случайно зайдя на Ормонд-стрит.

Паркер сидел в старом, но удобном кресле, положив ноги на каминную решетку, и отдыхал, читая современный комментарий к «Посланию к галатам». Он встретил лорда Питера с тихой радостью, хотя и без восторженного энтузиазма, и смешал ему виски с содовой. Питер взял книгу, которую отложил его друг, и перелистал страницы.

— Все эти люди, так или иначе, относятся к делу предвзято, — произнес он, — поэтому они и находят то, что им надо.

— Да, — согласился детектив, — но на это привыкаешь почти автоматически делать скидку. В колледже я придерживался другой точки зрения, пока не понял, что Конибер, Робертсон, Друз и прочие

слишком заняты поисками грабителей, которых никто не видел, но не могут определить отпечатки ног даже своих домоладцев, так сказать. И следующие два года я учился быть внимательным.

— Ну что ж, — заметил лорд Питер, — наверное, теология — хорошее упражнение для головы, потому что хитрее и внимательнее вас я никого не знаю. Впрочем, как стыдно прийти и отвлекать вас в ваше свободное время, — прошу вас, читайте дальше.

— Ничего, старина, — ответил Паркер. Некоторое время они сидели молча, пока лорд Питер не спросил:

— Вам нравится ваша работа?

Детектив некоторое время подумал и ответил:

— Да... да. Она полезна, и я для нее подхожу. Я хорошо с ней справляюсь — может, без особого вдохновения, но достаточно хорошо, чтобы получать от этого удовлетворение. Она полна разнообразия и заставляет все время находиться в форме и не раскисать. У этого дела есть будущее. Да, я люблю ее. А в чем дело?

— Да так, — откликнулся лорд Питер. — Вы же знаете, для меня это только хобби. Я стал заниматься этим, когда изпод меня выбили почву. А это дело чертовски захватывающее, и, что хуже всего, я в какой-то степени получаю от него

удовольствие. Мне нравится начинать — когда еще никого не знаешь и все так интересно и занятно. Но когда дело доходит до осуждения живого человека и ему грозит виселица или, того хуже, тюрьма, единственным оправданием для того, кто ведет расследование, может служить то, что это занятие является для него незаменимым источником дохода. И мне становится стыдно, что я находил это занятным. Но тем не менее это правда.

Паркер выслушал эту речь самым внимательным образом.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — откликнулся он.

— Вот, например, старина Миллиган, — продолжил лорд Питер. — Не было бы ничего забавнее, как вывести старину Миллигана на чистую воду. Но когда поговоришь с ним, выясняется, что он милейший человек. Он понравился маме, да и меня он полюбил. Дурить ему голову по поводу благотворительного базара на церковные нужды — страшно интересное занятие, но, когда он верит этому и начинает безумно радоваться, я начинаю чувствовать себя свиньей. А если именно Миллиган перерезал горло старине Леви и сплавил его в Темзу? В конце концов, это не мое дело.

— Это дело в такой же мере ваше, как и любого другого человека, — произнес

Паркер, — и нет никакой разницы — делаешь его за деньги или просто так.

— Нет есть, — упрямо возразил Питер. — Необходимость зарабатывать на жизнь — единственное оправдание для этой деятельности.

— Ну хорошо, — произнес Паркер. — Если Миллиган действительно перерезал горло бедняге Леви с целью собственного обогащения, я не понимаю, почему он не мог откупиться, перечислив тысячу фунтов стерлингов на ремонт церковной крыши. И почему его надо прощать? Только потому, что он по-детски тщеславен?

— Как отвратительно, — произнес лорд Питер.

— Или потому, что он испытывает к вам симпатию?

— Нет, но...

— Послушайте, Уимзи, вы действительно думаете, что он убил Леви?

— Мог.

— Мог или убил?

— Мне бы не хотелось так думать.

— Потому что вы ему понравились?

— Ну конечно, это влияет...

— Осмелюсь сказать, в этом нет ничего неестественного. Вряд ли вы будете ожидать, что к вам станет испытывать симпатию закоренелый убийца?

— Да, но дело в том, что это скорее я испытываю к нему симпатию.

— Это тоже вполне естественно. Вы наблюдали за Миллиганом и сделали из своих наблюдений подсознательные выводы, в результате которых вы не склонны полагать, что он убийца. Почему бы и нет? Вы должны учитывать такую возможность.

— А если я ошибаюсь и он действительно сделал это?

— Тогда я не понимаю, почему надо позволять своей тщеславной уверенности в собственной прозорливости препятствовать разоблачению хладнокровного убийцы, уничтожившего невинного и милого человека.

— Я понимаю, но все равно мне кажется, что здесь что-то не так.

— Послушайте, Питер, — очень серьезно сказал Паркер, — раз и навсегда отделайтесь от этого итонского комплекса. Уже не осталось никаких сомнений, что с сэром Рувимом Леви случилось что-то нехорошее. Скажем для ясности, его убили. Можно ли относиться к этому как к развлечению? Благородно ли воспринимать это как забаву?

— Вот поэтому-то меня и мучает совесть, — произнес лорд Питер. — Поначалу я отношусь к этому как к забаве и радостно хватаюсь за дело, а когда вдруг понимаю, что в результате кто-то пострадает, мне хочется все бросить.

— Да-да, я понимаю, — сказал детектив, — это потому, что вы слишком заботитесь о своем положении. Вы хотите выглядеть милым и независимым в глазах окружающих, жизнерадостно скользить над комедией марионеток или величественно шествовать сквозь трагедию человеческих бед. Но это ребячество. Если вы чувствуете какой-нибудь долг перед обществом и умеете разоблачать убийц, вы должны делать это при помощи любых подручных средств. Вы хотите выглядеть элегантно и независимо? Ради Бога, если вы можете установить истину, действуя таким образом. Но сами по себе элегантность и независимость не имеют никакой цены. Вы хотите выглядеть достойно и непоколебимо — ну и что из этого? Вы хотите ради азарта поймать убийцу, потом пожать ему руку и сказать: «Отлично сыграли — вам не повезло — завтра отыграетесь!»? Но это невозможно. Жизнь это не футбольный матч. А вы хотите быть спортсменом. Вам это не удастся. На вас лежит ответственность.

— По-моему, вам не следует так много заниматься теологией, — заметил лорд Питер. — Она на вас ужасно влияет.

Он встал и прошелся по комнате, безучастно оглядывая книжные полки, потом снова сел, набил трубку и закурил.

— Лучше я расскажу вам об отпетом злодее Кримплшеме.

И он подробно пересказал свой визит в Солсбери. Удостоверившись в его благородных намерениях, мистер Кримплшем представил ему подробный отчет о своей поездке в город.

— Я проверил все факты, и они подтвердились, — тяжело вздохнул лорд Питер. — Так что он действительно ночевал дома, если только не подкупил половину Бальхама. А день в городе он действительно провел в банке. И, похоже, чуть ли не половина жителей Солсбери провожала его в Лондон. Что касается вопроса о его смерти, то, кроме его семьи и молодого Уикса, выгоды от нее никто не получит. Но даже если бы юный Уикс захотел с ним разделаться, уж слишком это притянута за уши — убивать неизвестного человека в доме Типпса, чтобы посадить ему на нос пенсне Кримплшема.

— А где был Уикс в воскресенье? — спросил Паркер.

— На балу, который давал регент хора, — раздраженно выпалил лорд Питер. — Дэвид — его зовут Дэвид — плясал пред алтарем на глазах всего прихода.

Воцарилось молчание.

— Расскажите мне о допросе, — попросил Уимзи.

Паркер кратко изложил все свидетельские показания.

— А как вы думаете, тело могло быть спрятано в квартире? — спросил он. — Я знаю, что мы смотрели, но ведь мы могли что-то пропустить.

— Могли. Но ведь и Сагг смотрел.

— Сагг!

— Вы несправедливы к Саггу, — перебил лорд Питер. — Если бы в доме были какие-нибудь улики, свидетельствующие о причастности Типпса к убийству, Сагг обнаружил бы их.

— Почему?

— Как почему? Да потому что он искал их. Он, как ваши комментаторы к Галатам. Он считает, что это сделал либо Типпс, либо Глэдис Хоррокс, либо ее молодой человек. Он потому и обнаружил следы на подоконнике, что молодой человек Глэдис Хоррокс мог таким образом попасть в квартиру или передать ей что-нибудь. А на крыше он ничего не нашел, потому что не искал.

— Но он же был на крыше передо мной.

— Да, но только для того, чтобы убедиться, что там ничего нет. Он рассуждает так: молодой человек Глэдис Хоррокс — стекольщик. Стекольщики пользуются лестницами. Стекольщики имеют доступ к лестницам. Значит, молодой человек Глэдис

имел лестницу. Следовательно, он пришел с лестницей. Поэтому следы должны быть на подоконнике, а на крыше их быть не может. Вот он и находит отпечатки на подоконнике и не находит их на крыше. Во дворе он тоже не находит следов, но уверен, что нашел бы их, если бы двор не был заасфальтирован. Точно так же он считает, что мистер Типпс должен был прятать тело в кладовке или где-нибудь еще. Поэтому можете быть уверенным, что кладовку и прочие места он облазил в поисках улик. Если бы они там были, он бы их нашел, потому что искал. Стало быть, если он их не нашел, их там нет.

— Ну ладно, хватит болтать. Верю, — прервал его Паркер и перешел к подробному пересказу медицинских свидетельств.

— А кстати, — заметил лорд Питер, отвлекаясь на мгновение, — вам не приходило в голову, что Леви мог заходить в тот вечер к Фрику?

— Да, так оно и было, — довольно неожиданно ответил Паркер и перешел к пересказу своего разговора с невропатологом.

— Послушайте, Паркер, вам не кажется это забавным? Похоже, все наши версии иссякли. Все идет гладко до какой-то точки, а потом из этого ничего не выходит. Словно реки, исчезающие в песке.

— Да, — согласился Паркер. — У меня сегодня утром тоже рассыпалась версия.

— Какая?

— Я беседовал с секретарем Леви о его делах. Ничего существенного узнать не удалось. Потом пошел в Сити разузнать об этих акциях перуанской нефти, но, насколько я понял, Леви даже ничего не слышал о них. Поднял маклеров, но, как всегда на этой бирже, кроме недомолвок и утаек, ничего от них не добился, пока не докопался до одного имени. Но это не Леви.

— Нет? А кто?

— Как ни странно, Фрик. Правда интересно? Он тайно приобрел акции на прошлой неделе, частично на собственное имя, а затем тихо продал их во вторник с очень небольшим доходом в несколько сотен — ради этого не стоило бы беспокоиться.

— Никогда бы не подумал, что он занимается такими делами.

— В том-то и дело, что обычно не занимается. Это-то и интересно.

— Ну, это еще ничего не значит, — заметил лорд Питер. — Иногда люди идут на биржу, чтобы доказать себе или окружающим, что таким образом они могут составить себе состояние, если захотят. Случается, я сам по мелочам занимаюсь этим.

Он выколотил трубку и поднялся, собираясь уходить.

— Послушайте, старина, — внезапно произнес он уже в дверях, — а вам не кажется, что рассказ Фрика не слишком-то согласуется с тем, что говорил Андерсон по поводу Леви и его веселого расположения духа за обедом? Вы бы веселились, если бы знали, что с вами что-то не в порядке?

— Не думаю, — ответил Паркер и тут же добавил со свойственной ему осторожностью: — Но есть люди, которые шутят даже в приемной у дантиста. Например, вы.

— Верно, — согласился лорд Питер и стал спускаться по лестнице.

8

Лорд Питер добрался до дому около полуночи, чувствуя себя необычайно свежо и бодро. Что-то крутилось у него в голове и будоражило его сознание, словно растревоженный рой пчел. У него было такое ощущение, что он пытается разгадать сложную загадку, ответ на которую он когда-то знал, да забыл, и теперь находится на грани воспоминания.

— Где-то, — проговорил лорд Питер сам себе, — где-то есть разгадка. И я даже знаю, что мне известен ответ, только я не могу его вспомнить. Кто-то что-то

говорил. Может, даже я сам. Не помню где, но где-то эта разгадка уже мелькнула. Ложись, Бантер, я еще немного посижу, только накину халат.

С трубкой в зубах он уселся перед камином в окружении своих разноцветных павлинов. Мысленно он проходил версию за версией, пока все они не исчерпались.

Мысли его вертелись вокруг Леви, которого в последний раз видели в десять вечера на улице Принца Уэльского. Потом он вспомнил гротескный вид мертвеца в ванне Типпса, снова мысленно поднялся на крышу и вновь потерял след. Реки, уходящие в песок, струящиеся глубоко под землей,

Где Стикс струит священный воды
Сквозь глубь пещер и гротов своды,
Стремясь к неведомым морям,
Где нет прохода кораблям.

Лорд Питер склонил голову, и ему почудилось, что он слышит слабое журчание, доносящееся из мрака. Но откуда точно? Он был уверен, что кто-то ему уже говорил.

Он поднялся, подкинул в огонь полено и взял книгу, которую безупречный Бантер, не забывающий о своих ежедневных обязанностях из-за сверхурочных волнений, принес из книжного клуба «Таймс». Это оказалось исследование сэра Джулиана Фрика «Физиологические основа-

ния совести», рецензию на которое он читал два дня тому назад.

— Должно быть, хорошее снотворное, — пробормотал лорд Питер. — Если мне не удастся загнать эти проблемы к себе в подсознание, я буду завтра выжатым как тряпка.

Он медленно раскрыл книгу и пробежал глазами предисловие.

«Интересно, правда ли то, что Леви был нездоров, — подумал он, откладывая книгу, — вообще непохоже. И все же... К черту! Надо прекратить думать об этом».

И он решительно принялся читать.

«Не думаю, что мама много общалась с Леви, — была следующая мысль, пришедшая ему в голову. — Отец терпеть не мог этих нуворишей и никогда не принимал их в Денвере. И старина Джералд придерживается этой же традиции. Интересно, хорошо ли мама была знакома с Фриком. С Миллиганом она, кажется, поладила. Я очень доверяю маминому мнению. И по поводу этого базара она вела себя молодцом. Надо было предупредить ее. Она как-то сказала что-то...»

Несколько минут он пытался зацепиться за ускользающее воспоминание, пока оно не испарилось окончательно, насмешливо вильнув хвостом, и снова вернулся к книге.

Через некоторое время снимок, на котором был запечатлен какой-то хирургический опыт, вызвал у него еще одну мысль.

«Если бы свидетельские показания Фрика и этого Уоттса не были такими определенными, я бы занялся выяснением, откуда на дымовой трубе взялись обрывки корпии».

Он глубоко задумался, потом решительно встряхнул головой и погрузился в чтение.

Основной пафос физиолога заключался в том, что сознание и материя едины. Материя является источником мыслей. Эмоции можно вырезать скальпелем в мозгу. При помощи лекарств можно избавиться от воображения; от устаревших условностей можно излечиться, как от любого другого заболевания. «Способность различать добро и зло зависит от определенного состояния клеток головного мозга и может быть видоизменена», — прочитал лорд Питер. И далее: «Человеческая совесть может быть уподоблена жалу пчелы, которое, отнюдь не способствуя благоденствию собственного обладателя, каждый раз, приходя в действие, влечет за собой его неминуемую гибель. Таким образом, моральная оценка выживаемости в каждом случае является категорией чисто социальной; и если человечество когда-либо перейдет от совре-

менной фазы социального развития к постоянно более развитого индивидуализма, как предполагают некоторые из наших философов, можно ожидать, что это интересное психологическое явление со временем перестанет проявляться, точно так же, как атрофировались нервы и мышцы, контролирующие движение ушей и кожных покровов черепа. Сохранившись лишь у немногих отсталых индивидуумов, они представляют сегодня интерес лишь для физиологов».

«Клянусь Юпитером, — вяло подумал лорд Питер, — отличная теория для преступника. Человек, уверенный в этом, никогда...»

И тут оно произошло — то, чего почти неосознанно он ожидал. Это случилось внезапно и так же неизбежно, как восход солнца. Он вспомнил не что-то конкретное, не логическую последовательность событий, а все целиком — весь сюжет в его совершенстве и законченности, со всеми его измерениями и параметрами, и произошло это в одно мгновение, словно он вдруг оказался над землей и мог наблюдать ее подвешенной в пространстве. Ему больше не нужно было мучиться в поисках доводов, не нужно было размышлять. Он знал точно.

Существует игра, в которой играющему предлагается набор букв, чтобы он составил из них слово. Например:

ЖЦОННИЫ

Если согласиться с постепенным и медленным решением этой проблемы, надо перепробовать все варианты сочетаний по очереди, отбрасывая невозможные соединения букв, как например:

ННЫЖ

или

ННЦЖЫ

Можно идти другим путем: пристально вглядываться в предлагаемый лишенный смысла набор до тех пор, пока, вне какого-либо логического процесса, под влиянием какого-то внешнего воздействия, не возникнет комбинация:

НОЖНИЦЫ

После этого можно даже не проверять, все ли буквы оказались использованными. Дело сделано.

Точно так же разрозненные детали двух фантастических головоломок, существовавшие доселе в полном беспорядке в сознании лорда Питера, выстроились сами собой в последовательную цепочку событий. Шум на крыше последнего дома квартала — Леви, беседующий с проституткой под проливным дождем в Баттерси-парке, — единственный ры-

жий волос — корпиевые бинты — инспектор Сагг, вызывающий знаменитого хирурга из прозекторской госпиталя, — леди Леви с нервным расстройством — запах карболового мыла — голос герцогини: «Не то чтобы они были обручены, но была какая-то договоренность с ее отцом» — акции перуанской нефти — смуглая кожа и мясистый профиль человека в ванне — доктор Гримбольд, дающий свидетельские показания: «С моей точки зрения, смерть наступила через несколько дней после получения травмы» — резиновые перчатки — даже фраза мистера Эпплдора: «Он заходил ко мне, сэр, с памфлетом, направленным против вивисекции» — все это и многое другое вдруг зазвучало вместе, как колокола с разных колоколен, слившись в один звук, а поверх этого перезвона плыл один густой тенор: «Способность различать добро и зло — это функция мозга и может быть видоизменена, видоизменена, видоизменена. Способность различать добро и зло может быть удалена».

Лорд Питер не относился к разряду молодых людей, воспринимающих себя слишком серьезно, но на этот раз он просто ужаснулся. «Это невозможно», — неуверенно подсказывал ему рассудок; «Верю, ибо это невозможно», — торжествующе твердила его внутренняя убеж-

денность. «Ну хорошо, — уступая, соглашался рассудок, — что же ты теперь собираешься делать?»

Лорд Питер встал и принялся широкими шагами мерить комнату: «Боже мой! Боже мой!» Он взял с маленькой полочки над телефоном справочник «Кто есть кто» и попробовал найти успокоение на его страницах.

Ф Р И К, сэр Джулиан, баронет, доктор медицины, Париж; доктор наук, Кембридж; рыцарь ордена Св. Иоанна Иерусалимского; хирург-консультант госпиталя Св. Луки, Баттерси. Род. Гриллинхэме 16 марта 1872 г. Образование: Хэрроу и Тринити-колледж, Кембридж. Публикации: Заметки о патологических аспектах гениальности, 1892; Функциональные нарушения нервной системы, 1899; Границы здоровой психики, 1906; Современные достижения психотерапии: критический обзор, 1910; Криминальные психозы, 1914; Исследования психотерапии при лечении контузий, 1917. Клубы: Уайтс; Оксфорда и Кембриджа. Развлечения: шахматы, альпинизм, рыбная ловля...

Он отбросил книгу. «Подтверждения! — простонал лорд Питер. — Как будто они мне нужны!»

Мистер Бантер, спавший праведным сном верного слуги, был разбужен ночью хриплым шепотом: «Бантер!»

— Да, милорд, — ответил Бантер, садясь и зажигая свет.

— Убери ты этот свет к черту! Послушай! Вот — слышишь?

— Не слышу, милорд, — ответил Бантер, поспешно вылезая из кровати и об-

нимая своего хозяина. — Ну же, ну же, скорее ложитесь, а я сейчас накапаю вам брома. Вы весь дрожите — нельзя так поздно ложиться.

— Шш! Нет... это вода, — стуча зубами, промолвил лорд Питер. — Они по грудь в воде, бедняги. Послушай! Неужели ты не слышишь? Тук-тук-тук — они минируют нас... только я не могу понять, с какой стороны... не слышу. Да послушай же! Ну вот опять... Надо узнать — надо помешать им... Послушай! О Боже! Я не слышу, я ничего не слышу из-за выстрелов. Неужели они не могут прекратить эту пальбу?!

— О Господи, — проговорил мистер Бантер про себя. — Нет-нет, все в порядке, майор, не беспокойтесь.

— Но я же слышу, — запротестовал лорд Питер.

— Я тоже слышу, — решительно ответил мистер Бантер, — отлично слышу, милорд. Это наши саперы работают в коммуникационной траншее. Можете не беспокоиться, сэр.

Лорд Питер схватил его за запястье трясущейся рукой.

— Наши саперы... Ты уверен?

— Абсолютно, — бодро ответил мистер Бантер.

— Они возьмут крепость? — произнес лорд Питер.

— Конечно возьмут, — ответил мистер Бантер. — А вы лучше пойдите полежите немного, сэр, — они сами справятся с этим делом.

— Ты уверен, что они в безопасности? — спросил лорд Питер.

— В полной безопасности, сэр, — ответил мистер Бантер, беря своего хозяина под руку и направляясь с ним к его спальне.

Лорд Питер без сопротивления дал себя раздеть и уложить в постель. Бантер в полосатой пижаме, с растрепанными черными волосами казался другим человеком. Сев рядом с кроватью, он мрачно оглядел заострившиеся скулы и серые тени, которые легли под глазами молодого человека.

— Думал, эти приступы не повторятся, — произнес он. — Переутомляется... Заснул? — Он с тревогой взглянул на своего хозяина. В его голосе зазвучали нежные нотки. — Бедняга, — добавил сержант Бантер.

9

Вызванный на следующее утро мистер Паркер, прибыв на Пикадилли, 110, застал там вдовствующую герцогиню.

— Я собираюсь забрать этого мальчишку в Денвер на выходные, — мило промол-

вила она, указывая на Питера, который что-то писал и лишь кивнул Паркеру. — Он слишком переутомляется — эта беготня в Солсбери сутки напролет, — вы не должны позволять ему, мистер Паркер, — а потом будит бедного Бантера посреди ночи и рассказывает ему всякие ужасы о немцах, как будто война не кончилась уже сто лет назад. У него так давно не было приступов, и вот на тебе! Нервы очень странная вещь, а Питер еще в детстве страдал от ночных кошмаров — правда, зачастую ему хватало одной таблетки. Но в тысяча девятьсот восемнадцатом ему действительно было очень плохо, и, конечно, нельзя за год, за два забыть эту войну, и я должна быть только благодарной, что оба мои мальчика остались целы. И все же я считаю: немного тишины и покоя в Денвере пойдут ему только на пользу.

— Я вам сочувствую, старина, — заботливо промолвил Паркер, — вы неважно выглядите.

— Чарлз, — произнес лорд Питер бесцветным голосом, — я уезжаю на пару дней, потому что в Лондоне я буду для вас совершенно бесполезен. То, что нужно сейчас сделать, вы сделаете гораздо лучше меня. Я хочу, чтобы вы взяли это, — он сложил лист, на котором писал, и положил его в конверт, — и немедленно доставили в Скотленд-Ярд. Это должно быть

разослано во все рабочие дома, больницы, полицейские участки и отделения Христианской Ассоциации молодежи в Лондоне. Это описание трупа из ванны Типпса до того, как он был вымыт и выбрит. Мне надо выяснить, не появлялся ли где-либо в течение последних двух недель этот человек, живой или мертвый. Вы лично свяжетесь с сэром Эндрю Маккензи и от его имени тут же разошлете эту бумагу; Маккензи скажите, что вам известно, кто убил Леви, и тайну Баттерси вы тоже разгадали. — Мистер Паркер издал звук удивления, но его друг не обратил на это внимания. — Попросите Маккензи, чтобы его люди по вашему указанию были в любой момент готовы с ордером на арест захватить серьезного и опасного преступника. Как только получите ответы на это описание, проверьте, не упоминается ли в них госпиталь Святого Луки или кто-нибудь из персонала этого госпиталя, и сразу посылайте за мной.

А пока завяжите знакомство — не знаю как — с кем-нибудь из студентов госпиталя. Только не трубите там об убийствах и полицейских предписаниях, а то это может плохо кончиться. Я вернусь сразу, как только получу от вас информацию, надеюсь, наш очаровательный доктор дождется меня, — слабо усмехнулся он.

— Вы хотите сказать, что знаете, кто преступник? — переспросил Паркер.

— Да. Может, я и ошибаюсь. Хочется надеяться, что ошибаюсь, но боюсь, что нет.

— И вы мне не скажете?

— Знаете, — ответил Питер, — пожалуй, нет. Я же говорю, что могу ошибаться, — у меня такое ощущение, как будто я оклеветал архиепископа Кентерберийского.

— Ну хорошо, скажите мне только — это два преступления или одно?

— Одно.

— Вы сказали, убийство Леви. Леви мертв?

— Конечно же, Господи! — сильно вздрогнув, ответил лорд Питер.

Герцогиня, читавшая «Татлер», подняла голову.

— Питер, у тебя опять начинается лихорадка? Что бы вы там ни обсуждали, прекратите немедленно, если тебя это так нервирует. Кстати, пора уже отправляться.

— Хорошо, мама, — ответил Питер и повернулся к Бантеру, почтительно стоявшему в дверях с пальто и чемоданом: — Ты понял, что тебе надо делать?

— Отлично понял, спасибо, милорд. Машина подъехала, ваша светлость.

— Вместе с миссис Типпс, — добавила герцогиня. — Она будет счастлива ви-

деть тебя, Питер. Ты напоминаешь ей мистера Типпса. До свидания, Бантер.

— До свидания, ваша светлость.

Паркер спустился с ними вниз.

Когда машина тронулась, он перевел бессмысленный взгляд на конверт, потом, вспомнив, что сегодня суббота и надо торопиться, махнул рукой и остановил такси.

— Скотленд-Ярд! — выкрикнул Паркер шоферу.

Утро вторника застало лорда Питера весело шагающим по полю, устланному слегка пожелтевшей от заморозков ботвой. Его сопровождал мужчина в вельветовой куртке, а немного впереди трава расходилась волнами, словно от подводного течения, давая знать, что один из сеттеров герцога Денверского где-то поблизости. Через некоторое время с шумом вспорхнула куропатка, и лорд Питер отреагировал на это со скоростью, неожиданной для человека, который несколько ночей назад прислушивался к перемещению воображаемых немецких саперов. Сеттер, дурачась, поскакал сквозь заросли репы и принес убитую птицу.

— Хорошая собака, — промолвил лорд Питер.

Вдохновленная похвалой, собака высоко подпрыгнула, смешно расставив ла-

пы, и залаяла, ухо у нее вывернулось наружу и легло сверху на голову.

— К ноге! — крикнул спутник лорда Питера, и пристыженная собака бочком подошла к нему.

— Что за глупый пес, совершенно не может вести себя спокойно. Очень нервный, милорд. Это из последнего помета Черной Милки.

— Боже, — воскликнул Питер, — неужели она все еще жива?

— Нет, милорд, нам пришлось пристрелить ее весной.

Питер кивнул. Он всегда утверждал, что ненавидит сельскую жизнь и благодарен Богу, что не имеет никакого отношения к семейным поместьям, но этим утром он наслаждался холодным свежим воздухом и мокрыми листьями, влажно поблескивавшими на его сапогах. В Денвере жизнь шла по раз навсегда заведенному порядку: никаких внезапных и насильственных смертей, за исключением разве что состарившихся сеттеров, ну и, естественно, куропаток. Он с блаженством вдыхал осенний воздух. В кармане у него лежало письмо, которое пришло с утренней почтой, но он не хотел читать его сейчас. Паркер молчал, так что торопиться было некуда.

Он прочел послание после ленча в курительной комнате. Рядом над «Таймс» дремал брат — добропорядочный, безупреч-

ный денди, крепкий и здоровый, очень напоминающий Генриха VIII в молодости, — Джералд, шестнадцатый герцог Денверский. Герцог довольно пренебрежительно относился к своему младшему брату, считая недостойным его пристрастие к полицейским новостям.

Письмо было от мистера Бантера.

Пикадилли, 110

Милорд,

я пишу, — (*мистер Бантер был хорошо воспитан и знал, что отсутствие в начале письма местоимения в первом лице единственного числа является дурным тоном*), — вам по поручению вашей милости, чтобы сообщить о результатах моего расследования.

Мне не составило труда познакомиться с камердинером сэра Джулиана Фрика. Он принадлежит к тому же клубу, что и камердинер достопочтенного Фредерика Арбатнота, который, в свою очередь, является моим другом и с готовностью представил меня. Мы были в клубе вчера (в воскресенье) вечером и обедали вместе с человеком сэра Фрика. Его зовут Джон Каммингз. Затем я пригласил Каммингза к нам немного выпить и предложил ему сигару. Надеюсь, ваша светлость простит мне это, зная, что это не входит в мои привычки. Однако я неод-

нократно наблюдал, что наилучший способ завоевать доверие человека заключается в том, чтобы заставить его полагать, что ты обманываешь своего хозяина.

(*«Я всегда знал, что Бантер — знаток человеческой природы», — прокомментировал лорд Питер.*)

Я налил ему лучшего старого портвейна (*«Ну и дурак», — проговорил лорд Питер*), — так как слышал, что вы с мистером Арбатнотом хвалили его. (*Лорд Питер хмыкнул.*)

Результат его воздействия вполне оправдал мои ожидания в смысле решения основной задачи. Однако, с прискорбием должен заметить, что мой гость был не в состоянии оценить качество предложенного ему напитка, а также сигары (одной из тех, что курит ваша милость). Как вы понимаете, я ничего не сказал по этому поводу, но, надеюсь, ваша милость проявит ко мне сочувствие. Я бы также хотел воспользоваться случаем, чтобы выразить вашей милости мое глубокое восхищение вашим отличным вкусом в области напитков, пищи, а также одежды. Позволю сказать, это истинное удовольствие — служить у вас камердинером и дворецким.

Лорд Питер тяжело опустил голову.

— Да что же с тобой делается, Питер, — то киваешь, то усмехаешься, как

не знаю кто, — зычным голосом произнес герцог, внезапно проснувшись. — Пишут что-нибудь приятное, а?

— Да, прекрасные новости, — ответил лорд Питер.

Герцог недоверчиво взглянул на него.

— Надеюсь, ты не собираешься жениться на хористке, — пробормотал герцог про себя и вернулся к «Таймс».

«Во время обеда я поставил своей целью разузнать о вкусах Каммингза и выяснил, что они склоняются к жанру мюзик-холла. Налив первую же рюмку, я завел разговор на эту тему, так как ваша милость любезно предоставили мне возможность посмотреть все спектакли, идущие в Лондоне. Я разговаривал с ним развязнее, чем обычно, чтобы понравиться ему. Должен сказать, что его отношение к женщинам и искусству такое, как и следовало ожидать от человека, который закуривает сигару, а потом запивает ее портвейном вашей милости.

Со второй рюмки я перешел на тему, интересующую вашу милость. С целью экономии времени нашу дальнейшую беседу приведу в форме диалога, как можно ближе к тому, что действительно имело место.

К а м м и н г з. Похоже, мистер Бантер, вам предоставлена возможность вкушать все прелести жизни.

Б а н т е р. У всех есть возможности, надо только знать, как ими пользоваться.

К а м м и н г з. А, вам легко говорить, мистер Бантер. Во-первых, вы не женаты.

Б а н т е р. Да, в жизни есть занятия поинтереснее, мистер Каммингз.

К а м м и н г з. Теперь я это тоже понимаю, но уже поздно. (Он тяжело вздыхает, и я подливаю ему портвейна.)

Б а н т е р. Миссис Каммингз живет с вами в Баттерси?

К а м м и н г з. Да, мы вместе служим у моего хозяина. Что за жизнь! Ничего интересного, разве что уголь привозят раз в день. Но что такое уголь? До чего же скучно в этом проклятом Баттерси.

Б а н т е р. Да, оттуда не слишком удобно добираться до мюзик-холлов.

К а м м и н г з. Истинная правда. Вам-то удобно здесь, на Пикадилли, можно сказать, в самом центре. И наверное, ваш хозяин часто выходит по вечерам, а?

Б а н т е р. Да, довольно часто, мистер Каммингз!

К а м м и н г з. Так что и у вас есть возможность частенько выходить отсюда?

Б а н т е р. Ну а как вы думаете, мистер Каммингз!

К а м м и н г з. Вот так-то. А что делать человеку, у которого жена — ворчливая дура, а хозяин — несчастный доктор, ко-

торый по ночам кроит трупы и экспериментирует на лягушках?

Б а н т е р. Ну выходит же он когда-нибудь.

К а м м и н г з. Очень редко. И возвращается всегда до двенадцати. А что с ним делается, если вы сразу не откликаетесь на колокольчик! Клянусь вам, мистер Бантер!

Б а н т е р. Вспыльчив?

К а м м и н г з. Не-е-е, но он тогда смотрит таким отвратительным взглядом, как будто ты лежишь у него на операционном столе и он собирается тебя зарезать. Понимаете, мистер Бантер, ничего определенного, но взгляд мерзкий. Однако справедлив — что есть, то есть. Если вспылил — извинится. Ну и что из этого, если все равно ни минуты покоя?

Б а н т е р. Каким образом? Долго вас задерживает?

К а м м и н г з. Дело совсем не в этом. Дом запирают, и прислуга ложится в половине одиннадцатого. Это он завел такое правило. А я бы хотел выходить по вечерам — вот что ужасно. Но уж если я ложусь, то хочу спокойно наслаждаться сном.

Б а н т е р. А в чем дело? Ходит ночью по дому?

К а м м и н г з. Еще как. Ночи напролет. Туда-сюда, то в госпиталь, то обратно через черный ход.

Б а н т е р. Неужели такой прославленный специалист, как сэр Джулиан Фрик, работает по ночам?

К а м м и н г з. Нет, он занимается своей работой — исследованиями, так сказать. Режет покойников. Говорят, что он очень умный. Может разобрать нас, как часы, мистер Бантер, и снова собрать.

Б а н т е р. Значит, вы спите внизу, раз так хорошо его слышите?

К а м м и н г з. Нет, наша спальня наверху. Но Боже, он так хлопает дверью, что весь дом сотрясается.

Б а н т е р. О, сколько раз мне приходилось говорить об этом лорду Питеру. Он еще любит разговаривать по ночам. И принимать ванну.

К а м м и н г з. Ванну? Очень своевременно вспомнили, мистер Бантер. Мы с женой спим рядом с баком. Такой грохот, что можно мертвого поднять. В любое время дня и ночи. Угадайте, когда он надумал мыться, например, не далее как неделю назад — в прошлый понедельник?

Б а н т е р. От них можно ожидать и в два часа ночи, мистер Каммингз.

К а м м и н г з. Значит, вам это тоже известно? Но на этот раз дело было в три. Он разбудил нас в три часа ночи. Честное слово.

Б а н т е р. Что вы говорите, мистер Каммингз!

К а м м и н г з. Понимаете, мистер Бантер, он же режет заразные трупы, так что потом, естественно, не хочет ложиться, пока не смоет всех бацилл. Вполне понятно. Но почему в середине ночи джентльмен должен заниматься всякой заразой?

Б а н т е р. Ну, эти великие люди всегда с причудами.

К а м м и н г з. Я должен сказать, что мне эти причуды не нравятся. (И я убежден, что это правда, ваша милость. Никакими признаками величия Каммингз не обладает, а что касается его брюк — они далеки от подобающих человеку его профессии.)

Б а н т е р. И он всегда так поздно ложится, мистер Каммингз?

К а м м и н г з. Ну нет, мистер Бантер, я бы не сказал. На следующее утро он даже извинился и сказал, что надо проверить бак (с моей точки зрения, это просто необходимо), так как в трубы попал воздух и грохот стоит невообразимый. Просто какая-то Ниагара, мистер Бантер, честное слово.

Б а н т е р. Ну, это бывает, мистер Каммингз. Если джентльмен умеет извиняться, можно многое стерпеть. Иногда они просто не виноваты. Например, зайдет неожиданный гость, они и задержатся.

К а м м и н г з. Это верно, мистер Бантер. Теперь я вспоминаю, действительно,

в тот вечер у него был в гостях джентльмен. Не то чтобы он поздно пришел, но он пробыл около часа и мог задержать сэра Джулиана.

Б а н т е р. Очень может быть. Позвольте я вам добавлю портвейна, мистер Каммингз. Или немножко старого бренди лорда Питера?

К а м м и н г з. Немного бренди, спасибо, мистер Бантер. Надеюсь, баром распоряжаетесь вы. (И он подмигнул мне.)

— Будьте уверены, — ответил я и налил ему «Наполеон». (Уверяю вас, ваша милость, душа моя противилась наливать такому человеку. Однако видя, что мы на верном пути, я понимал, что мои усилия не пропадут зря.)

— Как бы я хотел, чтобы к нам по вечерам приходили только джентльмены, — сказал я. (Я уверен, ваша милость простит мне эту вольность.)

(*«Боже милосердный, — промолвил лорд Питер, — Бантер мог бы быть и менее дотошным».*)

К а м м и н г з. Ах вот он какой, его милость? (Смеется и толкает меня. Далее я упускаю часть его речи, которая, безусловно, будет звучать оскорбительно для вашей милости, так же как и для меня. Затем он продолжил.) Нет, сэр Джулиан совсем не такой. Гости заходят по вечерам очень редко, и то одни мужчины.

И уходят, как правило, довольно рано, как и тот, о котором я говорил.

Б а н т е р. Вот видите. А я считаю, что нет ничего утомительнее, мистер Каммингз, чем сидеть и ждать, когда можно будет проводить гостей.

К а м м и н г з. Да, того я не провожал. Сэр Джулиан сам открывал ему дверь около десяти. Я только слышал, как они попрощались и он ушел.

Б а н т е р. Сэр Джулиан всегда провожает своих гостей сам?

К а м м и н г з. Когда как. Если он принимает их внизу, то сам, а если наверху, в библиотеке, то звонит мне.

Б а н т е р. Значит, этого он принимал внизу?

К а м м и н г з. Да, я помню, что сэр Джулиан открывал ему дверь. Он в это время работал внизу. Хотя теперь я вспоминаю, что позже они поднялись в библиотеку. Смешно. Я это точно знаю, потому что мне надо было отнести уголь в холл, и я слышал, что они наверху. Кроме того, сэр Джулиан чуть позже звонил мне из библиотеки. Но, как бы там ни было, мы слышали, что гость уходил в десять или немножко раньше. Он пробыл всего минут сорок пять. Но, как я уже говорил, сэр Джулиан весь вечер ходил туда и обратно через черный ход, а в три залез в ванну, а ведь в восемь уже завт-

рак — это меня убивает. Если бы у меня было столько денег, сколько у него, черта лысого я бы возился с мертвецами по ночам. Я бы нашел, как провести время поинтереснее, мистер Бантер...

Дальнейшее пересказывать нет нужды, так как речь его стала глупой и бессвязной, и мне не удалось больше вернуть его к событиям той ночи. До трех ночи я не мог от него отделаться. Он плакал у меня на плече, называл меня своим парнем и повторял, что хочет служить у вас. Он говорил, что сэр Джулиан будет страшно недоволен тем, что он так поздно пришел, но воскресный вечер — его выходной, и, если тот ему что-нибудь скажет, он пригрозит ему, что уволится. Я думаю, это будет опрометчивый поступок, так как, будь я на месте сэра Джулиана Фрика, я бы не дал такому человеку положительной рекомендации. Еще я обратил внимание, что каблуки на его ботинках стоптаны вовнутрь.

Должен добавить, отдавая должное высоким достоинствам бара вашей милости, что, несмотря на то что мне пришлось выпить довольно много как портвейна, так и «Наполеона-1800», сегодня утром у меня не было ни головной боли, ни других неприятных ощущений.

Надеюсь, вашей милости идет на пользу сельский воздух и вас удовлетворит та

незначительная информация, которую мне удалось получить.

С почтением ко всей вашей семье остаюсь покорно ваш

Мервин Бантер».

— Мне иногда кажется, что Мервин Бантер просто смеется надо мной, — задумчиво проговорил лорд Питер.

— Что там, Сомс?

— Телеграмма, милорд.

— Паркер, — вскрывая ее, произнес лорд Питер.

В телеграмме сообщалось:

«Описание подтверждено работным домом Челси. Неизвестный бродяга травмирован уличном происшествии среду. Умер работном доме понедельник. Доставлен Святого Луки тем же вечером распоряжению Фрика. Затруднительном положении. Паркер».

— Ура! — в возбуждении вскочил лорд Питер. — Как я доволен, что мне удалось поставить Паркера в затруднительное положение! Это придает мне веры в свои силы. Начинаю чувствовать себя Шерлоком Холмсом. «Элементарно, Ватсон». К черту! До чего отвратительное дело. А Паркера все же озадачили.

— В чем дело? — зевая, встал герцог.

— Приказано выступать, — ответил Питер, — возвращаюсь в город. Тысяча благодарностей за твое гостеприимство, старина, — я чувствую себя гораздо лучше. Готов пощекотать профессора Мориарти.

— Как бы я хотел, чтобы ты не связывался с полицией, — проворчал герцог. — Чертовски неудобно иметь брата, который обращает на себя столько внимания.

— Прости, Джералд, — ответил Питер, — я знаю, что я — позор всего рода.

— Почему бы тебе не жениться, не успокоиться и не зажить тихой жизнью, делая что-нибудь полезное? — продолжил герцог.

— Потому что я — неудачник, и ты это прекрасно знаешь, — произнес Питер. — А кроме того, — добавил он жизнерадостно, — я занимаюсь очень полезным делом. Может, и тебе когда-нибудь понадобятся мои услуги, откуда ты знаешь? Когда тебя начнет кто-нибудь шантажировать, Джералд, или неожиданно из Западной Индии вернется твоя первая жена, ты оценишь, как удобно иметь в семье своего собственного детектива. «Интимные частные проблемы будут решены тактично и осторожно. Предпринимаю расследования. Специализируюсь на разводах. Тайна гарантирована!» Ну же.

— Тупица! — произнес лорд Денвер, резко бросая газету на кресло. — Когда тебе нужна машина?

— Сию минуту. Кстати, Джерри, я забираю с собой маму.

— А для чего ее нужно впутывать?

— Ну, мне понадобится ее помощь.

— Мне это крайне неприятно, — произнес герцог.

Однако вдовствующая герцогиня не возражала.

— Мы с миссис Леви были хорошо знакомы, когда она еще была Кристиной Форд, — заметила она. — А в чем дело, милый?

— А дело в том, что предстоит сообщить ей ужасные новости о ее муже, — ответил лорд Питер.

— Он убит, милый?

— Да, и ей придется поехать опознать его.

— Бедная Кристина!

— При ужасающих обстоятельствах, мама.

— Я еду с тобой, милый.

— Спасибо тебе, мама. Ты просто молодец. Не возражаешь, чтобы сразу собраться и выехать? Я расскажу тебе все по дороге.

Мистер Паркер, как верный, хоть и неверящий Фома, раздобыл-таки студента-медика: высокого молодого человека, похожего на переросшего щенка, с невинными глазами и веснушчатым лицом. Теперь он сидел на диване перед камином в библиотеке лорда Питера, совершенно выбитый из колеи окружающей обстановкой, поглощаемым им напитком и всей историей своего появления здесь. Его вкус, хоть и не утонченный, был достаточно хорош от природы, так что он понимал, что назвать эту влагу выпивкой — слово, которым он обычно называл дешевое виски, послевоенное пиво или стакан сомнительного кларета в Сохо, — было бы кощунством. Качество этого напитка находилось за пределами его жизненного опыта: что-то вроде джинна из бутылки.

Человек по имени Паркер, с которым он случайно познакомился накануне в пивной на углу улицы Принца Уэльского, казался вполне симпатичным. Он убедил его зайти к своему другу, который роскошно жил на Пикадилли. С Паркером было все понятно: по-видимому, он был каким-то клерком, может быть в Сити. С другом было сложнее: во-первых, он был лордом, и его внешний вид являл

собой упрек всему свету. Он нес бессмысленный вздор, совершенно не смущаясь. Он не застревал на каждой шутке, чтобы тщеславно продемонстрировать все ее нюансы, но бросал их, так сказать, походя, и, не дожидаясь ответа, перелетал к следующей теме. У него был ужасный камердинер — такие бывают только в книжках — тип, чей критический взгляд заставлял застывать мозг в костях. Паркер же, казалось, не испытывал никакого напряжения, что заставляло относиться к нему с еще большим уважением: вероятно, он уже привык к обителям великих, чего никак нельзя было бы сказать по его виду. Интересно, сколько стоил ковер, на который Паркер небрежно стряхивал пепел со своей сигары; отец студента был обивщиком — мистер Пигготт из компании «Пигготт и Пигготт» в Ливерпуле, так что кое-что о коврах он знал, но цену этого он не мог определить даже приблизительно. Стоило откинуть голову на мягкую шелковую подушку в углу дивана и дотронуться до нее щекой, как начинал раскаиваться в том, что бреешься не слишком часто и не так аккуратно, как хотелось бы. Диван был огромным, но все же недостаточно большим для мистера Пигготта. Что же касается этого лорда Питера, он был невысокого роста, но при этом не казался недомерком. Он выгля-

дел нормально и даже заставлял вас подозревать, что шесть футов три дюйма — это вызывающе и вульгарно; поневоле начинаешь чувствовать себя как новые машины занавески в гостиной — все в складках и неровностях. Однако все вели себя очень хорошо, никто не говорил чего-нибудь непонятного, никто не насмехался. Со всех сторон полки были уставлены ужасно глубокомысленными книгами, огромный том Данте лежал на столе, но хозяева вполне нормально и разумно обсуждали и другие книги — волнующие любовные истории и детективы. А уж их мистер Пигготт прочитал достаточно и мог высказать свое мнение — они слушали внимательно, хотя лорду Питеру и была присуща такая смешная манера обсуждения книг, словно авторы делились с ним своими замыслами еще до написания, заранее обсуждая все детали и сообщая, что уже написано. На память приходил старик Фрик, когда он работал с покойниками.

— Что мне не нравится в этих детективах, — произнес мистер Пигготт, — так это то, что все помнят всё, что с ними случилось за последние шесть месяцев. Они помнят все по часам, помнят, шел ли дождь или светило солнце, чем они занимались в тот или иной день. Рассказывают без записок, как стихотворение. Но в жизни

ведь так не бывает, не правда ли, лорд Питер? — Лорд Питер улыбнулся, и слегка уязвленный юный Пигготт обратился к своему более давнему знакомому: — Паркер, ну вы понимаете, что я имею в виду? Один день так похож на другой, я уверен, что не смог бы припомнить... Нет, конечно, я помню, что делал вчера, но если бы мне нужно было рассказать, что было неделю назад, — хоть убей меня, я бы не вспомнил.

— Конечно, — сказал Паркер, — иногда свидетельские показания выглядят совершенно невероятными. Но, понимаете, существуют определенные способы получить их. Ведь не бывает такого, что приходит человек и говорит: «В прошлую пятницу в десять часов утра я пошел купить баранью отбивную. Когда я повернул на Мортимер-стрит, я заметил девушку двадцати двух лет с темными волосами и карими глазами, в зеленом свитере, клетчатой юбке, панаме и черных туфлях, которая ехала на велосипеде со скоростью десять миль в час по полосе встречного движения по направлению к рынку». Результат, конечно, выглядит так, но вся эта информация вытаскивается из человека при помощи множества наводящих вопросов.

— А в книжках, — добавил лорд Питер, — все это преподносится в сжатой форме, потому что реальная беседа будет

такой длинной и скучной, что ни у кого не хватит терпения дочитать ее до конца. Понимаете, писателям приходится думать о своих читателях.

— Конечно, — ответил мистер Пигготт, — но все равно я убежден, что большинство людей ничего не вспомнит, даже если вы будете задавать им вопросы. Я бы... ну конечно, я не слишком умен, но ведь большинство именно таково, не правда ли? Вы понимаете, что я хочу сказать. Свидетели — это не следователи, они такие же средние идиоты, как вы да я.

— Вполне возможно, — улыбнулся лорд Питер, когда смысл последней фразы наконец дошел до несчастного мистера Пигготта. — То есть вы думаете, что, если я спрошу у вас, что вы делали... скажем, неделю тому назад, вы ничего не сможете вспомнить?

— Конечно нет. — Он задумался. — Нет. Наверное, я, как всегда, был в госпитале, это был вторник, так что, наверное, была какая-нибудь лекция — черт его знает какая, — а вечером я был с Томми Принглом... нет, это было в понедельник. Или в среду? Я же говорил вам, что ничего не получится.

— Вы несправедливы к себе, — сурово сказал лорд Питер. — Я, например, уверен, что вы вспомните, чем вы занимались в этот день в прозекторской.

— Конечно не вспомню, даже говорить не о чем! То есть мне может что-нибудь прийти в голову, если я долго буду думать, но я никогда не присягну в суде, что именно так все и было.

— Ставлю полкроны против шестипенсовика, — сказал лорд Питер, — что вы всё вспомните в течение пяти минут.

— Уверен, что нет.

— Посмотрим. Вы ведете записи при вскрытии? Зарисовки или что-нибудь такое?

— Да, конечно.

— Вспомните, что у вас записано на последнем листе.

— Это очень просто, потому что последняя запись сделана сегодня утром: «Мышцы ноги».

— Так. Что собой представлял объект?

— Старуха, скончавшаяся от пневмонии.

— Так. Теперь мысленно переверните страницу в своем блокноте. Что было до этого?

— Какие-то животные — тоже ноги; я в настоящее время занимаюсь моторной мускулатурой. Да, это была демонстрация старика Каннингхама по сравнительной анатомии. У меня были конечности зайца и лягушки и рудиментарные конечности змеи.

— Так. По каким дням мистер Каннингхам читает лекции?

— По пятницам.

— Хорошо, по пятницам. Перевернем еще одну страницу. Что мы видим?

Мистер Пигготт покачал головой.

— Вы делали рисунки конечностей на левой или на правой странице? Можете увидеть свою первую зарисовку?

— Да-да, я вижу число, записанное наверху. Это разрез задней конечности лягушки на правой странице.

— Так. Представьте себе весь разворот. Что изображено на противоположной странице?

Чтобы ответить на этот вопрос, потребовалась некоторая сосредоточенность.

— Что-то круглое, цветное... ах да — рука.

— Так. Значит, от мышц кисти и руки вы перешли к мышцам ноги и стопы.

— Верно. У меня несколько зарисовок рук.

— Так. Вы делали их в четверг?

— Нет, я никогда не работаю в прозекторской по четвергам.

— Значит, в среду?

— Да, наверное, в среду. Да, так и было. Утром я осматривал больных столбняком, а потом пошел в прозекторскую. Значит, этим я занимался в среду днем. Я точно помню, так как хотел закончить

с ними. Я работал довольно долго, по сравнению с обычным. Поэтому я хорошо помню.

— Так, вы пошли их заканчивать. Когда же вы их начали?

— Естественно, накануне.

— Накануне. Это был вторник, не так ли?

— Я уже потерял счет... да, перед средой идет вторник, да.

— Так, это была мужская рука или женская?

— Мужская.

— Так, значит, в прошлый вторник, неделю тому назад, вы занимались мужскими руками в прозекторской. Пожалуйста, шестипенсовик.

— Черт возьми!

— Минуточку. Вы помните и подробности. Вы даже не представляете, сколько вы помните. Вы помните, например, что это был за человек.

— Нет, целиком я его даже не видел. Я помню, что немного опоздал в тот день. Я заранее попросил оставить мне руку, потому что я в них плохо разбираюсь, и Уоттс, служитель, обещал мне.

— Так. Значит, вы пришли позже, но рука вас дожидалась. Вы принимаетесь за работу — берете ножницы, разрезаете кожу, отворачиваете ее. Кожа чистая и молодая?

— Нет-нет, обычная кожа с темными волосами... да-да, именно так.

— Так. Крепкая мускулистая рука, никаких лишних жировых отложений?

— Вовсе нет, и меня это очень разозлило. Мне нужна была хорошая мускулистая рука, а это была слабо развитая и повсюду жир.

— Так, значит, человек вел сидячий образ жизни и мало занимался физическим трудом.

— Точно.

— Так. Значит, вы разрезали руку и сделали зарисовки. Вы заметили какие-нибудь мозоли?

— Ничего похожего.

— Нет. Это была рука молодого человека? Твердая молодая ткань, гибкие суставы?

— Нет-нет.

— Нет. Значит, старая и волокнистая ткань?

— Нет. Среднего возраста, пораженная ревматизмом. Я имею в виду отложения солей в суставах, и пальцы были немного опухшими.

— Так. Значит, мужчина лет пятидесяти.

— Около того.

— Так. С этим же телом работали и другие студенты?

— Да, конечно.

— Так. И конечно, они отпускали обычные шуточки.

— Наверное... конечно.

— Припомните что-нибудь. Кто у вас местный шутник?

— Томми Прингл.

— Чем был занят Томми Прингл?

— Не могу вспомнить.

— В каком приблизительно месте работал Томми Прингл?

— Около шкафа с инструментами, у раковины С.

— Так. Представьте Томми Прингла своим мысленным взором.

Пигготт рассмеялся.

— Вспомнил. Томми Прингл сказал, что этот старый пижон...

— Почему он назвал его пижоном?

— Не знаю. Но он точно так сказал.

— Ну, наверное, он был похож на пижона. Вы видели его голову?

— Нет.

— А кто занимался головой?

— Не знаю... хотя нет, знаю. Ее резал сам Фрик, крошка Биннз был очень расстроен, потому что голову обещали ему со Скрыгой.

— Понятно. А что сэр Джулиан делал с головой?

— Он собрал нас и показал кровоизлияние в позвоночнике и повреждения нервов.

— Так, ну вернемся к Томми Принглу.

Пигготт повторил шутку Томми Прингла — сделал он это не без смущения.

— Так. Это все?

— Нет. Парень, который работал с Томми, сказал, что эта штука вызвана обжорством.

— Надо полагать, партнер Томми Прингла занимался пищеварительным трактом.

— Да, и Томми сказал, что если бы он знал, что в рабочих домах кормят такими деликатесами, он бы и сам туда отправился.

— Значит, этот человек был нищим из рабочего дома?

— Ну наверное.

— А что, нищие из рабочих домов всегда упитанные или толстые?

— Ну нет, как правило, нет.

— Томми Прингла и его друга удивило то, что этот субъект несколько отличался от обычных представителей рабочих домов?

— Да.

— И, надо полагать, если желудочный тракт вызвал такой интерес у этих джентльменов, вероятно, смерть субъекта наступила вскоре после трапезы?

— Да-да... наверное... не так ли?

— Ну я не знаю, — сказал лорд Питер. — Это ведь по вашему ведомству. Как говорится, это ваше дело.

— О да. Конечно.

— Вряд ли можно было бы ожидать от них таких замечаний, если бы пациент скончался после длительной болезни, в течение которой его кормили жидкой кашей.

— Конечно нет.

— Ну вот видите, сколько вы всего знаете. Во вторник, неделю тому назад, вы анатомировали мышцы руки, принадлежавшей еврею среднего возраста, страдавшему ревматизмом, который вел сидячий образ жизни и скончался после плотной трапезы в результате травмы, вызвавшей кровоизлияние в позвоночник и нервные поражения. Предполагается, что он поступил из рабочего дома.

— Да.

— Вы могли бы присягнуть по этим фактам, если бы в этом возникла необходимость?

— Ну, если хотите, да.

— Вот видите.

На некоторое время мистер Пигготт погрузился в размышления.

— Интересно, — наконец проговорил он. — И я все это знал?

— Конечно, знали... как раб Сократа.

— Это кто?

— Персонаж из книжки, которую я читал еще в детстве.

— А-а, это в «Последних днях Помпеи»?

— Нет, это другая книжка. Боюсь, вы ее не читали. Довольно скучная.

— Я в школе читал только Генти и Фенимора Купера... Но... значит, у меня замечательная память?

— Конечно, память у вас гораздо лучше, чем вы полагали.

— Тогда почему же я не могу запомнить весь этот учебный материал? Голова дырявая как решето.

— Правда? — улыбнулся лорд Питер, глядя на своего гостя.

— Ну, хотя экзаменаторы, конечно, задают другие вопросы, не такие, как вы, — заметил молодой человек.

— Да?

— Да... И потом они дожидаются, когда ты сам вспомнишь. А это страшно тяжело. Совершенно не за что зацепиться, понимаете? Но послушайте, откуда вам известно, что Томми Прингл — наш хохмач и...

— Я не знал, это вы мне сказали.

— Да, я знаю. Но откуда вы узнали, что такой человек должен быть? То есть я имею в виду... — Мистер Пигготт таял на глазах не без влияния процессов, происходивших в пищеварительном тракте. — Я хочу сказать, это вы такой умный или я такой дурак?

— Нет-нет, — откликнулся лорд Питер, — это я. Я всегда задаю глупые во-

просы, и все начинают думать, что у меня есть что-то на уме.

Это было уже слишком сложно для мистера Пигготта.

— Не обращайтесь внимания, — успокаивающе сказал Паркер, — он всегда такой. Что поделаешь — он не виноват. Преждевременное старческое слабоумие. Часто встречается у представителей семейств, в которых юриспруденция передается по наследству. Подите, Уимзи, сыграйте нам «Оперу нищих» или что-нибудь такое.

— Ну что, неплохо? — спросил лорд Питер, когда после поистине дивного вечера счастливый мистер Пигготт был отправлен домой.

— Похоже на то, — промолвил Паркер. — Хотя мне до сих пор это кажется невероятным.

— Ничего невероятного для человеческой природы нет, — откликнулся лорд Питер, — по крайней мере, для ее образованного представителя. Вы получили ордер на эксгумацию?

— Получу завтра. Завтра днем я хотел связаться с людьми из рабочего дома. Сначала надо повидаться с ними.

— Правильно, а я дам знать маме.

— Кажется, Уимзи, я тоже начинаю испытывать неприязнь к нашей работе.

— А я стал относиться к ней терпимее.

— Вы совершенно уверены, что мы не ошибаемся?

Лорд Питер подошел к окну. Штора была задернута не до конца, и он остановился, глядя сквозь щель на освещенную Пикадилли.

— Если мы ошибаемся, — повернувшись, произнес он, — мы узнаем об этом завтра, и ничего дурного в этом не будет. Но я полагаю, что вы успеете получить подтверждение нашей версии еще по дороге домой. Знаете, Паркер, я бы на вашем месте остался ночевать здесь. У нас есть свободная спальня, и я без труда вас устрою.

Паркер изумленно уставился на него.

— Вы считаете, что на меня будет совершено нападение?

— Очень похоже на то.

— Кто-то на улице?

— Сейчас уже никого, был полчаса тому назад.

— Когда уходил Пигготт?

— Да.

— Будем надеяться, что мальчик в безопасности.

— Для этого-то я и выглянул. Боюсь, что нет. Надеюсь лишь, что никому не придет в голову считать, что мы выбрали Пигготта в качестве доверенного лица. А вот нам с вами действительно угрожает опасность. Ну так что, остаетесь?

— Пошли вы к черту, Уимзи! Почему я должен скрываться?

— Чушь! — произнес Питер. — Вы бы так не говорили, если бы верили мне. А вы мне не верите. Вы до сих пор считаете, что я на ложном пути. Ну и идите с миром, только не говорите потом, что я вас не предупреждал.

— Не буду. На смертном одре я продиктую записку, где будет сказано, что вы меня убедили.

— Хотя бы не идите пешком, возьмите такси.

— Ладно.

— И не подсаживайте в него никого.

— Хорошо.

Вечер был сырым и неприятным. К соседней двери подъехало такси, из которого выгрузилась компания, возвращавшаяся из театра, и Паркер сел в машину. Не успел он произнести шоферу адрес, как, вынырнув из соседней улочки, к машине подбежал человек. На нем был вечерний костюм и пальто. Отчаянно размахивая руками, он распахнул дверцу.

— Сэр, сэр! Боже мой! Это же мистер Паркер! Какая удача! Будьте добры... меня вызвали из клуба... заболел друг... не могу поймать такси... все возвращаются из театров... можно я поеду с вами... вы в Блумсбери? Мне нужно на площадь Расселла — дело жизни и смерти...

Он говорил задыхаясь, словно после длительной пробежки. Паркер поспешно вылез из такси.

— Счастлив оказать вам услугу, сэр Джулиан, — произнес он, — берите мое такси. Я еду на Крейвен-стрит и не спешу. Прошу вас, воспользуйтесь моей машиной.

— Это необычайно любезно с вашей стороны, — произнес хирург. — Мне стыдно...

— Ну что вы, — бодро откликнулся Паркер. — Я могу подождать. — Он помог Фрику сесть в машину. — Какой номер? Шофер, площадь Расселла, двадцать четыре, и будьте осторожны.

Машина тронулась. Паркер снова поднялся по лестнице и позвонил в колокольчик.

— Спасибо, старина, — промолвил он. — Пожалуй, я останусь у вас.

— Входите, — откликнулся Уимзи.

— Вы видели? — спросил Паркер.

— Кое-что. Так что произошло?

Паркер поведал о случившемся.

— В общем, — заключил он, — я считал, что вы слегка тронулись, но теперь я убедился, что вы правы.

Питер рассмеялся.

— Благословенны не видевшие, но уверовавшие. Бантер, мистер Паркер останется ночевать.

— Послушайте, Уимзи, давайте посмотрим на это дело с другой стороны. Где это письмо?

Лорд Питер представил полученный от Бантера диалог, и Паркер на некоторое время погрузился в его изучение.

— Знаете, Уимзи, все во мне противится этому.

— Во мне тоже, старина. Поэтому-то я и хочу выкопать нашего нищего из Челси. Ну, высказывайте свои возражения.

— Ну...

— Видите ли, я совершенно не претендую на то, что могу объяснить все. Но у нас имеется два таинственных происшествий за одну ночь, и они связаны друг с другом одним человеком. Это ужасно, но вполне допустимо.

— Да, я понимаю. Но, кроме этого, есть парочка совершенно определенных противоречий.

— Знаю. Но смотрите: Леви исчез после того, как его видели в последний раз в девять вечера, — он искал улицу Принца Уэльского. На следующее утро в восемь часов в ванной одного из домов квартала Королевы Каролины находят труп, имеющий с ним внешнее сходство. Леви, по собственному признанию Фрика, заходил к нему. Согласно сведениям, полученным из рабочего дома в Челси, мертвец, соответствующий описаниям трупа из Баттер-

си в его первоначальном состоянии, был доставлен Фрику в тот же день. Мы знаем, что было с Леви, и не знаем, что с ним стало; нам известно, что стало с неизвестным бродягой (поступил на кладбище), и не знаем, что с ним было: между их прошедшим и настоящим стоит Фрик.

— Вроде правильно...

— Так. Теперь дальше: у Фрика были причины избавиться от Леви — старая ревность.

— Такая старая, что ее трудно считать причиной.

— Однако такие случаи известны¹. Или вы считаете, что люди не могут ревновать по двадцать лет и больше? Может, и нет, если это примитивная животная ревность, в которой за словом следует дело. Другое дело, если задето тщеславие. Унижение болезненно. У нас у всех есть больное место, которое мы не любим беречь. У меня оно тоже есть. И у вас.

¹ Лорд Питер опирается здесь на серьезный авторитет: «При рассмотрении возможных мотивов преступления очень важно выяснить, имелись ли таковые или нет. Я склонен полагать, что незначительность мотива не имеет значения. Из опыта судопроизводства нам известны случаи, когда самые ужасающие злодеяния совершались по очень незначительным поводам: не со злым умыслом или из мести, а всего лишь с целью приобретения незначительной выгоды или отсрочки материальных трудностей» (А. С. Ж. Кэмпбелл. Заключительная речь против Палмера. Стенографический отчет. С. 308. Май, 1856).

Какой-то остряк сказал, что даже чертям не поздоровится, если на них падет гнев оскорбленной женщины. Он считал, что это свойственно только им, бедняжкам. Но сексуальные отношения — болезненное место для любого человека, с ними шутить нельзя — можно перенести разочарование, но не унижение. Я знал человека, которому — не слишком милосердно — отказала девушка, с которой он был помолвлен. Он очень хорошо отзывался о ней. Я спросил его, что с ней стало, и он вполне спокойно ответил: «Вышла замуж за другого», а потом взорвался — не сумел сдержаться. «Боже! — кричал он. — Быть отвергнутым ради какого-то шотландца!» Не знаю, почему он не любил шотландцев, но это бесило его больше всего. А теперь вернемся к Фрику. Я прочел его книги. Его нападки на противников беспощадны, а он — ученый. Тем не менее он не переносит возражений даже в работе, где любой человек должен мыслить здраво и непредвзято. Неужели вы считаете, что он смирится с поражением в чем-либо другом? К тому же в таком интимном деле? Люди обычно упрямы в вещах второстепенных. Я уверю, если кто-нибудь подвергает сомнению мое суждение о какой-нибудь книге. А Леви, который двадцать лет тому назад был никем, похитил невесту у Фрика из-

под носа. И для Фрика дело вовсе не в невесте, а в том, что какой-то неизвестный еврей оставил его, аристократа, ни с чем.

Кроме того, у Фрика есть еще одна причина. Ему нравятся преступления. В своем труде по криминалистике он со злорадством рассказывает о закоренелом убийце. Я прочел эту книгу и обратил внимание на то, как между строк сквозит его восхищение бессердечными и удачливыми преступниками. Презрение он испытывает к жертвам и к преступникам, которые начинают раскаиваться в совершенном или теряют голову и допускают ошибки. Его герои — Эдмон де ла Помер, убедивший свою возлюбленную поспособствовать ее собственному убийству, и Джозеф Смит, известный убийствами своих невест в ванне — по ночам он страстно любил их, а утром хладнокровно осуществлял свой замысел. Ведь Фрик считает, что совесть — это что-то вроде червеобразного отростка. Удалите его — и сразу почувствуете себя гораздо лучше. Обычные раскаяния Фрика не тревожат. Улики против себя он собственной рукой вписал в свои книги. Затем: человек, который ночью пришел в дом Леви, знал расположение комнат. Фрик знал, он рыжеволос, ростом меньше Леви, хотя и ненамного, так что вполне мог надеть его одежду и не выглядеть при этом смешным. Вы же видели

Фрика и знаете, что его рост... где-то пять футов одиннадцать дюймов. Золотая грива. А на руках у него, вероятно, были хирургические перчатки — ведь Фрик хирург; он методичный и осторожный человек, каковыми и должны быть хирурги. Кроме того, человек, получивший в свое распоряжение покойника из Баттерси, должен иметь доступ к трупам. Фрик его имеет. Он должен быть ловким и хладнокровным в обращении с мертвыми телами. Все хирурги таковы. Он должен быть достаточно сильным, чтобы перенести тело по крышам и впихнуть в окно ванной Типпса. Фрик — здоровый парень, член клуба альпинистов. Вероятно, на нем были хирургические перчатки, а тело он спускал с крыши на хирургических бинтах. Опять-таки, хирурги имеют к ним доступ. Этот человек, безусловно, должен жить по соседству. Фрик живет рядом. Девушка, которую вы допрашивали, показала, что слышала грохот на крыше в конце дома. Этот дом расположен рядом с домом Фрика. Каждый раз, как мы обращаемся к Фрику, с ним что-то связано, в то время как Миллиган, Типпс и Кримплшем, которых мы почтили своими подозрениями, ни к чему далее отношения не имеют.

— Да, но все не так просто, как вы говорите. С какой целью Леви тайком отправился к Фрику в понедельник вечером?

— Ну вам же объяснил Фрик.

— Чушь, Уимзи. Вы сами сказали, что это ерунда.

— Великолепно. Значит, Фрик лгал. Зачем бы ему было лгать, если у него нет причины скрывать правду?

— Ну а зачем он вообще стал сообщать это?

— Затем, что Леви видели на перекрестке. Для Фрика это было неприятной неожиданностью. Поэтому-то он и решил поспешить с объяснениями заранее. Он считает, конечно, что никто не будет связывать Леви с Баттерси-парком.

— Мы снова возвращаемся к первому вопросу. Зачем Леви отправился туда?

— Не знаю, но каким-то образом его туда заманили. Зачем Фрик скупал все эти акции перуанской нефти?

— Не знаю, — в свою очередь ответил Паркер.

— Как бы там ни было, — продолжил Уимзи, — Фрик готовился к встрече и поэтому сам открыл дверь, чтобы Каммингз не видел посетителя.

— Но посетитель ушел в десять.

— Ну Чарлз, такого я от вас не ожидал! Это уже настоящее «саггство»! Кто видел, что он ушел? Кто-то сказал «спокойной ночи» и вышел на улицу. И вы поверили, что это был Леви, потому что так вам сказал Фрик?

— Вы хотите сказать, что Фрик бодро отправился на Парк-лейн, оставив дома Леви — живого или мертвого, — несмотря на присутствие Каммингза?

— Со слов Каммингза нам доподлинно известно, что ничего подобного не было. Через несколько минут после ухода гостя Фрик позвонил из библиотеки и приказал Каммингзу закрывать дверь на ночь.

— Значит...

— Существует черный ход... вам же это известно... и Каммингз об этом упоминал... ведущий в госпиталь.

— Да... так где же был Леви?

— Леви вошел в библиотеку, чтобы уже никогда из нее не выйти. Вы же были в библиотеке Фрика. Где он мог его спрятать?

— В своей спальне.

— Значит, туда он его и отнес.

— А если бы камердинер зашел переменить постель?

— Постели застилаются горничной гораздо ранее десяти часов вечера.

— Да... Но Каммингз слышал, что Фрик был дома весь вечер.

— Он слышал лишь то, как он входил и выходил два или три раза.

— Вы хотите сказать, что Фрик закончил все к трем ночи?

— А почему бы и нет?

— Довольно быстро.

— Хорошо, считайте, что это было срочное дело. А кроме того, почему именно к трем? Каммингз не видел его до восьми утра, пока не пригласил его к завтраку.

— Но в три Фрик принимал ванну.

— Я же не утверждаю, что он вернулся с Парк-лейн до трех. Но я не думаю, что Каммингз заглядывал в замочную скважину проверить, моется ли Фрик в ванной.

Паркер снова задумался.

— А как же пенсне Кримплшема? — спросил он.

— Это немного загадочно, — откликнулся лорд Питер.

— И почему ванная Типпса?

— Действительно, почему? Чистая случайность, а может, просто дьявольщина.

— Неужели вы думаете, Уимзи, что весь этот самый сложный план может родиться в голове человека за один вечер?

— Конечно нет. Он сложился, когда к Фрику из рабочего дома поступил человек, обладающий чрезвычайным сходством с Леви. Так что у него было несколько дней.

— Понимаю.

— Фрик выдал себя на допросе. Он и Гримбольд разошлись в оценке того, сколько прожил несчастный после полу-

чения травмы. Если такой маленький человек, как Гримбольд, осмеливается противоречить Фрику, это может быть вызвано лишь его абсолютной уверенностью в своих словах.

— Значит, если ваша версия верна, Фрик допустил ошибку?

— Да. Очень небольшую. Из излишней предосторожности Фрик перестраховался, чтобы ни у кого даже мысли не возникло — например, у врача работного дома. Ведь он считает, что люди не думают дважды об одном и том же (скажем, трупе).

— Что ж он вдруг растерялся?

— Из-за цепочки непредвиденных случайностей. Нашлись свидетели визита к нему Леви; сын моей матери довольно глупо разрекламировал себя в «Таймс» в связи с той половиной преступления, которая произошла в Баттерси; детектив Паркер (чьи фотографии последнее время зачастили на страницах иллюстрированной прессы) на допросе оказался сидящим рядом с герцогиней Денверской. Цель Фрика заключалась в том, чтобы предотвратить соединение двух концов этого преступления. И вдруг они оказались рядом. Скольких преступников погубила перестраховка!

Паркер молчал.

— Клянусь Юпитером, как всегда, смог, — произнес лорд Питер.

Паркер закричал и стал раздраженно влезать в пальто.

— Мне доставляет несказанное удовольствие, — продолжал лорд Питер, — что в нашем общем деле вы выполняете всю скучную и неинтересную рутинную работу.

Паркер снова хрюкнул..

— Вам трудно будет получить ордер? — поинтересовался лорд Питер.

Паркер хрюкнул в третий раз.

— Надеюсь, вы проследите, чтобы все сохранилось в тайне?

— Конечно.

— Попросите, чтобы люди из рабочего дома молчали?

— Конечно.

— И полиция.

— Да.

— Потому что, если вы этого не сделаете, вполне возможно, что арестовать будет некого.

— Мой дорогой Уимзи, вы считаете меня дураком?

— Не смею предполагать.

Паркер хрюкнул в последний раз и отбыл.

Лорд Питер уселся читать своего Данте. Правда, он не нашел успокоения на

его страницах. Лорду Питеру в его карьере частного детектива очень мешало образование. Несмотря на предостережения Паркера, ему не всегда удавалось пренебречь им. Его представления еще в юности были искажены воздействием Шерлока Холмса и тех идеалов, которые тот отстаивал. Он принадлежал к семейству, в котором никто никогда не убил ни одно живое существо, превосходящее размерами лисицу.

— Я — любитель, — повторял лорд Питер.

Однако, пообщавшись с Данте, он решил.

В середине дня он оказался на Гарлистрит. Сэр Джулиан консультировал с двух до четырех по вторникам и пятницам. Лорд Питер позвонил.

— Вам назначено на сегодня, сэр? — поинтересовался открывший дверь мужчина.

— Нет, — ответил лорд Питер, — но, может быть, вы передадите сэру Джулиану мою карточку? Надеюсь, он повидается со мной без предварительной договоренности.

Он расположился в прелестной комнате, где пациенты сэра Джулиана ждали его целебного совета. Здесь было много людей. Две или три модно одетые дамы обсуждали магазины и прислугу,

забавляясь с игрушечным грифоном. Высокий мужчина, стоявший в одиночестве в углу, с обеспокоенным видом раз двадцать в минуту смотрел на часы. Лорд Питер узнал его. Это был Винтрингтон, миллионер, несколько месяцев назад пытавшийся покончить жизнь самоубийством. Он держал под контролем финансовую жизнь пяти стран, но справиться с собственными нервами не мог. Так что теперь экономика этих пяти стран оказалась в могущественных руках сэра Джулиана Фрика. У камина абсолютно прямо сидел молодой человек с офицерской выправкой, на вид ровесник лорда Питера. Лицо его было покрыто морщинами и выглядело преждевременно состарившимся, глаза беспокойно реагировали на любой звук. На диване устроилась пожилая женщина скромного вида с девочкой. Девочка вела себя очень нервно, как затравленный зверек, — женщина следила за ней с затаенной любовью и тревогой, чуть окрашенной легкой надеждой. По соседству с лордом Питером расположилась еще одна молодая женщина с маленькой девочкой — обе широкоскулые, с красивыми серыми волоокими глазами, свойственными славянам. Беспокойно крутившаяся девочка наступила на ногу лорду Питеру, и мать, отчитав ее по-французски, повернулась, чтобы извиниться.

— Mais je vous en prie¹, мадам, — произнес молодой человек, — ничего страшного.

— Она нервничает, бедняжка, — ответила женщина.

— Вы пришли ее консультировать?

— Да. Он замечательный, этот доктор. Вы только представьте себе, monsieur, она не может забыть, что ей довелось увидеть. — Она наклонилась ближе, чтобы девочка не слышала. — Полгода назад мы бежали из голодающей России. Я не могу говорить громче — у нее хороший слух, а как только она слышит об этом, начинаются слезы, дрожь, конвульсии — все сначала. Когда мы приехали, мы были похожи на скелеты — mon Dieu! — но сейчас уже гораздо лучше. Она хоть и худенькая, но не голодает. Она бы выглядела еще лучше, если бы не эти нервы. Мы, кто постарше, можем забыть — enfin, on apprend à ne pas y penser² — а дети! Детей, monsieur, tout ça impressionne trop³.

Избавившись от условностей светских форм английского, лорд Питер выразил свои чувства на том языке, в котором они не обречены на немоту.

— Теперь ей гораздо лучше, — гордо заметила мать, — великий врач, он творит чудеса.

¹ Не беспокойтесь (*фр.*).

² В конце концов, мы заставляем себя не думать об этом (*фр.*).

³ Это слишком впечатляет (*фр.*).

— C'est un homme précieux¹, — произнес лорд Питер.

— О, monsieur, c'est un saint qui opère des miracles! Nous prions pour lui, Natasha et moi, tous les jours. N'est-ce pas, chérie?². И представьте себе, monsieur, он делает все это, ce grand homme, cet homme illustre³, абсолютно бесплатно. Когда мы приехали сюда, у нас не было даже одежды — мы были разорены, истощены. Et avec ça que nous sommes de bonne famille — mais hélas, monsieur, en Russie, comme vous savez, ça ne vous vaut que des insultes — des atrocités. Enfin!⁴ Когда великий сэр Джулиан увидел нас, он сказал: «Мадам, ваша девочка представляет для меня большой интерес. Не о чем говорить. Я буду лечить ее бесплатно — pour ses beaux yeux, a-t-il ajoute en riant». Ah, monsieur, c'est un saint, un veritable saint!⁵ И Наташе сейчас гораздо лучше.

— Madame, je vous en félicite⁶.

— А вы, monsieur? Вы так молоды, сильны — вы тоже нездоровы? Вероятно, после войны?

¹ Это — великий человек (*фр.*).

² О, мсье, он — святой, который творит чудеса. Мы молимся за него, Наташа и я, сутки напролет. Не правда ли, дорогая? (*фр.*)

³ Этот великий, этот выдающийся человек (*фр.*).

⁴ И при этом мы из хороших семей — но, увы, мсье, в России, как вам известно, это лишь повод для оскорблений и издевательств. Подумать только! (*фр.*)

⁵ За ее красивые глаза, — добавил он смеясь. Ах, мсье, он — святой, настоящий святой! (*фр.*)

⁶ Поздравляю вас, мадам (*фр.*).

— Да, последствия контузии, — ответил лорд Питер.

— О, сколько прекрасных и смелых юношей...

— Сэр Джулиан готов уделить вам несколько минут, заходите, милорд, — произнес регистратор.

Он видел сэра Джулиана несколько раз издали и никогда вблизи. Теперь, подробно и вполне достоверно рассказывая о деталях своего недавнего нервного приступа, он внимательно изучал сидящего перед собой человека. Тот был чуть выше лорда Питера, у него были широкие плечи и потрясающие руки. Лицо было красивым и бесстрастным, чуть ли не жестоким: неотразимый взгляд фанатика — ярко-голубые глаза среди рыжего леса волос и бороды. Это не были спокойные и добрые глаза домашнего доктора, это был вдохновенный взор ученого, просвечивающий вас насквозь.

— Да, — промолвил сэр Джулиан, — да. Вы переутомились. Слишком напрягали свой мозг.

— Да, мне неожиданно пришлось столкнуться с очень неприятными обстоятельствами.

— И это произошло после длительного периода напряженной физической и умственной работы?

— Ну... возможно. Хотя ничего особенного.

— Так. Эти неожиданные обстоятельства личного свойства?

— Они потребовали от меня безотлагательных действий — да, в этом смысле они были личного свойства.

— Так. И несомненно, на вас ложилась определенная ответственность.

— Да, очень серьезная ответственность.

— Так как ваши действия затрагивали не только вас, но и окружающих?

— Да, жизненные интересы одного человека и очень многих косвенно.

— Так. Это произошло ночью. Вы сидели в темноте?

— Сначала нет. Потом я, кажется, погасил свет.

— Ну естественно, у вас должно было возникнуть это желание. Вам было тепло?

— Я думаю, к этому времени камин уже погас. Мой камердинер сказал, что, когда я пришел к нему, зубы у меня стучали.

— Так. Вы живете на Пикадилли?

— Да.

— Я так понимаю, по ночам там довольно оживленное движение.

— О да, зачастую.

— Так. Значит, решение, о котором вы говорили... вы приняли это решение?

— Вы были абсолютно убеждены?

— О да.

— Каким бы он ни был, вы решились на поступок?

— Да.

— Так. Вероятно, ему должен был предшествовать некоторый период бездействия.

— Относительного бездействия — да.

— Можно сказать, отсрочки?

— Да, пожалуй, так.

— Может быть, грозящей опасностью?

— Не думаю, чтобы я об этом размышлял тогда.

— Конечно. Вряд ли в такой ситуации вы могли отдавать себе отчет, о чем вы думаете.

— Возможно, вам виднее.

— Так. Да. В восемнадцатом году эти приступы повторялись довольно часто?

— Да — я тяжело болел несколько месяцев.

— Так. А позже они повторялись с меньшей частотой?

— Гораздо реже.

— Когда был последний?

— Месяцев девять тому назад.

— При каких обстоятельствах?

— Я был встревожен некоторыми конкретными семейными обстоятельствами. Решался вопрос о крупных инвестициях, и ответственность в большой мере ложилась на меня.

— Так. В прошлом году вы, кажется, занимались каким-то полицейским делом.

— Да, поисками изумрудного ожерелья лорда Аттенбери.

— Это потребовало значительного умственного напряжения?

— Полагаю, что да. Но это мне доставило и большое удовлетворение.

— Так. Решение этой задачи не сопровождалось ухудшением физического самочувствия?

— Нет.

— Нет. Вы были заинтересованы, и причин для огорчений у вас не было.

— Точно.

— Так. Вы участвовали и в других расследованиях такого же рода?

— Да. Небольших.

— С какими-нибудь неприятными последствиями для вашего здоровья?

— Вовсе нет. Напротив. Я занимался ими скорее для того, чтобы развеяться.

— Вы позволите мне осмотреть вас? Подойдите чуть ближе к свету. Мне нужно видеть ваши глаза. Кто вас лечил до сих пор?

— Сэр Джеймс Ходжз.

— Ах да, это большая потеря для медицины. Поистине великий человек и настоящий ученый. Так. Спасибо. Теперь я бы хотел испытать на вас это маленькое изобретение. Благодаря ему я смогу оп-

ределить вашу реактивность. Сядьте, пожалуйста, сюда.

Далее последовало чисто медицинское обследование. Когда оно было завершено, сэр Джулиан сказал:

— Ну что ж, лорд Питер, теперь я могу рассказать вам о вас вполне человеческим языком, избегая медицинских терминов...

— Спасибо, — откликнулся лорд Питер. — Очень мило с вашей стороны. Я совершенно не понимаю сложных терминов.

— Да. Вы театрал, лорд Питер?

— Да нет, не особенно, — ответил лорд Питер с искренним удивлением. — Все это довольно скучно, как правило. А в чем дело?

— Мне так показалось, — сухо откликнулся врач. — Ну так вот, вам прекрасно известно, что стресс, пережитый вами во время войны, оставил свои следы. Я бы назвал это старыми ранами, только расположены они в мозгу. Ощущения, испытываемые нервными окончаниями, регистрируются в мозгу и вызывают в нем микроскопические физические изменения — такие незначительные, что мы только сейчас начинаем распознавать их, несмотря на всю современную аппаратуру. Эти изменения в свою очередь порождают новые чувства; если говорить точ-

нее, мы называем чувствами те ощущения, которые вызывают у нас проявления этих мозговых изменений: ужас, страх, чувство ответственности и прочее.

— Да-да, я слушаю вас.

— Очень хорошо. Значит, если вы возбуждаете в своем мозгу эти поврежденные участки, то рискуете тем, что старые раны откроются. Я хочу сказать: если вы провоцируете ощущения типа ужаса, страха, чувства ответственности, они реализуются по тем же старым каналам и вызывают в свою очередь физические ощущения, с которыми вы привыкли ассоциировать страх перед немецкими минами, ответственность за жизнь своих солдат, напряженные и безуспешные попытки различить какие-либо звуки сквозь грохот оружейных выстрелов.

— Понимаю.

— Этот эффект усиливается под воздействием внешних факторов: ночь, холод, шум транспорта, — вызывающих сходные физические ощущения?

— Да.

— Да. Ваши старые раны почти затянулись, но еще не до конца. Обычное напряжение ваших умственных способностей не принесет вам вреда. Угроза возникает только тогда, когда вы возбуждаете поврежденную часть мозга.

— Да. Я понимаю.

— Да. Следовательно, вы должны избегать этого. Нужно научиться избегать ответственности, лорд Питер.

— Мои друзья и так считают меня слишком безответственным.

— Очень может быть. Чувствительный темперамент зачастую проявляется именно таким образом из-за психической неустойчивости.

— Да?

— Да. Это конкретное дело, о котором вы говорили, еще не закончено?

— Нет.

— Вы еще не сделали то, что решили?

— Еще нет.

— И вы чувствуете обязанность завершить его?

— О да, теперь я уже не могу отступить.

— Значит, ожидается еще один стресс?

— В определенном смысле.

— Долго ли продлится это состояние?

— Нет, теперь уже недолго.

— Что ж, ваши нервы не совсем в порядке.

— Да?

— Да. Особенно можно не волноваться, но пока следует быть осторожным, а по завершении предоставьте себе полный отдых. Поездка на Средиземное море, к южным морям или что-нибудь в этом роде.

— Спасибо. Я подумаю.

— А пока, для того чтобы безотлагательно немного укрепить вашу нервную систему, я вам дам кое-что. Это, конечно, не панацея, но пережить тяжелое время поможет. Сейчас я выпишу рецепт.

— Спасибо.

Сэр Джулиан встал и вышел в малую операционную, дверь туда вела прямо из кабинета. Лорд Питер мог наблюдать, как он там что-то кипятил и писал. Через несколько минут он вернулся с рецептом и шприцем.

— Вот рецепт. А теперь, если вы закатаете рукав, я смогу оказать вам помощь, в которой вы нуждаетесь сейчас.

Лорд Питер покорно закатал рукав. Сэр Джулиан выбрал участок руки и обработал его йодом.

— Что вы мне введете? Вирус?

Хирург рассмеялся.

— Не совсем. — Двумя пальцами он приподнял кожу на руке. — Я полагаю, вам это уже не раз вводили.

— О да, — ответил лорд Питер, замороженно глядя на холодные пальцы врача и неумолимо приближающуюся иглу. — Да... мне что-то делали такое... и знаете, мне этого совершенно не хочется.

Правой рукой он схватил кисть врача и сжал ее как тисками.

Повисла напряженная тишина. Взгляд сэра Джулиана не дрогнул — голубые

глаза смотрели прямо из-под тяжелых нависших век. Затем он медленно поднял взгляд, и голубые глаза встретились с серыми, и серые выдержали этот холодный спокойный взгляд.

Когда обнимаются влюбленные, кажется, исчезают все звуки на земле, кроме их собственного дыхания. Так и эти два человека слышали только дыхание друг друга.

— Как угодно, лорд Питер, — учтиво сказал сэр Джулиан.

— Я, наверное, глуп как осел, — ответил лорд Питер. — Но я не переносу эти штуки. Однажды мне вкололи не туда, и я провел несколько пренеприятных дней. Теперь я немного побаиваюсь этого.

— В таком случае, — заметил сэр Джулиан, — конечно, лучше не делать инъекций. Это может спровоцировать как раз те ощущения, от которых мы хотим избавиться. Тогда возьмите рецепт и постарайтесь максимально ослабить свою стрессовую ситуацию.

— О да, я не стану волноваться, спасибо, — ответил лорд Питер, аккуратно застегивая рукав. — Я так вам обязан. Если меня будет что-нибудь беспокоить, я загляну еще раз.

— Конечно, конечно, — бодро откликнулся сэр Джулиан. — Только в следующий раз договоритесь заранее. У ме-

ня в последнее время очень много пациентов. Надеюсь, ваша матушка здорова. Я видел ее недавно на дознании по делу Баттерси. Почему вас там не было? Это представило бы для вас интерес.

12

Отвратительный сырой туман драг горло и ел глаза. Нельзя было рассмотреть даже собственные ноги. Люди шли, спотыкаясь о могилы.

Было приятно ощущать ворс старой шинели Паркера. Она побывала уже не в одной переделке и похуже этой. Теперь лорд Питер держался за нее изо всех сил, боясь потеряться. Впереди двигались смутные силуэты людей.

— Осторожно, джентльмены, — раздался чей-то бесцветный голос из густого желтого тумана, — здесь поблизости открытая могила.

Они взяли вправо и тут же наткнулись на кучу свежевыкопанной глины.

— Держитесь, старина, — произнес Паркер.

— А где леди Леви?

— В покойницкой. С ней герцогиня Денверская. Ваша мать замечательно держится, Питер.

— Да? — откликнулся лорд Питер.

Тусклый синий фонарь, который кто-то нес впереди, качнулся и замер.

— Пришли, — сказал кто-то.

Впереди, словно из Данте, замаячили две фигуры с вилами.

— Вы закончили? — спросил кто-то.

— Почти, сэр. — И черти снова принялись за работу, впрочем, в руках у них оказались лопаты.

Кто-то чихнул. Паркер по звуку определил местонахождение чихающего и представил его.

— Мистер Ливет здесь по поручению министра внутренних дел. Лорд Питер Уимзи. Мы очень сожалеем, что нам пришлось вытащить вас в такой день, мистер Ливет.

— Работа есть работа, — хрипло ответил мистер Ливет. Он был закутан шарфом, так что видны были только глаза.

Затем некоторое время тишину нарушал только лязг лопат и звук падающих металлических предметов. Те, из Данте, работали.

Сбоку возник еще один чернобородый призрак — он оказался управляющим работным домом.

— Какая неприятная история, лорд Питер! Надеюсь, вы извините меня, но мне хочется верить, что вы с мистером Паркером ошибаетесь.

— Я бы тоже хотел в это верить.

Что-то начало медленно подниматься из-под земли.

— Ровнее, вы! Сюда. Не видите, что ли? Осторожнее с могилами — они здесь повсюду. Готовы?

— Да, сэр. Идите вперед с фонарем, а мы за вами.

Звук тяжелых шагов. Лорд Питер снова схватился за шинель Паркера.

— Это вы, старина? О, прошу прощения, мистер Ливет, я думал, это Паркер.

— Эй, Уимзи, где вы?

Могила. Покосившееся надгробие легло поперек дороги. Увядшая трава на обочине. Хруст гравия под ногами.

— Сюда, джентльмены. Осторожнее.

Покойницкая. Сырой красный кирпич и шипение газовых фонарей. Две женщины в черном и доктор Гримбольд. Гроб с грохотом устанавливается на стол.

— Билл, у тебя есть отвертка? Мерси. Теперь стамеской помаленьку. Полегче с этими досками.

Скрип досок. Чьи-то всхлипывания. Добрый, но властный голос герцогини:

— Тихо, Кристина. Не надо плакать.

Бормотание. Покачиваясь, персонажи Данте удаляются — хорошие, честные черти в плисовых штанах.

Бесстрастный и спокойный голос Гримбольда, словно на приеме:

— Так, вы достали лампу, мистер Вингейт? Спасибо. Да, сюда на стол, пожалуйста. Осторожно, мистер Ливет, не заденьте локтем шнур. Я думаю, будет лучше, если вы встанете с той стороны. Да-да, спасибо. Отлично.

И внезапно яркий круг света от электрической лампы. Борода и очки доктора Гримбольда. Мистер Ливет сморкается. Паркер подходит ближе. Из-за его спины выглядывает управляющий работным домом. Остальная часть комнаты в дымке еще более сгустившегося тумана.

Приглушенный шум голосов. Все склоняются над столом.

И снова доктор Гримбольд, выходя за пределы границы света:

— Нам бы не хотелось волновать вас без необходимости, леди Леви. Может, вы нам просто скажете какие-то отличительные...? Да-да, конечно... золотая коронка? Так... на нижней челюсти предпоследний справа. Может, какие-то зубы отсутствовали... да? нет? Какая родинка? Да... над левой грудью? Прошу прощения, под грудью. Да, шрам... от аппендицита? Да... длинный... да, в центре? Да, я понял, шрам на руке? Не знаю, удастся ли нам его обнаружить... Некоторая вялость общей конституции? О да... артрит... да, спасибо, леди Леви, понятно. Не нужно подходить, пока я не приглашу вас. Ну, Вингейт. —

Пауза. Невнятное бормотание. — Вырван? Вы думаете, после смерти?.. Я тоже так думаю. Где доктор Колгроув? Вы видели этого человека в работном доме? Да? Припоминаете? Нет? Вы уверены в этом? Да, мы не можем допустить ошибку. Да, но есть причины, по которым сэр Джулиан не может присутствовать; я еще раз спрашиваю вас, доктор Колгроув. Значит, вы уверены — это все, что мне от вас надо. Будьте любезны, мистер Вингейт, пододвиньте свет поближе. Эти несчастные гробы так быстро отсыревают. Так! Что вы считаете? Да-да, ошибки быть не может, не правда ли? Кто вскрывал голову? А, конечно, сам Фрик. Должен признать, они ювелирно работают в этом госпитале Святого Луки. Как вам нравится, доктор Колгроув? Блестящий хирург. Я-то давно этим не занимаюсь. Да, значит, сомнений нет. У вас нет под рукой полотенца, сэр? Спасибо. На голову, пожалуйста... похоже, нам понадобится еще одно. Так, леди Леви, я хочу попросить вас взглянуть на шрам — узнаете ли вы его? Уверен, что вы сможете быть стойкой и помочь нам. Не волнуйтесь, вы увидите только то, без чего нам абсолютно не обойтись.

— Люси, не покидайте меня.

— Конечно нет, милая.

Пространство вокруг стола расчистилось. Свет упал на седые волосы герцогини

— О, да, да! Нет-нет, я не могу ошибиться. Этот странный маленький загиб. Я видела его сотни раз. О Люси! Рувим...

— Минуточку, леди Леви. Родинка...

— Да... Да... на том самом месте.

— Так. Шрам — с раздвоенным концом чуть выше локтя?

— Да, о да.

— Это он?

— Да, да...

— Теперь я должен со всей ответственностью спросить вас, леди Леви. Можете ли вы по этим трем отличительным признакам опознать тело собственного мужа?

— О да. Разве кто-нибудь еще мог иметь точно такие же отметины в тех же самых местах? Это мой муж. Это Рувим. О...

— Спасибо, леди Леви. Вы вели себя очень мужественно и оказали нам неоценимую помощь.

— Но... я не понимаю. Как он здесь оказался? Кто это сделал?

— Успокойтесь, дорогая, — произнесла герцогиня, — этот человек будет наказан.

— О, как жестоко! Бедный Рувим! Кому это было нужно? Можно мне взглянуть на его лицо?

— Нет, дорогая, — ответила герцогиня. — Это невозможно. Идемте — не будем никого отвлекать.

— Нет-нет, они так добры! О Люси!

— Поехали домой, дорогая. Мы вам больше не нужны, доктор Гримбольд?

— Нет, спасибо, герцогиня. Мы так благодарны вам и леди Леви за то, что вы приехали.

Наступила пауза, пока дамы не вышли. Сосредоточенный и спокойный, Паркер проводил их до машины. Затем снова раздался голос доктора Гримбольда:

— Полагаю, лорд Питер Уимзи должен взглянуть... верность его выводов... лорд Питер... крайне неприятно... не хотите взглянуть... я чувствовал себя неловко на допросе... да... леди Леви... совершенно очевидная улика... да... страшный случай... а вот и мистер Паркер... ваша с лордом Питером Уимзи версия полностью подтвердилась... понимаю ли я? Я с трудом этому верю... такой выдающийся человек... можно сказать, великий человек, совершает преступление... да... взгляните! Ювелирная работа... великолепная... не все, конечно, видно... но такие тонкие разрезы... вот здесь на левом полушарии... и здесь через corpus striatum¹... И здесь... как раз в месте, куда пришелся удар... потрясающе... вы только подумайте... нанести удар, а потом вскрыть и посмотреть на его последствия... Хотел бы я

¹ Полосатое тело (лат.).

взглянуть на его мозг, мистер Паркер... подумать только... лорд Питер, вы не представляете себе, какой удар вы нанесли всей медицине — да что медицине, всему цивилизованному миру! Боже мой! Я потрясен, мы все потрясены.

Затем путь обратно через кладбище. Снова туман и скрип мокрого гравия.

— Ваши люди готовы, Чарлз?

— Они уехали. Я отправил их, когда провожал леди Леви.

— Кто с ними?

— Сагг.

— Сагг?

— Да, бедняга. Его вызвали на ковер за то, что он завалил дело. Знаете, все показания Типпса по поводу ночного клуба подтвердились. Девушку, которую он поил джином с пивом, поймали, и она опознала его, так что обвинение было признано необоснованным, и им пришлось отпустить Типпса и мисс Хоррокс. Сагга обвинили в превышении полномочий и предупредили, чтобы впредь он был повнимательнее. Так что он оказался в дураках в полном смысле слова. Мне даже стало жаль его. Хотя, может, это только пойдет ему на пользу. В конце концов, Питер, у нас с вами были преимущества.

— Да. Но это не имеет значения. Кто бы ни поехал, все равно уже не успеем. Что Сагг, что кто-нибудь другой.

Но Сагг, как ни странно, прибыл вовремя. Паркер и лорд Питер проводили время на Пикадилли, 110. Лорд Питер играл Баха, а Паркер читал Оригена, когда Бантер сообщил о приезде Сагга.

— Мы взяли его, сэр, — произнес тот.

— О Боже! — воскликнул лорд Питер. — Живого?

— Мы приехали как раз вовремя, милорд. Мы позвонили и, когда его человек открыл нам, сразу поднялись в библиотеку. Он сидел там и что-то писал. Не успели мы войти, как он попытался схватить свой шприц, но мы опередили его, милорд. Нам совсем не хотелось выпускать его из рук. Мы тщательно обыскали его и увезли.

— Сейчас его, вероятно, уже привезли?

— О да, он в полной безопасности, с ним два надзирателя, наблюдают, чтобы он не покончил с собой.

— Я потрясен, инспектор. Выпейте чего-нибудь.

— Спасибо, милорд. Должен сказать, что я очень признателен вам — дельце оказалось для меня крепким орешком. А если я был груб с вашей светлостью...

— Ничего, инспектор, — поспешно ответил лорд Питер. — Случай действительно был неразрешимый. Мне просто повезло, что я смог получить сведения из другого источника.

— Фрик сказал то же самое. — Великий хирург в глазах инспектора уже превратился в обычного преступника — не более чем фамилия. — Когда мы захватили Фрика, он писал полное признание на имя вашей милости. Конечно, его надо будет показать полиции, но, поскольку оно адресовано вам, я привез его сюда, чтобы вы первым познакомились с ним. Вот оно.

Он протянул лорду Питеру внушительную рукопись.

— Спасибо, — произнес Питер. — Хотите послушать, Чарлз?

— Пожалуй.

Лорд Питер начал читать вслух.

13

«Дорогой лорд Питер.

Когда я был молодым человеком, я имел обыкновение играть в шахматы с другом своего отца. Он был очень плохим и медлительным игроком, он не умел предвидеть неизбежного мата и всегда настаивал, чтобы игра продолжалась до последнего хода. Мне никогда не хватало терпения на это, поэтому сегодня я признаю, что вы выиграли. У меня есть два выхода: остаться дома и быть повешенным или бежать за границу, где и вести далее скучную, уединенную жизнь,

полную неопределенности. Я предпочитаю признать свое поражение.

Если вы читали мою книгу «Криминальные психозы», то вы можете вспомнить, что я там написал: «В большинстве случаев преступник выдает себя неадекватным поведением, связанным с патологическим состоянием его нервных тканей. Его психическая нестабильность проявляется в разнообразных формах: в чрезмерном тщеславии, заставляющем его хвастаться собственными поступками; в переоценке серьезности собственного преступления, вызванной религиозным дурманом, что приводит его в конечном итоге к раскаянию; в мании преследования, вызывающей чувство собственной греховности и ужаса, которые заставляют его бежать, не скрывая следов; в безрассудной самоуверенности, которая проявляется в пренебрежении самой обычной предосторожностью, например в случае Генри Вайнрайта, который оставил мальчика сторожить останки убитой, а сам отправился за кебом; или, напротив, в болезненной подозрительности, которая заставляет его снова и снова возвращаться на место преступления, чтобы удостовериться, что он не оставил никаких следов, по крайней мере с его точки зрения. Без малейших колебаний я осмелюсь утверждать, что нормальный чело-

век, не находящийся под гипнозом религиозных или других заблуждений, всегда может полностью обезопасить себя от того, чтобы преступление было раскрыто, конечно, в том случае, если оно было достаточно продуманным, если он не испытывал недостатка времени и если его расчеты не были разрушены чисто случайным стечением обстоятельств».

Вам прекрасно известно, как я применил этот постулат на практике. Я никак не мог предвидеть две случайности, которые выдали меня. Первая: Леви был узан девицей на Баттерси-роуд, что дало возможность предположить связь между двумя происшествиями. Вторая: Типпс должен был ехать во вторник в Денвер, в результате чего в дело включилась ваша мать, которая рассказала вам о моей личной жизни, что и подсказало вам причину преступления. Если бы я мог уничтожить эти два случайных обстоятельства, осмелюсь сказать, вы бы никогда не заподозрили меня или, по крайней мере, никогда бы не получили достаточных улик для обвинения.

Среди всех человеческих эмоций, за исключением чувства голода и страха, половой инстинкт при определенных обстоятельствах вызывает наиболее сильные и устойчивые реакции. Однако, я думаю, не ошибусь, если скажу, что в то время, когда я писал свою книгу, мой из-

начальный порыв убить сэра Рувима Леви уже претерпел существенные модификации под влиянием моего образа мыслей. К животной похоти и примитивной человеческой жажде мести прибавилось вполне рациональное намерение доказать свою теорию. Если бы все вышло, как я планировал, я бы поместил запечатанный отчет о моем эксперименте в Английский банк, с тем чтобы он был опубликован после моей смерти. Теперь, когда случайность помешала успешному осуществлению моего плана, я передаю этот отчет вам, так как он, безусловно, представит для вас интерес, и прошу ознакомить с ним научные умы из уважения к моей профессиональной репутации.

Наиболее существенными факторами, гарантирующими успех любого предприятия, являются деньги и счастливый случай. Причем, как правило, человек, добившийся первого, автоматически получает и второе. Однако я в свои юные годы, несмотря на приличное состояние, не слишком хорошо умел владеть обстоятельствами. Поэтому я полностью посвятил себя своей профессии, поддерживая дружеские отношения с Рувимом Леви и его семьей. Это давало мне возможность быть в курсе его интересов и намерений, с тем чтобы я мог выбрать необходимое оружие, когда придет время действовать.

А пока я тщательно изучал криминологию как по романам, так и на фактическом материале — мое исследование по криминогенным психозам явилось побочным продуктом этой деятельности. Я понял, что основной проблемой в любом убийстве является уничтожение трупа. Способы убийства для меня как для медика не представляли сложности — вряд ли я допустил бы здесь какую-нибудь ошибку. Сомневаюсь также, что выдал бы себя каким-нибудь сомнительным чувством раскаяния. Основную сложность представляло уничтожение каких-либо связей между моей личностью и личностью убитого. Помните наблюдение Мишеля Финсбери в романе Стивенсона — «на виселицу людей приводит комплекс вины»? Мне стало ясно, что сам по себе труп ничего не значит, если ни у кого в связи с ним не возникает комплекса вины. Таким образом, мысль заменить тела родилась у меня довольно давно, хотя широкий выбор возможностей представился мне лишь после того, как я получил место в госпитале Святого Луки, где в моем распоряжении оказалась вся прозекторская. С этого времени я внимательно следил за всем поступавшим материалом.

Случай представился лишь накануне исчезновения сэра Рувима, когда врач из

рабочего дома в Челси сообщил мне, что в результате падения части лесов неизвестный бродяга получил травму, после чего у него проявились очень интересные нервные и церебральные реакции. Я отправился посмотреть и был поражен сверхъестественным сходством пострадавшего с сэром Рувимом. Удар пришелся на основание шеи между четвертым и пятым позвонками, вызвав серьезные повреждения позвоночника. Вероятность того, что он поправится как физически, так и психически, была очень мала; в любом случае мне представлялось, что нет никаких причин для продления столь жалкого существования. Вероятно, при хорошем питании он и до сих пор был бы жив, но состояние его ног и одежды говорило о том, что он безработный, а при сложившихся обстоятельствах надежд на лучшее у него не было. Я решил, что он как нельзя лучше подойдет для моих целей, и тут же пустил в ход определенные манипуляции в Сити, план которых давно уже вынашивался мною. Между тем реакции, упомянутые врачом рабочего дома, действительно представляли определенный интерес, и я занялся их изучением, распорядившись о доставке больного в госпиталь, пока моя подготовка не была завершена.

В четверг и пятницу я частным образом переговаривал с разными маклерами

и приобрел акции перуанской нефти, стоимость которых была не выше цены на макулатуру. Эта часть эксперимента обошлась мне не очень дорого, но я добился того, что вызвал некоторое любопытство и даже легкое возбуждение. Естественно, на этом этапе я действовал инкогнито. В субботу и воскресенье я начал испытывать некоторое беспокойство, что мой субъект умрет раньше, чем я буду готов, но при помощи инъекций физиологического раствора мне удалось продлить ему жизнь, и даже более того — в воскресенье к вечеру начали проявляться уже ненужные симптомы частичного выздоровления.

В понедельник утром вокруг перуанских акций шла бойкая торговля. Вероятно, распространились слухи о том, что кто-то владеет какой-то информацией, и в этот день я был уже не единственным покупателем. Я приобрел несколько сотен акций теперь на собственное имя и предоставил делу развиваться своим ходом. Во время ленча я организовал как бы случайную встречу с Леви. Как я и ожидал, он выразил свое удивление, встретив меня в этой части Лондона. Я сделал вид, что чем-то огорчен, и предложил поехать вместе. Я затащил его в местечко, куда обычно дельцы не заходят, заказал хорошего вина и выпил такое количество, ко-

торое могло бы показаться ему достаточным, чтобы привести человека в исповедальное состояние. Затем я поинтересовался, как идут дела на бирже. Он ответил, что все в порядке, но при этом вид у него был не слишком уверенный. Потом он спросил меня, не занимаюсь ли я там чем-нибудь. Я сказал, что недавно рискнул и, похоже, не промахнулся. При этом я тревожно оглянулся и подвинул свой стул ближе к нему.

— Тебе что-нибудь известно о перуанской нефти? — спросил он.

Я вздрогнул и снова оглянулся, потом наклонился к нему и произнес приглушенным голосом:

— Да, но я бы не хотел, чтобы это стало известно. Я собираюсь на этом неплохо заработать.

— А я думал, это пустое дело, — произнес он, — оно уже тысячу лет не приносит никаких дивидендов.

— Не приносило, а теперь будет приносить, — сказал я. — У меня есть сведения.

Он недоверчиво посмотрел на меня, я осушил свой стакан и наклонился к его уху.

— Я никому не собирался об этом говорить, — произнес я, — но для тебя и Кристины я готов на все. Ты же знаешь, я с молодости к ней небезразличен. Ты меня тогда обскакал, так что теперь я готов для вас обоих загребать жар руками.

К этому времени я уже действительно разволновался, но он подумал, что я просто пьян.

— Спасибо, старина, — произнес он, — но я ведь всегда был перестраховщиком. Мне нужны доказательства. — Он пожал плечами, напомнив мне ростовщика.

— Я тебе их предоставляю, — сказал я, — но не здесь. Заходи ко мне сегодня после обеда, я покажу тебе сообщение.

— Как оно к тебе попало? — спросил он.

— Расскажу тебе вечером, — ответил я. — Заходи после обеда, скажем, в начале десятого.

— На Гарли-стрит? — спросил он, и я понял, что он придет.

— Нет, — ответил я, — в Баттерси — улица Принца Уэльского, у меня еще дела в госпитале. И смотри никому не говори, куда ты идешь. Я сегодня купил пару сотен акций на свое имя, так что люди наверняка пронюхают. Если станет известно, что мы с тобой встречаемся, кто-нибудь да догадается. А здесь вообще небезопасно говорить об этом.

— Хорошо, — согласился он, — я не стану никому ничего говорить. Я зайду около девяти. Ты уверен, что это стоящее дело?

— Несомненно, — заверил я вполне серьезно.

После чего мы расстались, и я отправился в рабочий дом. Мой пациент скончался около одиннадцати. Я видел его сразу после завтрака, так что это не стало для меня неожиданностью. Я завершил обычные формальности с представителем рабочего дома и договорился о доставке тела в морг около семи часов.

Днем (по понедельникам я обычно не появлялся на Гарли-стрит) я заглянул к старому приятелю, который живет неподалеку от Гайд-парка, и выяснил, что он по какому-то делу уезжает в Брайтон. Мы с ним выпили чаю, и я проводил его на вокзал Виктория, с которого он отправлялся поездом 5.35. Пройдя турникет, я решил купить вечернюю газету и необдуманно направился к киоску. Обычные толпы неслись на пригородные поезда, и меня поглотил встречный поток людей, выходящих из подземки и бегущих со всех сторон на поезд 5.45 в Баттерси. С большим трудом мне удалось выбраться из него, и я, поймав такси, отправился домой; только в машине я заметил, что к каракулевому воротнику моего пальто прицепилось чье-то пенсне. С шести шестнадцати до семи я пытался сочинить что-либо напоминающее финансовый отчет для сэра Рувима.

В семь я отправился в госпиталь и застал фургон из рабочего дома, который

только что доставил моего субъекта. Я распорядился поднять его сразу в анатомический театр и предупредил зрителя Уильяма Уоттса, что собираюсь поработать вечером. Я сказал ему, что сам подготовлю тело — инъекция консерванта только осложнила бы дело. Я отпустил его и отправился домой обедать. Дома я тоже предупредил камердинера, что вечером буду в госпитале, и сказал, что он может лечь, как обычно, в десять тридцать, так как я не могу сказать, когда закончу. Он привык к моим странностям. В Баттерси я держу только двоих слуг — камердинера и его жену, которая готовит мне. Тяжелую домашнюю работу выполняет поденщица, которая не живет в доме. Комната прислуги находится наверху и выходит на улицу Принца Уэльского.

Пообедав, я устроился в холле со своими бумагами. В четверть девятого камердинер закончил с уборкой, я попросил его принести сифон и графины с вином и отпустил его. Леви позвонил в дверь в двадцать минут десятого, и я сам открыл ему. В конце холла появился камердинер, но я сказал ему, что справлюсь сам, и он снова ушел. На Леви был вечерний костюм, пальто, в руках он держал зонтик. «Боже, как ты вымок! — произнес я. — Как ты добрался?» — «На автобусе, — ответил он. — Этот дурак кондуктор забыл меня выса-

дить в конце улицы. А дождь льет как из ведра и тьма кромешная — так что я даже не мог понять, где я нахожусь». Я обрадовался, что он приехал не на такси, на это я и надеялся. «Твоя экономия когда-нибудь вгонит тебя в гроб», — сказал я ему. Тогда я еще не догадывался, что она вгонит туда не только его, но и меня. Еще раз повторяю, тогда я не мог это предвидеть.

Я усадил его к камину и налил виски. Он с воодушевлением говорил о какой-то сделке с аргентинцами, которая предстояла ему на следующий день. Мы поговорили минут пятнадцать, после чего он сказал:

— Ну так что твои перуанские иллюзии?

— Это не иллюзии, — ответил я, — пойдем посмотришь.

Я провел его наверх в библиотеку, зажег верхний свет и настольную лампу на письменном столе, пододвинул ему кресло, спинкой к камину, и принес из сейфа бумаги, подделкой которых занимался до его прихода. Он взял их и, близоруко склонившись, принялся читать. Я подбросил в камин топлива. Как только я заметил, что голова Леви приняла удобное положение, я ударил его кочергой, попав точно над четвертым позвонком. Это была очень трудная задача — рассчитать

необходимую силу удара, чтобы убить его, не повредив при этом кожного покрова, и тут мой профессиональный опыт пригодился мне. Он тяжело вздохнул и бесшумно упал на стол. Я поставил кочергу на место и осмотрел его. Шея была сломана — Леви был мертв. Я перенес его в свою спальню и раздел. Часы показывали без десяти десять. Я положил его под кровать, которая уже была постелена на ночь, и убрал из библиотеки все бумаги. Потом я спустился вниз, взял зонтик Леви, подошел к входной двери и крикнул «спокойной ночи» настолько громко, чтобы это могла слышать прислуга. Я вышел на улицу, дошел до черного хода госпиталя и бесшумно вернулся в дом через свою дверь. Конечно, если бы кто-нибудь увидел меня в это время, было бы неловко, поэтому я перегнулся через перила и убедился, что кухарка со своим мужем все еще разговаривают на кухне. Я снова проскользнул в холл, поставил зонтик на подставку, вернулся в библиотеку и позвонил. Когда вошел камердинер, я распорядился закрыть дверь на ночь, оставив только мою дверь в госпиталь. Я подождал в библиотеке, пока он занимался этим, и около половины одиннадцатого услышал, что прислуга отправилась ложиться. Я подождал еще четверть часа и отправился

в прозекторскую. Я выкатил одну из каталок, подвез ее к дому и пошел за Леви. Тащить его вниз было очень неудобно, но я не стал убивать его внизу, так как, пока меня не было или в те несколько минут, что я выходил закрывать дверь, туда мог сунуться мой камердинер. Я положил Леви на каталку, перевез его в госпиталь и положил на то место, где находился интересовавший меня нищий. Мне было очень жаль отказываться от намерения заглянуть в мозг последнего, но я не мог себе позволить вызвать подозрения. Было еще довольно рано, и я потратил некоторое время на подготовку Леви к вскрытию. Потом я переложил своего нищего на каталку и повез его к дому. Было уже пять минут двенадцатого, так что, я полагал, прислуга легла. Труп я отнес в свою спальню. Он был довольно тяжелым, хотя и легче Леви, но мое увлечение альпинизмом научило меня обращаться с человеческими телами. Здесь многое зависит не столько от силы, сколько от сноровки, впрочем, я довольно силен для своего роста. Я положил тело на кровать — не то чтобы ожидая, что кто-нибудь заглянет ко мне за время моего отсутствия, но на всякий случай; если это случится, они увидят, что я сплю в постели — одеяло я натянул ему на голову. Затем я разделся и надел одежду Леви, ко-

торая, к счастью, была мне лишь немного велика. Не забыл я прихватить и его очки, часы и прочие мелочи. Около половины двенадцатого я уже ловил такси. Люди только начинали разъезжаться по домам после театров, и я довольно легко поймал машину. Я попросил шофера отвезти меня к Гайд-парку. Там я вышел, дал ему хорошие чаевые и попросил забрать меня в этом же месте через час. Он понимающе усмехнулся, и я направился к Парк-лейн. Своя одежда была у меня в чемодане, кроме того, я захватил свое пальто и зонтик Леви. Когда я подошел к дому 9А, свет на верхнем этаже еще горел. Судя по всему, я приехал слишком рано, учитывая, что Леви отпустил прислугу на вечер в театр. Я подождал некоторое время, пока не пробило четверть первого. Вскоре свет погас, и я открыл дверь ключом Леви.

Это входило в мой первоначальный замысел, когда я еще только обдумывал план убийства: Леви должен был исчезнуть из столовой или из своего кабинета, оставив на коврике перед камином лишь кучу одежды. Однако то, что мне удалось обеспечить отсутствие леди Леви в Лондоне, давало возможность еще больше запутать следы, хотя и приходилось отказаться от фантастической заманчивости первоначальной идеи... Я за-

жег в холле свет, повесил мокрое пальто Леви и поставил в стойку его зонтик. Шумно и тяжело я поднялся в спальню, погасив за собой свет. Естественно, я хорошо знал дом. Никакой вероятности встретиться с его камердинером не было. Старина Леви был простым человеком и предпочитал обихаживать себя сам. Он не перетруждал своего камердинера, а по вечерам и вовсе обходился без его услуг. В спальне я снял перчатки Леви и надел хирургические перчатки, чтобы нигде не оставить отпечатков пальцев. Так как я собирался создать впечатление, что Леви лег спать как обычно, то я попросту забрался в постель. Самый простой и верный метод заставить людей во что-то поверить — это сделать это. Не к чему, например, мять постель руками — она все равно никогда не будет выглядеть так, словно в ней спали. Естественно, я не рискнул воспользоваться гребенкой Леви, так как цвет наших волос отличается, но весь остальной туалет я сделал. Я предположил, что такой предусмотрительный старый хрыч, как Леви, выставит свои туфли за дверь для удобства камердинера, точно так же я решил, что он не станет складывать свою одежду. Это была ошибка, но незначительная. Не забыл я и намочить его зубную щетку.

В час ночи я поднялся и при свете карманного фонарика надел собственную одежду. Зажечь свет в спальне я не решился. Я надел свои ботинки и пару старых галош, которые нашел за дверью. Пол на лестнице и в холле был устлан плотным турецким ковром, так что я не опасался оставить следы. Я размышлял, стоит ли рискнуть и захлопнуть входную дверь, но потом из предосторожности решил воспользоваться ключом. (Сейчас он в Темзе. На следующий день я выбросил его с моста в Баттерси.) Я бесшумно выскользнул и, приложив ухо к почтовому ящику, постоял некоторое время, прислушиваясь. Мимо прошел констебль. Как только его шаги замерли в отдалении, я вышел и осторожно закрыл за собой дверь. Она закрылась почти бесшумно, и я пошел за своим такси. Пальто мое очень похоже на пальто Леви, а в чемодан я потрудился положить цилиндр. Я полагал, шофер не обратит внимания, что на этот раз я без зонтика. К счастью, дождь к этому времени лишь накрапывал, так что особых причин заметить отсутствие зонтика у него не было. Я попросил остановиться у дома 50, расплатился, подождал под козырьком дома, пока он не уехал, и поспешил к себе. Было уже без четверти два, а наиболее сложная часть дела была еще впереди.

Моя первая задача заключалась в том, чтобы изменить внешность моего субъекта, исключив возможность каких-либо ассоциаций и с Леви, и с бродягой из рабочего дома. Я счел необходимым внести лишь незначительные перемены, так как вряд ли кто-нибудь стал бы поднимать шум из-за исчезнувшего нищего. К тому же замена ему была найдена. Только в том случае, если Леви видели входящим в мой дом, было бы сложно доказать, что интересующее тело не принадлежит ему. Чисто выбритый, напояженный и намаженированный, мой молчаливый сообщник выглядел вполне убедительно. Руки его были отмыты еще в госпитале и были чистыми, хоть и мозолистыми. К сожалению, у меня не было времени для тщательной работы. Я не знал еще, сколько мне потребуется времени на то, чтобы перенести его, а кроме того, я боялся появления *rigor mortis*, которая сильно осложнила бы мою задачу. Когда я, к собственному удовольствию, выбрил его, я взял крепкую простыню и пару широких бинтов, которыми и связал его, подложив под них вату, чтобы они не оставили ссадин и синяков.

Приближалась самая рискованная часть предприятия. Я уже решил про себя, что единственный путь его транспортировки из дома лежит через крышу. Ид-

ти через сад в эту мокрую погоду неизбежно значило оставить губительные для меня следы. Идти с покойником по улице посреди ночи тоже представлялось мне несколько экстравагантным. А на крыше дождь, который на земле был моим противником, становился союзником.

Для того чтобы выйти на крышу, необходимо было поднять мой груз на последний этаж, пройти мимо комнаты прислуги и пропихнуть его сквозь люк наверх. Если бы речь шла о том, чтобы самому бесшумно пройти мимо комнаты прислуги, я бы не волновался, но мне предстояло сделать это с тяжелым грузом. Это было возможным только в том случае, если прислуга спала; если же нет, тяжелые шаги по узкой лестнице и звук открывающегося люка были бы им наверняка слышны. Я на цыпочках поднялся по лестнице, подошел к их двери и прислушался. К своему ужасу, я услышал, что камердинер закрихтел и пробормотал что-то, поворачиваясь с боку на бок.

Я взглянул на часы. Мои приготовления заняли около часа, и я должен был спешить. Я решил пойти на рискованный шаг, который, как бы то ни было, гарантировал мне алиби. Громко топая, я направился в ванную, включил на полную мощность холодную и горячую воду и вынул пробку.

У моей прислуги не раз были поводы для жалоб на мою привычку принимать ванну по ночам. Шум был такой, что мог разбудить всех спящих по моей стороне улицы Принца Уэльского. Бак у нас издает необычайно громкие звуки, а трубы имеют обыкновение рычать. К моему счастью, бак повел себя замечательно, он свистел, завывал и громыхал, как целый железнодорожный вокзал. Я дал ему поработать на полную мощность минут пять, после чего, решив, что спавшие уже кончили произносить ругательства в мой адрес и накрыли головы одеялами, чтобы спастись от шума, уменьшил поток воды до маленькой струйки и вышел из ванной, оставив включенным свет и закрыв за собой дверь. Затем я взял своего нищего и как можно тише понес его наверх.

Кладовка находилась справа от площадки, напротив комнаты прислуги. В потолке ее был проделан люк, к которому вела короткая деревянная лестница. Я открыл его, пропихнул в него своего нищего и вслед за ним вылез сам. Вода текла в цистерну, производя такой шум, словно кто-то гремел железной цепью, а трубы выли вовсю. Я был убежден, что это заглушит любой другой шум. Я взял лестницу и вытащил ее за собой на крышу.

Между моим домом и последним из квартала Королевы Каролины расстояние

всего в несколько футов. Когда он строился, возникли какие-то неприятности в связи со сносом старинного фонаря, но в конце концов стороны как-то договорились. Как бы там ни было, моя лестница была длиной в семь футов и прекрасно соединяла два дома. Я прочно привязал тело к лестнице и изо всех сил толкнул ее вперед, так что она целиком оказалась на парапете противоположного дома. Потом я разбежался и спокойно приземлился на другой стороне, к счастью, парапет там был узким и низким.

Остальное было просто. Я потащил своего нищего по крыше, намереваясь либо оставить его скрюченным на лестнице, либо запихать в какую-нибудь трубу. Я уже прошел полпути, когда меня вдруг осенила мысль: «А почему бы не подкинуть его Типпсу?» Я вспомнил его глупое лицо и бессмысленную болтовню о вивисекции. Я подумал, что мне доставит удовольствие вручить свой подарочек ему, а потом посмотреть, что он с ним будет делать. Я лег и перегнулся через парапет. Была кромешная тьма, дождь начал лить снова, и я рискнул зажечь свой фонарик. Это был единственный неосторожный поступок, но у меня были веские причины полагать, что это не опасно, — дома с противоположной стороны улицы находились на приличном расстоянии.

Мне хватило секунды, чтобы понять, как мне повезло, — я даже не смел на это надеяться — прямо подо мной было открытое окно.

Я был знаком с этими квартирами, так что у меня не оставалось сомнений, что это окно кухни или ванной. Я сделал петлю из бинта и продел ее под мышки мертвецу. Бинт я скрутил, а конец закрепил за металлическую подпорку трубы. Затем я перебросил нашего друга через парапет, потом спустился вслед за ним по водосточной трубе и вскоре уже пропихивал его в окно ванной Типпса.

К этому времени я уже начал испытывать некоторую гордость и посвятил несколько минут тому, чтобы аккуратно уложить его. Внезапное вдохновение охватило меня, и я решил украсить его пенсне, которое прицепилось ко мне на вокзале Виктория. Я обнаружил его в кармане, когда искал перочинный нож, чтобы разрезать узел, и сразу понял, насколько оно преобразит моего покойника и как дезориентирует следствие. Я водрузил пенсне ему на нос, стер, насколько возможно, все следы своего присутствия и отбыл тем же путем, с легкостью поднявшись по трубе при помощи веревки.

Я тихо вернулся назад, пересек свою расселину и втащил за собой лестницу и простыню. Мой честный сообщник при-

ветствовал меня ободряющим журчанием и глухим шумом. Обратив внимание, что я принимаю ванну уже 45 минут, я выключил воду и предоставил моим верным домочадцам немного поспать. К этому времени я и сам был не прочь заняться этим.

Однако сначала мне нужно было зайти в госпиталь и подготовить все для занятий. Я отрезал Леви голову и начал вскрывать лицевую часть. Через двадцать минут его не узнала бы даже собственная жена. Затем я вернулся в дом, оставив у садовой двери мокрые галоши и макинтош, высушил брюки у газовой плиты и отчистил грязь и кирпичную пыль. Бороду своего нищего я сжег в библиотеке.

С пяти до семи я хорошо поспал. В семь меня, как всегда, разбудил мой человек. Я извинился за то, что так поздно и так долго мылся, и добавил, что надо починить бак.

Интересно, что за завтраком я испытывал необыкновенный аппетит, свидетельствовавший, что ночная работа вызвала определенное перенапряжение тканей. Затем я отправился продолжать вскрытие. Утром зашел тупоголовый инспектор поинтересоваться, не исчезло ли из госпиталя чье-нибудь тело. Я пригласил его к себе и получил особое удовольствие, продемонстрировав, как я работаю над головой сэра Рувима Леви. После чего я

отправился вместе с ним к Типпсу и с удовлетворением отметил, что мой нищий выглядел очень убедительно.

Как только открылась биржа, я позвонил нескольким маклерам и без особых предосторожностей продал большую часть своих перуанских акций при растущих на них ценах. Однако к концу дня ввиду исчезновения Леви покупатели схлынули, и в результате этой сделки я выиграл не более нескольких сотен.

Надеюсь, что я осветил все подробности, которые могли оставаться для вас неясными. Поздравляю вас с удачей и восхищаюсь вашей проницательностью, которая дала вам возможность нанести мне поражение.

Передайте привет своей маме.

Остаюсь искренне вашим

Джулиан Фрик

Post-Scriptum: Я составил завещание, оставив все свои деньги госпиталю Святого Луки, этому же учреждению я завещал свое тело для вскрытия. Уверен, что мой мозг представит интерес для научного мира. Так как я умру от своей руки, надеюсь, сложностей с этим не будет. Я бы хотел попросить об услуге: проследите, чтобы мой мозг не был испорчен неумелым практикантом, а с телом поступили бы согласно моей воле.

Между прочим, вам, может, будет интересно узнать, что я высоко оценил ваш визит сегодня днем. Он содержал предостережение, и я прислушиваюсь к нему, невзирая на ужасные последствия, которые оно повлечет за собой для меня. Мне было приятно, что вы сумели оценить мой ум и силу воли и отказались от инъекции. Естественно, если бы вы согласились на нее, вы бы никогда уже не доехали живым до дому. Инъекция не оставила бы никаких следов на вашем теле. Ее состав — безвредный препарат стрихнина, смешанный с почти неизвестным у нас ядом, теста на который еще практически не существует, — концентрированный раствор...»

На этом месте рукопись обрывалась.

— Ну что ж, все ясно, — произнес Паркер.

— Не странно ли? — заметил лорд Питер. — Такое хладнокровие, такой ум, и он не может удержаться от этого признания, показывающего, как он умен, даже несмотря на то, что этим он сам затягивает петлю у себя на шее.

— Но нам это на руку, — сказал Сагг, — да благословит вас Господь, сэр, но эти преступники все одинаковы.

— Это эпитафия Фрику, — заметил Паркер, когда инспектор ушел. — Что дальше, Питер?

— Я устрою званый обед, — ответил лорд Питер, — приглашу мистера Джона П. Миллигана с секретарем, господ Кримплшема и Уикса. Они заслужили это тем, что не убивали Леви.

— Не забудьте Типпсов, — подсказал мистер Паркер.

— Несомненно, — ответил лорд Питер, — ни в коем случае не лишу себя удовольствия отобедать в компании миссис Типпс. Бантер!

— Милорд?

— Бренди «Наполеон».

Литературно-художественное издание

Дороти Ли Сейерс

ЧЕЙ ТРУП?

Идея и оформление серии *Вадима Назарова*
Ответственный редактор *Игорь Степанов*
Художественный редактор *Алексей Горбачев*
Технический редактор *Любовь Никитина*
Корректор *Евгения Бутенко*
Верстка *Максима Залиева*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать 27.04.2000.
Формат издания 84×90¹/₃₂. Печать высокая.
Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 13,30.
Заказ № 775.

АП № 000029 от 04.11.98.
Издательство «Амфора».
197101, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 19.
E-mail: amphora@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГПП «Печатный Двор»
Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

По вопросам оптовых поставок обращайтесь:

Москва: (095) 116-68-06
ул. Судостроительная, д. 30, корп. 1, подъезд 4
(рядом с метро «Коломенская»)
Санкт-Петербург: (812) 234-56-25; 234-29-88

Оптовая торговля:

*Эксклюзивный дистрибьютор издательства
в Северо-Западном регионе —*
компания «Снарк»

Телефон: (812) 327-54-32

Сеть фирменных магазинов

Книжный клуб «Снарк»

Санкт-Петербург, Загородный пр., д. 21

Телефон: (812) 327-62-60

Дистрибьютор издательства по регионам России —
«Клуб 36'6»

Москва, Рязанский пер., д. 3, этаж 3

Телефон / факс (095) 265-13-05,

267-29-69, 267-28-33, 261-24-90

E-mail: club_36'6@aha.ru

Интернет-магазин

www.kvest.com

Книга-почтой

191186, Санкт-Петербург, Невский пр., д. 28

Петербургский «Дом книги», отдел «Книга-почтой»

Телефон: (812) 219-63-01

BOSTON PUBLIC LIBRARY

3 9999 04113 159 8

WITHDRAWN

MASSACHUSETTS

**No longer the property of the
Boston Public Library.**

Sale of this material benefits the Library.

Margolin

28 ve

«...Вклад Сейерс в развитие жанра
гораздо значительнее, чем вклад любого
из современных детективщиков...»

Эллери Куин

Творчество английской писательницы
Дороти Ли Сейерс (1893–1957) —
признанного мастера детективного жанра,
отличает сочетание традиционной
для англичан интеллектуальности
и мрачной гротескности, переходящей
порой в легкую развлекательность.

Главный герой романа «Чей труп?»
детектив-любитель лорд Питер Уимзи,
погруженный в разгадывание
запутаннейших тайн, в конце концов
посрамляет жестокого
и изобретательного преступника.

ISBN 5-8301-0126-2

9 785830 101264

P8-BSR-481

